

ЙОЗЕФ АУГУСТА

ПОГРЕБЕННАЯ ЖИЗНЬ

KNIŽNICE
VŠEOBECNÉHO VZDĚLÁNÍ
MLÁDEŽE
Z OBORU PALEONTOLOGIE

Napsal univ. prof. RNDr. Josef Augusta, DrSc, nositel Řádu práce a
vyznamenání za zásluhy o výstavbu

Původní rekonstrukce kreslil podle pokynů autora akademický malíř
Zdeněk Burian, nositel řádu Za vynikající práci

Vydáno jako populárně naučná četba doplňující paleontologické učivo
učebnic všeobecně vzdělávacích škol

Josef Augusta, 1967

Illustrations © Zdeněk Burian, 1967

ЙОЗЕФ АУГУСТА

ПОГРЕБЕННАЯ ЖИЗНЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО,
ПРАГА

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
ДВОЙНАЯ СМЕРТЬ	6
ЗОВ ОДИНОЧЕСТВА	20
ПОГРЕБЕННАЯ ЖИЗНЬ	27
ДРАКОНЬЯ СКАЛА	38
БУЙСТВО СТИХИИ	57
СМЕРТЕЛЬНАЯ БУРЯ	67
ПЫЛАЮЩАЯ СТЕПЬ	80
ОЗЕРО СМЕРТИ	101
ОХОТНИКИ НА ПЕЩЕРНЫХ МЕДВЕДЕЙ	118
Послесловие	173

ВВЕДЕНИЕ

Когда ты откроешь эту книгу, дорогой читатель, то забудь то время и тот мир, которые тебе знакомы.

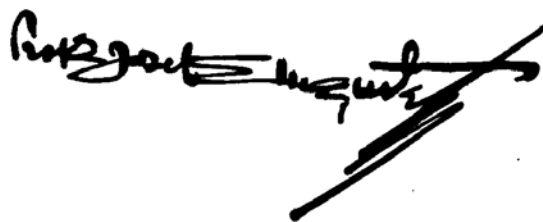
Да, забудь о них, потому что здесь будет рассказано о событиях, что произошли в неизмеримо далекой, глубокой древности в мирах, совсем непохожих на нынешний.

В те прошедшие времена, бессчетные сотни миллионов лет тому назад, на нашей Земле были совсем другие материки и волны неведомых морей нещадно бились о прибрежные скалы. Чужие горы вздымались высоко к облакам, а по широким долинам между ними протекали неизвестные реки. Безымянные вулканы извергали из бездонных недр огненную лаву, столбы дыма и темный пепел, а безымянные гейзеры били из расселин угрюмых скал. Дикие бури бушевали в иных лесах, а иные рощи шумели от дуновения легкого ветерка. Иные существа населяли тогда сушу и море – и мелкие нежные создания, и ужасные чудища неслыханной величины.

И хотя над планетой, где все было чужим, сияло наше Солнце, но даже и оно в те минувшие времена было немного иным – больше и горячее.

Вот об этих ушедших навсегда, погребенных под могучими горами несчетные века тому назад мирах и будет рассказано несколько историй, которые запечатлены несмываемыми письменами из костей и раковин в темном базальте и желтоватой глине.

Итак, дорогой читатель, если ты открыл эту книгу, то забудь время и мир, которые ты знаешь!

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Риздас Исмаилов', followed by a large, bold, diagonal stroke.

ДВОЙНАЯ СМЕРТЬ

Словно широкая серебристая лента, извивающаяся бесчисленными петлями, текла великая река с ее множеством перекатов и излучин через прекрасный тропический край. Теплая, кристально-чистая вода омывала пологие берега, поросшие буйной растительностью, или перетекала по ровным песчаным отмелям, где нежились на солнце протокрокодилы рода амфикотилус, диплозаурус и гониофолис.

В эпоху среднего мезозоя, наступившую в раннем юрском периоде, в речной глади отражались блестящие рощи цикадовых с кронами из прекрасных перистых листьев, светлые лесочки из сосен с их увешанными шишками ветвями и могучие чащи секвой, чьи кроны вздымались ввысь чуть ли не до облаков, будто зеленыеobelisks. На сухих песчаных берегах растения образовывали живописные зеленые группки: там – меньше, там – больше, а дальше они уже сливались в обширные древние леса. В тех местах, где находились затененные долины с мягкой и увлажненной ручьями почвой, вырастали многочисленные папоротники; некоторые из них, подобно лианам, карабкались по стволам секвой высоко вверх, украшая их своими пышными листьями.

Вокруг бесчисленных тупиковых притоков, болот и омутов, что сопровождали по обеим сторонам убегавшую в необозримую даль величественную реку, росли рощицы деревьев гименеа с парой кожистых листьев на каждом черешке и твердыми не раскрывающимися плодами-бобами, которые при созревании падали в густой подлесок. Из них лишь единицы самых сильных ростков становились новыми копаловыми деревьями, появившимися впервые именно в этом уголке исчезнувшего

мира. Но здесь была родина не только лишь копаловых деревьев, чьи стволы блестели от вытекающей смолы. Впервые возникли в этих местах и сассафрасы из семейства лавровых, и рощи сапиндусов, так называемых мыльных деревьев – скромных и неприхотливых первенцев нового типа растений – цветковых, которые вместе с голосеменными и остальными покрытосеменными распространились в последующие эпохи по всем материкам.

Там, где берега реки скрывали влажные топи, в непроходимых зарослях теснились мхи, ползучие плауны, низкие хвощи и длинная узкая трава. Через них с трудом продирались разные древние черепахи, когда приходило время откладывать яйца на лежащих неподалеку песчаных пляжах.

Из пышной рощи цикадовых, чьи коричневые стволы были лохматыми и волокнистыми, вышли два стегозабра – огромные чудовища устрашающего вида. На их высоких, выпуклых спинах торчал двойной ряд толстых костяных щитков с направленными вверх концами. Впереди, сразу за головой, эти щитки имели наименьший размер и наибольший – над крестцом. Короткие, но сильные и вооруженные двумя парами длинных костяных шипов хвосты ящеров волочили по песку, оставляя в нем глубокие следы.

Маленькие плоские головы двигались низко над землей, а взгляд лишенных выражения, неподвижных глаз рептилий тупо перебежал с места на место в поисках сочных молодых растений, чтобы утолить голод.

Ону уже не помнили, как вчера досыта наелись неподалеку от этого места на берегу одного из болот. Забыли, так как их мозг был столь мал и недоразвит, что даже не мог управлять всем могучим телом. Их конечности двигались за счет другого нервного центра – спинного мозга в крестце, который был настолько велик, что масса его нервного вещества в десять раз превосходила размер мозга в маленькой голове.

Словно живые неприступные крепости или бронированные танки странной конструкции, стегозабра брели медлительным шагом по отлогой долине, на песчаной поверхности которой лишь изредка, тут и там, росли метелки травы и низкие цикадовые. Шли, не глядя по сторонам, будто брезгуя случайными горстками зелени, которые не могли их насытить.

Оба стегозабра миновали узкое ущелье, казавшееся огромной каменной аркой, созданной беспорядочно разбросанными скалами, и очутились на широкой зеленой равнине с большим омутом. На его берегах богатым ковром росла высокая трава, окропленная серебристой росой, капельки искрились в лучах раннего солнца невероятной игрой радужных красок.

Сочная зелень так неодолимо манила к себе уродливых стегозавров, что те, сменив свой ленивый шаг на неожиданно быстрый бег, поспешили к омуту с жадно раскрытыми пастьями.

Внезапно ящеры остановились и в их глазах зажглась зловещая искорка бешенства, когда они увидели, что из тени нескольких древовидных цикадовых неожиданно выбежал хищный цератозавр.

Это был лютый пожиратель мяса, который на своих сильных задних лапах быстро настигал любую замеченную им добычу. Бросался на нее с беспощадной яростью, раздирал и рвал острыми зубами, пока от жертвы не оставались лишь покрытые бесформенной массой жил и связок кости. Он глотал куски мяса до тех пор, так что наполненный до отказа желудок чуть ли не лопался.

В рассветных лучах зеленоватая чешуя хищника глянцево поблескивала металлическими оттенками, перемежаемыми матовыми пятнами коричневых и желтых тонов, которые продольными полосами тянулись по всей спине до длинного красноватого хвоста. Синевioletовый низ морды переходил на шее в полосу такого же цвета, но более узкую и не столь яркую, исчезающую на грязно-желтом брюхе. Грозный облик хищного чудища дополнял большой рог, торчащий перед алчно уставившимися на добычу глазами.

Уродливые страшилища, принадлежавшие к племени динозавров, встали друг напротив друга без единого движения. Стегозавры – в ожидании, атакует ли их цератозавр, цератозавр же не решался атаковать, потому что имел плохой опыт после встреч с этими ящерами. Как-то раз он попробовал напасть на одного стегозавра. Мощным прыжком кинулся на него, но зубы соскользнули с крепкого панциря. Прежде чем хищник опомнился, стегозавр стремительно ударил его сильным хвостом с полуметровыми костяными шипами прямо в брюхо и они вонзились туда, словно длинные острые штыки. Цератозавр прервал безнадежный бой и отступил с кровавыми ранами.

С тех пор он никогда не нападал на стегозавров и старался их избегать. Но сегодня, когда пришлось столкнуться с ними буквально нос к носу, все было иначе. Взгляд хищника притягивала огромная куча мяса, до которой было рукой подать. И все же он медлил. Вероятно, цератозавр в конце концов решился бы напасть, если бы один из стегозавров не начал вдруг размахивать могучим хвостом – все быстрее и быстрее, каждый взмах выглядел сильнее. Казалось, он демонстрирует свое лучшее оружие, которое готов применить в нужный момент и которое способно нанести пускай одну, но, тем не менее, сокрушительную рану. Возможно, именно блестящие шипы хвоста окончательно остудили боевой дух цератозавра. Он почуял, что снова потерпит поражение и будет тяжело ранен, потому и на сей раз отказался от боя с этими бронированными живыми крепостями, которые так трудно одолеть.

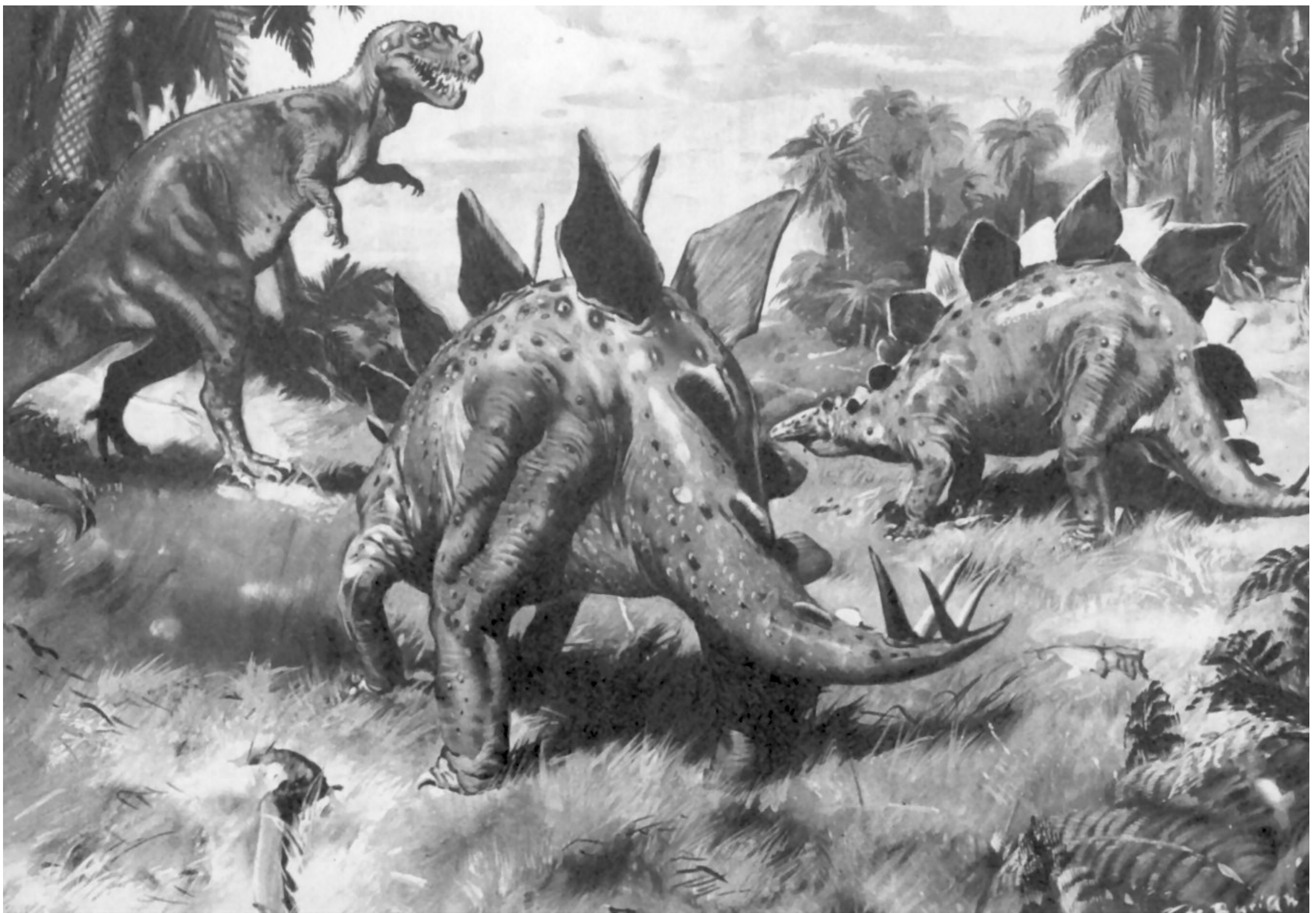
Как только хищник исчез, стегозавры продолжили путь к берегу омута, где тут же принялись беззаботно лакомиться свежей травой, а их желудки спокойно переваривали съеденное.

Между тем цератозавр пробежал через зеленую равнину и вышел на маленький плоский пригорок возле опушки рощи гинкго. Как только он оказался там, то сразу начал вглядываться вдаль. Насколько хватало глаз, всюду сверкала водная гладь, а вокруг нее, во влажности и в потоках солнечного тепла и света неудержимо и буйно зеленела растительность. Всюду бурлила и кипела жизнь, но то была чудовищная и грозная жизнь, молчаливая жизнь, и тишину эту нарушат лишь спустя долгое время хриплые крики или щелканье челюстей удивительных ящеров – самых совершенных созданий тогдашнего мира.

Но вся царственная и великолепная красота мира была совершенно безразлична цератозавру...

Ящер огляделся еще раз и внезапно устремился к одному из самых больших омутов. Он все время ускорял бег, словно опасался, что придет слишком поздно. Его порадовало то, что он увидел с пригорка.

На краю громадного омута, к которому так спешил цератозавр, паслись в неглубокой воде несколько бронтозавров. Они срывали сочные стебли и мясистые листья водяных растений, растущих из песчаного дна. Животные паслись тут с самого утра, но аппетит у них еще не убавился.

И лишь один из них отдыхал уже долгое время. Его маленькая голова торчала на длинной шее высоко над водой, а глаза без усталости смотрели на араукариевый лес, простиравшийся далеко за желтой песчаной равниной.

Вдруг динозавр поднялся и медленными шагами направился к берегу. Спустя некоторое время он начал выбираться на него – медленно и тяжело, видимо, он был уже очень старым.

Туша огромной величины начала продвигаться сквозь зеленую траву и буйную поросль хрустящих хвощей, с длинной шеей впереди и длинным хвостом позади, сужающимся в вытянутый тонкий бич. Четыре сильных колонноподобных ноги несли тело двадцатиметровой длины, весящее более двадцати тонн. Это была живая гора из кости и мяса, одна из самых чудовищных диких животных природы.

Когда ему с трудом удалось выбраться на низкий берег, то бронтозавр, сделав несколько шагов, остановился. Стоял тихо и все так же беспрестанно глядел на араукариевый лес.

Этому созерцанию не помешали даже его сородичи, которые спустя время тоже вышли на сушу. Земля глухо гудела от их шагов, когда животные разбредались по берегу. Каждый высматривал себе место на зеленом травяном ковре, где он, не будучи потревожен остальными, смог бы мирно насытиться.

Так спокойно они и паслись, а перед каждым из них непрерывно росла полоса обкусанной и истоптанной травы. Все держались поближе к берегу и лишь одно животное забрело к удаленным зарослям, которые приманили его светлой зеленью листьев. Ящер тут же сорвал несколько из них своей пастью, начал растирать пищу тупыми частыми зубами и сразу с неохотой выплюнул – они оказались слишком кожистыми и плотными. Не долго думая, он потянулся к мягкой траве, которой было в изобилии вокруг зарослей.

Бронтозавры без отдыха набивали брюхо колоссальной массой травы и, тем не менее, все еще не наелись. Все новые и новые пучки исчезали в пастьях, и лишь время от времени один из них поднимал длинную шею с маленькой головой, увенчивающей громадную тварь, чтобы оглядеться вокруг. Но повсюду было тихо, ничто не нарушало покой сказочных животных в краю волшебной красоты.

Лишь престарелый бронтозавр все время так и простоял с высоко поднятой шеей.

Далеко от этого места, возле одного из слепых рукавов реки искали добычу два хищных аллозавра – динозавры высотой пять метров. Их огромную пасть усеивали острые и крепкие зубы, а тело, покоящееся на сильных задних ногах, было медного цвета с мозаикой из черных и белесых пятен.

Монстры охотились и оглядывали все вокруг, пристальными взглядами высматривая какую-нибудь добычу. Но долгие поиски пока были напрасны.

Очутившись на самом конце рукава реки, они неожиданно увидели могучих диплодоков – вид, родственник бронтозаврам. Они были им подобны, но обладали еще более длинным хвостом и стройной, S-образно изогнутой шеей. Аллозавры остановились, их длинные хвосты начали резкими ударами хлестать землю. Зеленые глаза раздраженно сверкали – напасть не удастся, ведь диплодоки были далеко от берега и в кристально-чистой воде их могучие тела вырисовывались темными громадами, лишь изредка, подобно чудовищной змее, над водой появлялась длинная стройная шея с маленькой головой, когда животное хотело выдохнуть и набрать в легкие свежий воздух.

Аллозавры долго еще бегали по берегу в бессильной ярости; отходили подальше, чтобы обмануть бдительность травоядных, а потом снова возвращались зарослями, но диплодоки так и оставались в воде, она охраняла их, беззащитных, от кровавого нападения одних из самых лютых и најесточайших пожирателей мяса всего племени динозавров.

Когда после долгой терпеливой осады аллозавры многократно убедились в тщетности своих усилий выманить диплодоков из воды, они убежали оттуда и больше уже не возвращались. Их зеленые глаза сверкали от голода и бешенства, когда ящеры мчались по песку вдоль края леса и роши, когда они пробежали мимо низких холмов или маленьких долин и оставляли за собой зеленые берега омутов и болот. Они быстро неслись вперед, а останавливались лишь ненадолго, чтобы хорошенько оглядеть окрестности; но вокруг по-прежнему было пусто, никаких признаков добычи, потому они опять бежали дальше, обозленные и изголодавшиеся.

Внезапно оба остановились и пристально уставились на берег гигантского пруда, чья гладь замерцала далеко впереди. На его зеленом краю хищники заметили нескольких пасущихся бронтозавров – их высоко выгнутые спины издали выглядели как бурые холмы. Аллозавры ускорили свой бег и устремились прямо к ним. Первым их увидел престарелый бронтозавр. Повернув под углом вбок крохотную голову, высящуюся на самом верху длинной, чуть согнутой шеи, он лишь одним глазом зорко наблюдал за двумя точками вдали, которые быстро двигались и все время увеличивались в размерах. И как только сетчатка его глаза опознала в этих непонятных точках хищных аллозавров, старик исторг из своего горла си́плый свист. Потом его голова быстро опустилась и на горизонтально вытянутой шее повернулась в сторону пруда. Он заспешил, ибо страх перед жуткими чудищами пересилил его медлительность и старческую немощь. Хотя жизнь была ему уже скорее в тягость, чем в радость, все же он не хотел расстаться ней в

прожорливых пастях аллозавров. Потому со всей прыти потопал к воде, где была для него единственная возможность уцелеть.

Он быстро добрался до берега. В сущности, это был путь всего в несколько шагов, ведь ящер находился всех ближе к пруду. Резко и тяжело он плюхнулся в воду, в воздух полетели брызги, раздался пугающий плеск, когда престарелый бронтозавр начал забираться на глубину, подальше от берега. За ним оставалась широкая полоса взбаламученной воды, смешанной с грязью и илом, которые поднялись темными комьями со дна под его тяжелыми ногами. Ящер не останавливался до тех пор, пока над поверхностью не осталась торчать только одна голова и малая часть шеи в почти вертикальном положении.

Предупреждающий свист престарелого бронтозавра нарушил покой всех его беззаботно пасущихся сородичей. Их длинные шеи с маленькими головами настороженно задрались вверх, несколько раз дернулись в разные стороны, а потом, будто сломанные бурей деревья, опустились к самой земле. Затем все испуганно ринулись наутек к пруду, ведь спасение ждало их только там. Твердая почва берега теперь стала небезопасной; в любой момент здесь можно было встретить смерть, жуткую и мучительную.

Почти все спаслись, лишь один нашел свою погибель. Это был тот ящер, который ушел далеко от берега, к зеленым зарослям.

Он не успел добежать, вода омута не защитила его.

Мощными прыжками на него бросились оба аллозавра и яростно вцепились своими голодными пастями в основание шеи. Большие, острые зубы глубоко вонзились в мягкое тело бронтозавра, не защищенное ни броней, ни твердым панцирем. Атакованный исполин начал метаться, но вцепившиеся в него челюсти аллозавров все никак не разжимались. Когда, наконец, ему удалось стряхнуть нападающих, они прыгнули на него снова, еще яростнее, чем в первый раз. Хищники рвали и раздирали травоядного, возбужденные видом струящейся крови и лоскутами плоти. Острые конические зубы без устали вонзались, от жертвы каждый раз отрывали большие куски мяса и наносили ей ужасные раны.

Вот эту самую сцену кровавой расправы и заметил с недалекого пригорка цератозавр, голодный и взбешенный своей предыдущей неудачей со стегозавами.

В глазах его замерцало зеленое пламя новой надежды на добычу и он, не мешкая, быстро припустил вниз, к месту кровавой трагедии.

Добежав туда, цератозавр огромным скачком бросился на бронтозавра, но соскользнул с его спины, а потому начал наносить ему глубокие раны на бедрах и в паху.

Изувеченный бронтозавр упрямо поднялся на ноги, все еще пытаясь добраться до пруда. Но уже не смог двигаться, а лишь беспомощно шатался, ослабленный чудовищной потерей крови и неустанным натиском сразу трех безжалостных хищных ящеров.

Ужасная битва – жестокая, но безмолвная – подходила к концу. И хотя огромное тело еще долгое время металось и подскакивало в диком бою, но вот бронтозавр вдруг рухнул на землю. Над ним стояли его победители: впереди, над разорванной шеей – оба аллозавра, сзади, над разодранными ногой и боком – цератозавр. Все трое яростно стегали длинными хвостами, а их широкие разинутые пасти, полные страшных зубов, ощерились друг на друга, что не предвещало ничего хорошего. И хотя они сообща убили травоядного гиганта, пусть огромного, но иначе никак не защищенного, тем не менее, аллозавры воспринимали рогатого цератозавра как чужака.

В воздухе витала угроза нового боя, намного более страшного, чем с бронтозавром – бой хищника против хищников. Но аппетитный запах крови и мяса, который невыносимо щекотал им ноздри, оказался сильнее. И вот каждый из них наклонился на своем месте над телом павшего великана и принялся алчно насыщаться.

Между тем как проголодавшиеся хищники яростно вгрызались в гору мяса, в водах пруда, далеко от берега на пир плотоядных тупо и равнодушно взирали сородичи побежденного бронтозавра. Ни капли жалости не появилось в их глазах из-за страшной гибели члена их стада. Его смерть для них совсем ничего не значила, а павший точно так же не пожалел бы о смерти кого-нибудь из них.

Аллозавры и цератозавр были полностью увлечены своей кровавой работой. Их зубы вгрызались в мясо, а потом оно исчезало в глотках. Когда плотное сухожилие мешало вырвать кусок одним махом, они сердито сжимали его мощными челюстями так сильно, что перекусывали мясо вместе с жилами. И тут же пасти ныряли за новым куском, грызли огромное тело и рвали его со все тем же ненасытным бешенством.

Вид пирующих ящеров возбудил позыв к пище и у бронтозавров. Один за другим склоняли они под воду свои шеи и маленькой пастью срывали длинные зеленые листья, растущие редкими пучками из песчаного дна. Лишь престарелый бронтозавр держал над водой свою маленькую голову и не пасся. И на пир плотоядных он тоже не смотрел. Его взгляд был устремлен к краю араукариевого леса за отдаленными песками.

Прошло немало времени, прежде чем аллозавры и цератозавр насытились. Когда, наконец, все трое с переполненными желудками куда-то разбрелись, полуденный зной уже сменила приятная предвечерняя прохлада.

И тогда престарелый бронтозавр отправился в свой последний путь.

Он оставил позади водную глубь и тихонько зашагал к берегу; долго шел по мелкой воде вдоль него, распугивая бесчисленных рыб, которые скрывались от него на глубине.

Достигнув другого конца обширного пруда, динозавр осторожно огляделся. Не заметил ничего подозрительного, опасность ниоткуда не грозила и тогда он потихоньку выбрался на берег. Куда-то зашагав, он всюду ломал и топтал густую поросль шуршащих хвощей и высоких трав. Его длинный хвост, волочившийся сзади по земле словно тяжелое бревно, обозначил след его скитаний широкой бороздой изломанной и как будто укатанной растительности.

Он шел все время вперед, не обращая внимания ни на что вокруг.

Вот уж он пересек полосу зелени, которая широко обрамляла берег, и так, понемногу, углубился в песчаную равнину. На ее краю, где росла роща великолепных высоких цикадовых, ящер по пути миновал огромных брахиозавров – наивеличайших из всех живых колоссов, когда-либо бродивших по Земле. Их тяжелые коренастые тела поддерживались четырьмя слоновьими конечностями; передние были длиннее, чем задние, само тело также возвышалось вверх под углом и выглядело перекошенным. Толстый хвост был необычайно коротким, он еле-еле самым кончиком доставал до земли. Маленькие головы на длинных, неизменно вытянутых шеях высоко торчали над кронами восьмиметровых цикадовых и с любопытством поглядели на старого бронтозавра, который безучастно прошествовал мимо.

А брахиозавры снова принялись обкусывать листья, несколько раз качнув головами, будто бы удивляясь, что же тянет бронтозавра в пустыню, где, помимо жалких редких травинки, нет ничего кроме желтого песка.

Он же, пошатываясь, потихоньку брел по пустыне и, вероятно, в его голове даже и не возникло воспоминания о том, что однажды, где-то лет двести тому назад, он уже шел этой дорогой.

Тогда, еще совсем детенышем, он двигался в обратном направлении, где мелкими шажками, где – быстрым бегом. Как только он вылупился из яйца, которое его мать вместе с остальными отложила целой кучкой в неглубокую ямку среди высокой поросли араукарий, нечто инстинктивно повлекло его прочь оттуда – к дальним прудам и болотам, окруженным яркою зеленью.

Как же различались эти два пути! Первый вел из молодой поросли араукарий к жизни, этот же вел его в араукариевый лес и в объятия смерти. Первый означал свет и жизнь, второй – тьму и смерть!

Солнце уже опустилось к горизонту, когда усталый и изнуренный старик-бронтозавр приблизился к лесу. Тяжело, с трудом он продвигался

к маленькой группе могучих араукарий, которые отбрасывали к его ногам длинные темные тени.

Лишь только старый бронтозавр остановился под старыми деревьями, как тут же обессилено рухнул на землю. Глухой рокот от его падения пролетел через редкий подлесок, выросший здесь из упавших шишек.

Некоторое время бронтозавр лежал без движения, но неожиданно поднял маленькую голову на загнутой шее и поглядел вокруг.

Он долго, словно одурманенный, оцепенев без всякого движения, смотрел на далекую гладь прудов и болот, которые сияли золотыми отблесками заходящего солнца. Затем голова его стала клониться все ниже и ниже, пока, наконец, безвольно не легла на песок. Длинная шея чернела словно поваленный ветром столб. Глаза старого ящера по мере убывания жизненных сил начинали тускнеть и закрываться; потом снова широко открывались, когда волны мрака откатывались и его гаснущее сознание на время пробуждалось. Вот так, вдалеке от сородичей, доживал последние минуты своей долгой жизни престарелый бронтозавр.

Но ему не суждено было уснуть в мире и уединении!

За араукариевой порослью угасал старый и больной аллозавр. Он тоже желал покоя и уединения, он тоже пришел сюда провести последние минуты своей жизни – жестокой, безжалостной, полной бесчисленных нападений и боли тех, на кого он нападал.

Уже некоторое время он вожделенным взглядом смотрел на бронтозавра. Погасший было в его глазах свет снова заискрился хищной дикостью и алчной жадностью, его единственным желанием было еще раз, напоследок, наброситься в сильном прыжке, впиться своими острыми когтями и зубастой пастью в податливое мясо! С великим трудом, напрягши последние силы, старик-аллозавр поднялся на ноги и мелкими шагами потащился вперед.

Треск ломающихся веток вывел бронтозавра из его смертной дремы. Он устало открыл глаза, поглядел в заросли и в тот же миг его тело сотряслось от ужаса. Испуганно вскинув голову повыше, он своими маленькими глазами смотрел на страшного аллозавра, что стоял неподалеку словно кровожадный и алчный призрак и в то же время слабый и трясущийся от немощной старости.

Оба динозавра, чей предсмертный покой был нарушен, смотрели друг другу в зеленоватые мутные глаза. Оба были беспомощны, из их ветхих тел утекали последние искры жизни. Бронтозавр не мог защищаться, а у аллозавра не хватало сил для нападения.

Но дикие хищнические инстинкты вместе с кровавой жаждой победили на миг аллозаврову слабость и немощность. С усилием пройдя еще на несколько нетвердых шагов вперед, он с чудовищным

напряжением остатка сил и с открытой пастью изготовился к последнему прыжку.

И прыгнул – но, так и не достигнув спины бронтозавра, безвольно рухнул неподвижной и оцепеневшей кучей мяса и костей, закрыл глаза, пару раз дернулся и канул в непроглядный мрак смерти.

В тяжелой, воцарившейся повсюду вокруг тишине, бронтозавр опять склонил к земле свою длинную вытянутую шею и положил голову на мягкий, согретый песок.

В эту минуту солнце зашло. Его последний луч дрожал в опускавшихся вечерних сумерках, промелькнул в густых кронах деревьев, затрепетал в араукариевой поросли, а потом коснулся бронтозавровых глаз и угас. А вместе с ним угасла и жизнь бронтозавра.

ЗОВ ОДИНОЧЕСТВА

В конце мезозоя, в раннем меловом периоде маленькие озера блестели под лучезарно улыбающимся солнцем как сказочные миражи посреди обширных хвойных лесов и цикадовых рощ. Роскошные гинкговые деревья вздымали ввысь ветвистые кроны, а их удивительные хвоинки-листочки трепетали от дуновений ветерка будто маленькие грозди живых зеленых подвесок. Кроны богато украшенных перистыми веерами цикадовых растений дрожали в жарком мареве и отбрасывали темные тени своих великолепных листьев меж растущих внизу трав. Разнообразные низкие папоротники образовывали на берегах озер и в тенистых болотах пушистые зеленые заросли.

Сквозь их переплетение продирались мелкие (ныне вымершие) хвостатые амфибии рода хилеобатрахус. Они там ловили жирных червей, разных насекомых и причудливого вида пауков, а когда насыщались, исчезали под громадными, поросшими мхом валунами или под стволами старых, поваленных сильными бурями деревьев.

Кроме многочисленных озер, которые отражали в своей серебристой глади изумрудную зелень густых лесов, здесь простирались и сухие травянистые равнины с редкими кустами и деревьями. Обширные территории соединялись друг с другом полосами желтого песка.

Эти сухие травянистые равнины посреди гигантского плато были домом огромных игуанодонов, древних рептилий из рода динозавров, колоссов десяти метров в длину и пяти метров в высоту. Их тяжелые тела держались на мощных задних ногах, в то время как передние конечности были слабыми и недоразвитыми, зато один из пальцев на них видоизменился в острый, неподвижно торчащий костяной конус. Это было опасное оружие, которым самцы в брачных боях за самок наносили соперникам глубокие раны. Животные кочевали по местности

небольшими стадами, питаюсь травой и зеленой хвоей. Срывали и целые тонкие ветки, так что попавшиеся стаду небольшие деревца нередко превращались в ряд голых изглоданных обрубков.

Их было тут много, и ящеры мирно сосуществовали со всеми прочими созданиями – разумеется, с теми, которые уступали им в росте. Лишь иногда, если в какую-нибудь травяную пустошь забредал хищник-мегалозавр, то игуанодонов охватывал невыразимый ужас и они испуганно удирали от кровожадного динозавра куда-нибудь подальше.

В одном маленьком стаде жил весьма старый самец. Минуло немало лет с тех пор, как он проклюнулся из яйца под низкой порослью араукарий и удивленными глазами в первый раз оглядывал место, ставшее потом его домом. И точно так же как из молодой поросли поднялись могучие деревья, чьи кроны за много лет пережили множество бурь, так и маленький игуанодон со временем превратился в измученного старческими недугами гиганта. Он уже не успевал за быстрым бегом стада и не участвовал в драках.

Однажды рассветной порой, когда ясное утро залило своим блеском весь этот край, стадо игуанодонов вышло из рощи цикадовых, где пережидало ночь. Животные понемногу продвигались через травяную равнину к маленькому озерцу. Там буйно разрослись молодые секвойи, каждая ветка которых словно рвалась ввысь, стремясь поскорее дорасти до облаков и наконец-то сравняться со своими тысячелетними предшественниками. Мощные стволы старших деревьев возвышались поодаль, их раскидистые кроны в недостижимой вышине чуть колебались от ветра. Игуанодоны уже несколько дней приходили сюда на пастбище. Они ухватывали ветку длинным узким языком и, сорвав ее, размалывали мощными зубами как мельничными жерновами. И не уходили, пока не наедались досыта.

Сегодня все стадо снова направлялось сюда. Иногда кто-нибудь из игуанодонов срывал араукариевую ветку, и она свисала у него из пасти как зеленая лента. Позади, далеко отстав от стада, медленно и с трудом плелся старый самец. Он не успевал за остальными, но сила многолетней привычки принуждала его хромать за ними вслед, пусть и на расстоянии. Одиночество в этом походе не мешало старому ящеру. Напротив, казалось, что он ищет его, ведь когда сородичи останавливались, чтобы подкрепиться, он держался в стороне и никогда не присоединялся к ним, как делал это еще не так давно.

И вот сегодня, бредя за стадом, он неожиданно увидел, как из-за древовидных цикад выскочил огромный мегалозавр. В несколько длинных прыжков он очутился посреди стада игуанодонов. С разинутой пастью, из которой торчали сильные, уплощенные и обоюдоострые зубы, он ринулся на молодую самку и вцепился ей в широкую шею. Мегалозавр тут же вырвал кусок мяса из тела ошеломленной жертвы, из открытой раны ударила сильная струя крови.

Вид крови разбудил в хищном ящере еще большую ярость. Он так дико терзал пастью шею жертвы, что в ее глубоких ранах обнажились крупные шейные позвонки и кости челюсти с рядом зубов. Самке же, казалось, все было нипочем – своими острыми пальцами она била по телу мегалозавра; раны от этих ударов были не очень сильными, но все же шипы могли повредить твердую броню кровавой бестии. Мегалозавр имел достаточно опыта, чтобы избежать их. Раны, наносимые игуанодоном, были хоть и не смертельными, но нежелательными для него – ведь это даже могло помочь жертве спастись.

Несчастливая самка игуанодона, вконец обессиленная потерей крови, рухнула на землю. Склонившийся над массивным телом мегалозавр уже приготовился было насытиться свежим мясом. Но тут содрогающаяся в последних предсмертных конвульсиях самка игуанодона резко выпрямила ногу; мощный и самый длинный коготь трехпалой ступни задел мегалозаврово брюхо и прочертил на нем аж до самого паха длинную рваную рану. Хищник отскочил и осторожно обошел добычу на расстоянии. Но последние искры жизни уже покинули жертву, она замерла, а тело начало цепенеть и постепенно остывать. Лишь спустя время мегалозавр приблизился снова, склонился над пойманной добычей и, теперь уж никем не тревожимый, вырывал из нее куски мяса и проглатывал их.

Между тем стадо игуанодонов несло где-то вдалеке, спасаясь диким бегством. Слегка наклонившись вперед и задрвав толстые хвосты, они мчались большими длинными шагами, позабыв поросли молодых секвой и голод. Ужас гнал их прочь от опасного места, где им угрожала внезапная и мучительная гибель. Когда ящеры добежали до края песчаной равнины, они очутились на узкой полосе травы, тянувшейся до самой тени леса; они не сбавляя скорости пересекли ее и ворвались в новую травянистую долину. Промчались и по ней, по следующей и дальше, пока, наконец, не остановились на одной, уже весьма отдаленной. Изнуренные долгим, обессиливающим бегом, игуанодоны отдыхали под пышными кронами старых раскидистых гинкго. Их пустые животы вздымались и опадали из-за бешеного ритма дыхания. Крепкие мышцы сильных ног сотрясала мелкая дрожь от усталости и изнурения, а зеленоватые глаза все еще горели паническим страхом.

Смертельный ужас объял вместе с остальными и старого самца. Он испуганно взирал на разыгравшуюся неподалеку кровавую трагедию и вытаращенными глазами следил за убегающим стадом, которое ему больше никогда не суждено было увидеть, с которым он больше не смог бы встретиться. Спустя несколько бесконечных секунд оцепенения старый игуанодон опомнился и поспешил в кипарисовый лесок, напрягая все силы ветхого тела. По широкой дуге он удалился на недостижимое для мегалозавра расстояние. Миновав лесок, он снова увидел вдали свое родное стадо. Двигаясь с трудом, игуанодон апатично потащился

дальше, дрожа от ужаса и старческой усталости. А когда убежавшее стадо навсегда скрылось за горизонтом, в маленьком и слабо развитом мозгу ящера погасли последние воспоминания о сородичах, среди которых он прожил весь свой долгий век.

Поплутав там и сям, старый динозавр снова возвратился к озеру с молодыми секвойями. Хищник, закончив кровавый пир, уже покинул это место. Вероятно, на какой-нибудь другой далекой равнине он продолжал угрожать мирным травоядным, сея среди них ужас и смерть. Потому игуанодон остался здесь и вел тихую, спокойную жизнь, никем не напуганный и не тревожимый.

Время летело быстро и в его бесконечном беге дни утекали словно черный песок в пустыне. Дивное утро наступало в краю непередаваемой красоты, таинственные звезды сияли в ночи своим возвышенным великолепием, но старый игуанодон оставался равнодушен ко всем этим чудесам.

В один ранний час солнечный диск, взойдя из-за темного горизонта, высоко засиял над верхушками леса, его лучи затрепетали в волшебной игре среди древесных листьев, рассеивая по земле золотистые пятна света. Старый игуанодон направился к озерцу, которое в окружении зелени трав и деревьев светилось и блестело будто благородный алмаз в зеленой оправе дорогого перстня. Из неглубокой воды около берега в изобилии поднимались хвощи и зеленые стены каких-то растений с длинными узкими листьями, чьи змееобразно скрюченные корни тянулись во всех направлениях из мягкого илистого дна.

Словно сказочные призраки сквозь эту водную поросль пробирались маленькие мезодонты, древние рыбки с сильно сплюснутыми тельцем. У них были зеленоватые спинки и серебристые бока с темными полосками, выглядевших как тени от узких листьев. Посередине озерца, на глубине промелькнула стая других рыб – похожих на сельдей крупных кокколелисов, последних представителей древних палеонисков, чье время расцвета давно миновало и было забыто за долгие минувшие века.

Старый игуанодон потихоньку брел вдоль берега озера, а затем направился к маленькому пляжу, где на песке грелись протокрокодилы рода гониофолис. Они неподвижно лежали там в солнечных лучах словно двухметровые бревна, их коричнево-зеленые панцири, сложенные из рядов грубых костяных дисков с ямками, защищали им брюхо и спину. Между ними согревались и меньшие по размеру крокодилы рода берниссартия, чьи тела покрывали еще более прочные костяные панцири. Они яростно разинули короткие бороздчатые пасти, когда мимо медленно проползла проточерепаха хитрацефалус, собиравшаяся отложить в неумело выкопанную где-то на пляже ямку несколько маленьких яиц. Наткнувшись на игуанодона, черепаха

перепугалась, поспешила к озеру и камнем плюхнулась в воду. Этот звук вывел крокодилов из дремоты, а когда они увидели вблизи большого ящера, то тоже быстро нырнули. Их внезапное бегство в воду в свою очередь напугало маленьких мезодонтов и заставило тех спрятаться в самой гуще водяных растений. Стая кокколелисов тоже скрылась в глубине, а вместе с ними стаи фolidофоров, нотагогов, олигоплевров и других видов давно вымерших рыб.

Но старый игуанодон ничего этого не замечал и по-прежнему тихо шел вперед. Он давно оставил озеро позади, но все еще не достиг цели своего путешествия. Он брел рощами и перелесками, по травяным равнинам, мимо озер и зарослей – вперед, никуда не сворачивая.

В конце концов, он остановился перед голой лощиной, глубоко врезавшейся в плоскогорье, на котором он прожил столько долгих лет. Как тогда, в минувшие времена, так и теперь ящер блуждал по ее окраинам, внимательно оглядываясь по сторонам. На склонах и дне лощины изредка попадались деревья. Вокруг расселин, которые появились благодаря маленьким ручейкам, когда непрекращающиеся дожди подолгу заливали водой весь край, зеленели пучки папоротников и подушечки низких мхов. Узкая поначалу, лощина постепенно расширялась и наконец, переходила в глубокую долину, созданную за бесконечные прошедшие времена протекавшей там большой рекой.

Эта лощина неодолимо притягивала старого игуанодона. Уже несколько раз он бродил по ее окрестностям, но затем опять возвращался к озерцу с секвойями. Но сегодня лощина манила как никогда и он не смог преодолеть это влечение. Ящер начал потихоньку спускаться по крутому склону. Он делал шаг за шагом, из-за старости лишь с трудом одолевая тяжелый спуск. Шел вперед по пути, который раньше проделали многие его сородичи. Шум от падения камня, который он столкнул, раскатисто разнесся по тихому ущелью. Но тишина эта была печальной, давящей.

Прошло немало времени, прежде чем старый игуанодон достиг дна лощины. Изнуренно постояв на месте, он снова двинулся в поход сквозь заросли низких цикадовых птерофил, которых тут росло совсем мало и в карликовой форме, потому что существование этого вида подошло к концу и он вымирал. Продравшись сквозь них, динозавр ступил на влажную, усеянную хвощами почву; то были примитивные миниатюрные потомки красивых древовидных растений, чьи окаменевшие и обуглившиеся стволы образовали черные слои на скалах, хмуро выступающих из склонов ущелья.

Старому игуанодону тяжело пришлось на влажной почве, с каждым шагом его дрожащие ноги оставляли глубокие отпечатки на дне долины.

Преодолев топкое место, измученный и обессиленный ящер опустился над землю возле нескольких цикадовых. Их великолепные кроны укрыли его в своей тени. Но это не был восстанавливающий

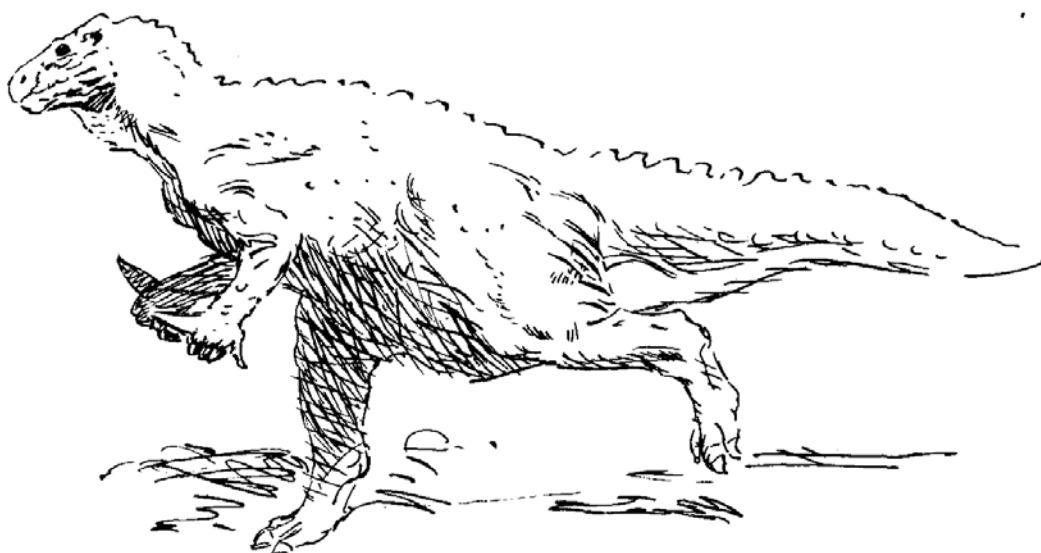
отдых, ведь жизненная энергия неудержимо утекала из огромного старого тела.

Напрягши все силы, игуанодон поднял голову. Недалеко от себя он различил большую кучу выбеленных солнцем костей, рядом с ней – вторую, третью и другие в отдалении. Потом его голова легла на землю и старый великан в покое и тихом одиночестве начал ждать приближающийся конец...

Солнце понемногу спускалось в разноцветную мглу заката. Траурные вечерние тени пролегли по всему ущелью, которое потихоньку, незаметно погружалось в сумерки.

Игуанодон уже лежал неподвижно. А высоко в воздухе появился подобный черному знамени гигантский летающий ящер орнитодесмус. Трепеща на лету крыльями, он спешил с охоты на берегу близлежащего моря, чтобы в роще высоких секвой отыскать себе укрытие на ночь. Спустя время он исчез неведомо куда.

А потом тонкая шаль тьмы окутала весь край и глубины Вселенной засияли светом бесчисленных звезд.

ПОГРЕБЕННАЯ ЖИЗНЬ

Песчаная поверхность огромных равнин древнего материка простиралась в верхнем меловом периоде мезозойской эры вширь и вдаль, насколько хватало глаз. Неприветливые мрачные скалы высились там и тут из моря песка, смыкаясь на горизонте в голый горный хребет. Они стояли здесь на протяжении веков и тысячелетий словно знаки, предупреждающие о некоем бедствии, которое тяжело обрушилось на весь край, уничтожило в нем всякую жизнь и воспрепятствовало ее возрождению. Лишь иногда в гробовой тишине пустыни раздавались отголоски дальних бурь, грохотающих и ревевших где-то за горным хребтом.

Солнечные лучи раскаляли желтый песок словно пылающие стрелы, а быстрые вихри громоздили из него в течение долгих тысячелетий бесчисленные дюны. Они постоянно возникали и смещались в направлении дующего ветра подобно гигантским волнам огромного песчаного моря. Только в такой ветреный день и никогда иначе поверхность пустыни оживала как морская гладь.

Когда ветер стихал, в лабиринте длинных впадин между дюнами переливался невыносимо жаркий, раскаленный воздух, он поднимался все выше и выше, окутывая пустыню тяжелым пологом смертельного тепла. Нигде не двигалась ни одна живая тварь, нигде не было видно даже маленького и скромного растения. Это был заколдованный край невыразимой печали и настолько глухой тишины, что здесь даже было слышно как песчинка скатывается с верхушки дюны.

У горного хребта, чьи отроги тянулись по пустыне в необозримую даль, в одном месте раскинулся подобный зеленому ковру маленький оазис. Мощный источник неустанно изливал здесь прозрачную студеноую воду из земных глубин и со временем создал в соседней низине большое неглубокое озеро, откуда поднималось множество водяных растений. Берега озера окружали травы и пушистые веера крупных папоротников, лучи солнца пробивались сквозь них к озерной глади как сквозь сетку из

тонких кружев. На фоне яркой синевы неба вырисовывались большие пальмовидные листья великолепных цикадовых и темно-зеленые кроны хвойных деревьев. А ближе к отрогам хребта виднелась лиственная поросль, украшавшая край оазиса как изумрудный бисер.

На изломанных горных отрогах росли изящные кустики магнолий, там и сям виднелись карликовые деревья вымирающих нильссоний, диковинных голосеменных растений. По растрескавшимся шероховатым скалам карабкались длинные плющи, покрывающие камни зеленым занавесом из плотных листьев. Вблизи источника зеленели веера папоротников и пучки узколистной травы, росшей вокруг больших голых валунов, по их поверхности были разбросаны незаметные серые пятна корковидных, листовидных или же кустообразных лишайников.

Созданный в бесконечном море песка источником с кристальной водой оазис был домом удивительных протоцератопсов, древних рептилий из рода динозавров. Их могучая голова обладала большой, беззубой пастью, заканчивающуюся длинным острым клювом, покрытым твердым заостренным кератином, так что, будучи стиснутым, он перекусывал жесткую траву и веточки, словно острейшие ножницы. По сторонам головы, прямо под зеленоватыми тупыми глазками угрожающе торчали два мощных, плоских шипа. Позади головы находился большой костяной воротник из удивительным образом расширенных теменных костей, которые как раскрытый веер защищали шею этих безобидных травоядных проторептилий. Пузатое тело на четырех коротких лапах волочило за собой короткий толстый хвост, оставлявший неглубокую полосу в сыпучем песке.

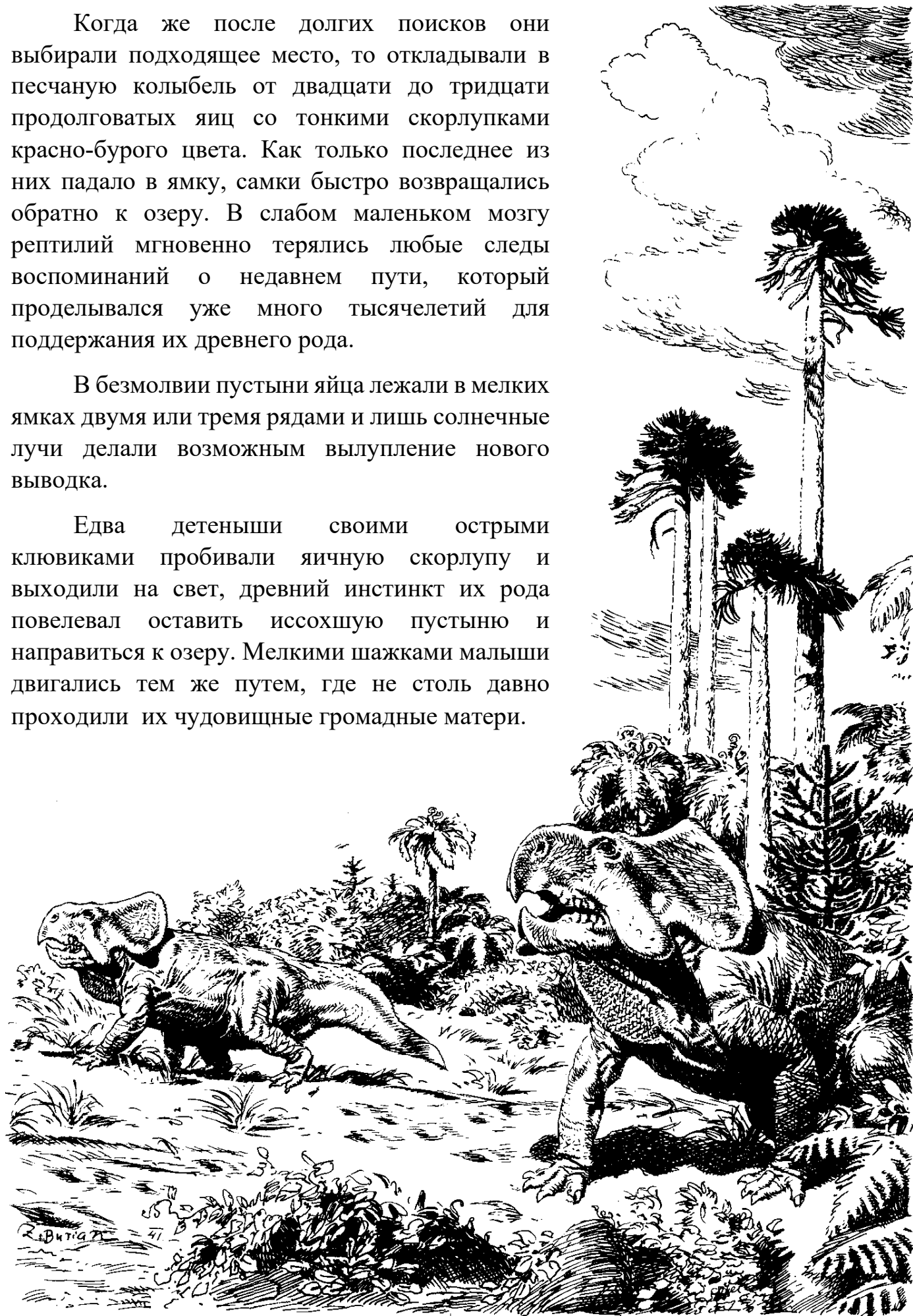
Протоцератопсы обитали здесь маленькими стадами. Одно из них выбрало себе местом отдыха рощицу низких араукариевых кустов, со множеством узких тропинок и тайных логовищ. Каждое утро, когда в первых лучах солнца в зеленых зарослях начиналась неповторимая игра зеленых света и тени, протоцератопсы оставляли свои логовища и выходили пастись. Острым клювом они отщипывали и откусывали части растений и наполняли свой желудок невероятным количеством пищи. Среди взрослых самцов и самок бегало и несколько детенышей, пока еще непохожих на своих удивительных родичей.

Долгое время эти ящеры обитали здесь в мире и покое. Но через определенные промежутки времени самки уходили далеко в пустыню, где изредка росли чахлые кусты, чьи длинные, глубоко уходящие в песок корни содержали немного влаги. Под ними самки выкапывали неглубокие ямки и клали туда яйца. Они много раз начинали работу, но так же много раз и бросали ее, не закончив, если им казалось, что песок или слишком груб, или же наоборот – слишком мягок.

Когда же после долгих поисков они выбирали подходящее место, то откладывали в песчаную колыбель от двадцати до тридцати продолговатых яиц со тонкими скорлупками красно-бурого цвета. Как только последнее из них падало в ямку, самки быстро возвращались обратно к озеру. В слабом маленьком мозгу рептилий мгновенно терялись любые следы воспоминаний о недавнем пути, который проделывался уже много тысячелетий для поддержания их древнего рода.

В безмолвии пустыни яйца лежали в мелких ямках двумя или тремя рядами и лишь солнечные лучи делали возможным вылупление нового выводка.

Едва детеныши своими острыми клювиками пробивали яичную скорлупу и выходили на свет, древний инстинкт их рода повелевал оставить иссохшую пустыню и направиться к озеру. Мелкими шажками малыши двигались тем же путем, где не столь давно проходили их чудовищные громадные матери.

Так и случилось, что однажды к синей глади озера и зелени его берегов приходила стайка маленьких протоцератопсов, которые прибивались к стаду явившихся туда раньше взрослых особей. С ними вместе они бродили по зарослям и с ними разделяли милость и немилость жизни и окружающего мира. Годы утекали как вода и пролетало их немало, прежде чем немногие из бывших детенышей становились комично выглядящими взрослыми ящерами, которые обычно доживали до глубокой старости и умирали от дряхлости, потому что в округе не было никаких опасных врагов.

И все же одна опасность всегда нависала над ними. Ее, лукавую и коварную, нельзя было заметить заблаговременно. Угроза исходила от безжалостных песчаных бурь, которые порой неожиданно пролетали над краем, засыпали гнезда, несчастных детенышей и старых немощных взрослых ящеров, у которых не оставалось сил сопротивляться и выстоять под ударами разбушевавшихся песчаных вихрей.

Отроги горного хребта были домом овирапторов. Эти древние рептилии тоже являлись представителями племени динозавров. В бесчисленных расселинах изломанных скал и в нагромождениях упавших валунов овирапторы находили себе безопасные укрытия во время темных ночей. Их тела, оцепеневшие от ночной прохлады, лежали неподвижно и беспомощно и пробудились к жизни благодаря теплу солнечных лучей, согревающих их остывшую кровь. Ожив, они покинули свои логова и все вместе отправились в песчаную пустыню, где собирались найти пищу и утолить голод.

Один из них, переждавший ночь под нависающей, заросшей араукариевыми кустами скалой, поспешил за остальными. Худое, высокое создание с длинным хвостом, промчавшись через зеленый оазис, быстро исчезло за его краем, оставив за собой лишь облачко пыли, взвихренной ударами длинных задних ног. Короткие и слабые передние конечности торчали впереди как алчущие руки голодного человека. По сравнению с неуклюжими и уродливыми протоцератопсами это было легко сложенное существо с ловкими и грациозными движениями.

Как только овираптор достиг самого края оазиса, то направился к растущим там и тут кустам. Замедлил бег и внимательно оглядел все вокруг. Ящер быстро поворачивал голову то в одну, то в другую сторону, порой даже останавливался, если хотел повнимательнее осмотреть какое-нибудь местечко. Внезапно дернувшись, он быстрыми и длинными скачками направился к одному кустику, под которым в неглубокой ямке красновато поблескивала куча протоцератопсовых яиц.

При взгляде на гнездо глаза овираптора заискрились алчным огнем, а из беззубой пасти несколько раз высунулся длинный и быстрый как молния черный язык. Склонившись над кладкой, он взял передними лапами одно из яиц и жадно впился в него. Из раздробленной скорлупы

лилось жидкое содержимое, оно крупными каплями падало на песок, где растеклось в серебристую лужицу неправильной формы.

Овираптор уронил пустую скорлупу на землю и схватил другое яйцо, осторожно надкусил его, а потом жадно высосал. Как только опустошенная оболочка отбрасывалась, в его лапах оказывалось новое, следующее яйцо, а их разгрызенные и пустые оболочки он разбрасывал вокруг себя.

Скорлупки отлетали как лепестки цветов, сорванные сильной бурей, они валялись в море желтого песка, будто бы указывая миру на безвременную гибель не рожденных травоядных.

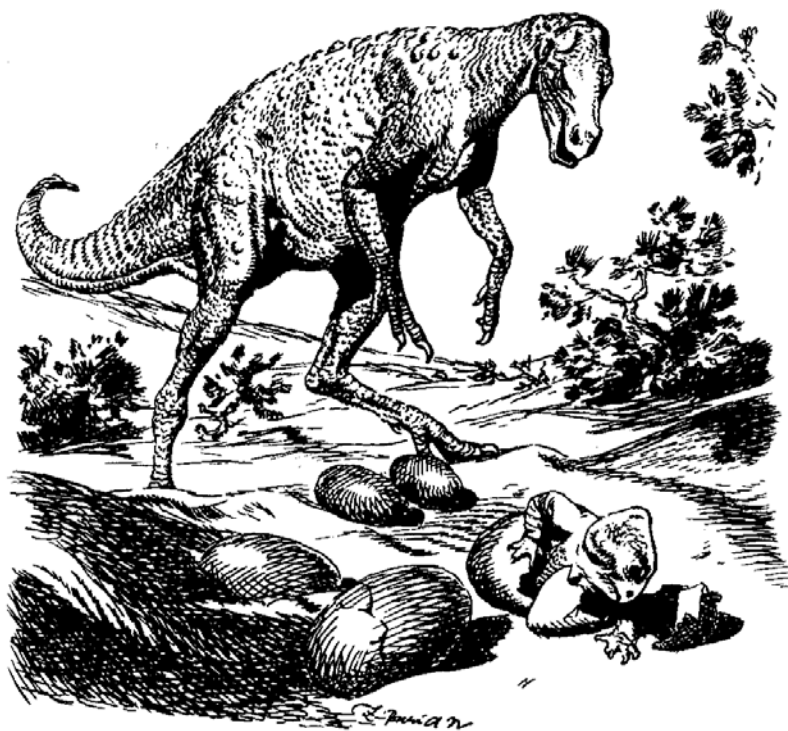
Когда овираптор опустошил уже половину гнезда, то заметил, что к нему приближаются двое его сородичей. Ящер выпрямился, все тело его затряслось от ярости. С широко разинутой пастью он двинулся навстречу сородичам, будучи решительно настроен атаковать, прежде чем те приблизятся к гнезду. Но когда он разглядел их зияющие, не предвещавшие ничего хорошего голодные рты и красноватые глаза, полные твердой решимости биться за оставшиеся яйца не на жизнь, а на смерть, то осознал, что этот жестокий бой с превосходящими силами ему не выиграть. Тогда овираптор развернулся и пустился наутек.

В то время как двое ящеров довершали уничтожение гнезда и выпивали последние яйца, он блуждал уже далеко от этого места, временами яростно стегая длинным хвостом из-за столь бесцеремонно прерванного пиршества. Полуголодным взглядом легконогий охотник обшаривал окрестности в поисках другой поживы, но долго ничего не мог найти.

Только к вечеру, когда золотой солнечный диск уже совсем низко стоял над горизонтом, ящеру удалось отыскать ямку с несколькими целыми яйцами и грудой пустой скорлупы. Однако прежде чем овираптор смог приступить к своей разрушительной работе с остальными яйцами, он увидел, как скорлупа одного из них внезапно пошла трещинами и из неровного отверстия начала понемногу показываться маленькая гротескная головка, ломавшая оболочку яйца острым клювиком впереди и костяным воротничком сзади.

Когда головка высунулась полностью, протоцератопс-детеныш своими маленькими ножками уперся со всею силой в стенки яйца и надавил на них, чтобы поскорее выбраться из темноты яичка к яркому и теплему солнечному свету, в мир красоты, радости и... страдания. Ему не суждено было узнать этот мир – в момент своего рождения он уже умирал в голодной пасти овираптора.

Этот страшный грабитель протоцератопсовых гнезд выдернул наружу бедного детеныша и с жадностью проглотил его. Едва сделал последнее глотательное движение, он тут же набросился на следующее яйцо. Разломав скорлупу, мелкий динозавр вытащил оттуда еще одного

протоцератопсика и, не мешкая, заглотил его целиком. Оставшиеся яйца с их содержимым тоже стали его жертвами.

Все это время овираптор стоял неподвижно, лишь его челюсти без усталости открывались и закрывались, пока не было уничтожено последнее яйцо и пока впалое брюхо не вздулось точно переполненный бурдюк.

Заходящее солнце окрасило горизонт золотом и багрянцем. Через опечаленный край пролегли длинные черные тени. Зеленый оазис, блестящая поверхность озера и отроги горного хребта исчезали в сумерках приближавшейся ночи. И мелкий хищный овираптор тоже скрылся в них. А когда тихая ночь укрыла все вокруг своим тяжелым одеялом, в недостижимой выси темного неба замерцали блестящие звезды, которые словно молчаливые свидетели взирали на разоренное гнездо протоцератопса. Среди красно-коричневых кусочков скорлупы валялись остатки зародышей – мрачные осколки еще не родившейся, но уже погубленной жизни.

Тысячелетия проносились над пустыней с зеленым оазисом и тихо исчезали в бездонной пропасти бесконечной вселенной. Все это долгое время жизнь в оазисе не менялась. Все так же здесь бродило стадо протоцератопсов, а их самки периодически уходили в пустыню – выкопать в песке ямки и отложить в них красноватые продолговатые яйца. Легкие и быстрые овирапторы по-прежнему разоряли их гнезда и таким образом регулировали численность популяции причудливых травоядных. И песчаные бури, время от времени пронесившиеся над

пустыней, все так же засыпали яйца, хороня их в высоких песчаных могилах.

Однако время без устали подтачивало голые и хмурые скалы, что там и тут высились из песка, так что те в конце концов рассыпались, став кучами огромных валунов. Но камни уже не могли остановить порывы разрушительных ветров. Они неудержимо продолжали свою деятельность и в последующие тысячелетия словно ударами гигантского стального молота терзали валуны, дробили их в грубый гравий и песок.

Дикие бури, прежде бушевавшие лишь над горным хребтом, теперь захватывали и часть пустыни и та утопала в массе воды, бешено хлещущей из темных туч. Эти случайные ливни, насыщавшие на некоторое время безжизненное место влагой, стали невообразимым благом для растений, которые стали весело и буйно распространяться по всей необозримой площади песчаной равнины.

Но пустыня никуда не делась.

В дни, когда в ясной небесной голубизне не было ни одной тучки, раскаленный песок пылал под лучами солнца и испарял каждую каплю воды. Неукротимый жар опалял любой росток, проклюнувшийся в глубине пустыни.

В дни, когда дикие ветры вихрились над этими краями, воздух наполнялся мелким песком и тот со странным свистом засыпал кустарник аж на краю оазиса, а однажды покрыл собой и погубил часть самого оазиса. Когда же вихри рассеивались, в пустыне воцарялась гробовая тишина, а из песчаных завалов тянулись к небу голые обломанные ветви засыпанных кустов и деревьев. Воздух опять начинал колебаться от жары, на гребнях новых дюн оседала тонкая будто паутина пыль.

Удушливая, гнетущая тишина, всегда повисавшая после бесчинства песчаных вихрей над пустыней без единого признака жизни, никогда теперь не длилась долго. Новые ливни размывали и исхлестывали дюны, и растительность снова могла завладеть желтой песчаной равниной. Таким образом на протяжении столетий, тысячелетий и целых миллионов лет сменяли друг друга в этом регионе сезон зелени и сезон пустыни, сезон буйной красоты природы и сезон природных катастроф, когда все живое гибло.

Это случилось одним чудным розовым утром, когда в чистом воздухе, прогревом первыми лучами золотого солнца, купались кроны высоких цикадовых, когда на траве и низких кустарниках словно драгоценные самоцветы дрожали капельки росы. Из исчезающего белесого занавеса предрассветного тумана вырисовывалось нагромождение скал горного хребта, а гладь чистейших вод озера игра серебристыми отблесками.

Протоцератопсы начали вылезать из араукариевых зарослей, щипали траву, наедались, шли на песок, где грелись в тепле солнца. Один из детенышей, забывший за приятным ранним завтраком обо всем вокруг, не заметил ухода стада и застыл в изумлении, когда понял, что кроме него здесь никого нет. Малыш в страхе забегал туда и сюда, озабоченно высматривая своими глазками пропавших сородичей. Когда же наконец он обнаружил их греющимися на песчаном склоне неподалеку, то тут же быстрым шагом бросился туда.

Он бежал по траве, продираясь сквозь низкие кусты, когда по пути вдруг наткнулся на белый от жгучего солнца скелет, наполовину засыпанный песком. Детеныш самозабвенно обошел его, не понимая, что это – полуразвалившийся остов одного из его предков, ведь несчетные поколения протоцератопсов издревле населяли это место, проводили здесь свою жизнь, наконец, умирали и их тела со временем заносил песок. Но бедный маленький ящер со своим крохотным несовершенным мозгом был неспособен даже на малый проблеск какого-либо высшего душевного проявления, что являлось характерной особенностью всего племени динозавров в далекую мезозойскую эру.

Детеныш наконец-то добрался до того места, где на песчаном пляже уже давно грелось его стадо. Вместе с остальными он вытянул свое неуклюжее тельце на теплом песке, который приятно согревал брюхо, в то время как на спину падали подобно горящим стрелам лучи огненного шара солнца. Так он и лежал, оцепенело и равнодушно, рядом с другими загорающими сородичами. Их покой не нарушили ни овирапторы, что стремительным бегом мчались за край оазиса опустошать гнезда травоядных, ни кто-то другой. И все же нечто тяжелое, угнетающее повисло в воздухе. Это было предвестие разрушения и смерти.

Уже с самой рани воздух мелко дрожал от золотистого солнечного жара. Когда же оно, такое горячее, поднялось выше, воздух над склоном песчаного холма уже переливался как над огнем великанской печи, а над горным хребтом собрались черные тучи. Они росли с ужасающей скоростью и вскоре их тени охватили всю местность до самого горизонта. Они охватили и солнце, похитив его свет и тепло. Лишь из-за края черной тучи слабо поблескивали последние лучи, теряющиеся в хаосе водяных паров и белесого тумана с перламутровым блеском по краям.

Как только не стало света, налетел внезапный ветер, завыл меж длинных борозд песчаных дюн, поднялся выше, унося в своих широких объятиях множество песчинок.

Беспокойство овладело протоцератопсами. С испугом в зеленоватых глазах они убежали с песчаного склона к берегу озера и искали себе укрытия в зарослях. Едва они спрятались там, как из пустыни нагрянул ужасный и дико воющий смерч. Он вздымал ввысь целые кучи песка, кружил его в бешеных вихрях, а потом где-то в отдалении снова швырял на землю. Но едва иссякал один вихревой порыв, как тут же

другой начинал метаться и бичевать край новой песчаной метелью. Каждая песчинка со свистом проносилась в сухом воздухе, в потемневшей, взбаламученной пыли, в сумерках беззвездной ночи.

Цепенящий страх, растекавшийся вокруг, охватил и овирапторов, которые уже с утра блуждали по пустыне далеко за краем оазиса, разоряя гнезда протоцератопсов. Уже при первых порывах бури они кинулись наутек, но пыль слепила им глаза. Вихри швыряли мелких хищников наземь и засыпали песком, из которого им удавалось выбираться лишь с большим трудом. Но едва только ящеры освобождались и пытались домчаться до оазиса или к горному хребту, как вихрь сваливал их снова. Из последних сил они старались сохранить свои жизни, но бой с бешеной бурей был слишком тяжелым и неравным. Чем дальше, тем больше изнемогали овирапторы и, вконец обессиленные, сдавались. Над упавшими телами вихрь выл победную песнь смерти и разрушения.

Через ад песчаной бури прорывался и престарелый самец-овираптор. Он пережил уже много непогод, но с такой ужасной бурей еще не встречался. Вихри вертели ящера как птичье перышко, а песчинки, которые сердито швыряла в него буря, с шумом отскакивали от чешуйчатого панциря и этот сухой шелест сопровождал его сумасшедшее бегство.

Внезапно вихрь превратился в смерч, закрутился воронкой, бешено засвистел. Втянул в себя словно насосом кучу песка из пустыни и желтыми облаками поднял его на чудовищную высоту. Тяжелое тело старого овираптора швырнуло наземь, а затем по широкой борозде поволокло в море взбаламученного песка. Когда ветер улегся, ослаб на короткое время и вихрь, оставив ящера беспомощно лежать на земле.

Немного спустя тот очнулся и потихоньку потащился к низкому кусту, который чудесным образом оказался не засыпан песком. Приближаясь к укрытию, овираптор еще издали разглядел под навесом из зеленых иголок маленькую ямку с красно-коричневыми продолговатыми яйцами. Испуганные глаза заискрились и он поспешил туда, напрягши последние силы измученного тела. Но когда, истощенный почти до смерти, овираптор встал над гнездом, разбойничий блеск в его глазах погас и мелкий хищник равнодушно поглядел на ряды яиц. Так и стоял над ними - оцепеневший и неподвижный, словно окаменевший страж.

Буря, будто бы исчерпав свои силы и затихнув, опять дико разбушевалась. Новые порывы ветра вились и кружились над пустыней, песчаные холмы снова пришли в бешеное движение и со страшным грохотом и свистом начали перемещаться, словно могучие волны штормового моря. И тогда сраженный вихрем старый овираптор-самец упал на землю и своим немощным телом прикрыв гнездо, как бы желая защитить его от гибели. А взвихренный и гонимый ужасным смерчем песок мало-помалу засыпал и его, и гнездо, и куст. Но лишь только

песчаный дождь навалил гору песка над свежей могилой, как другой порыв бури разметал ее, чтобы тут же создать новую.

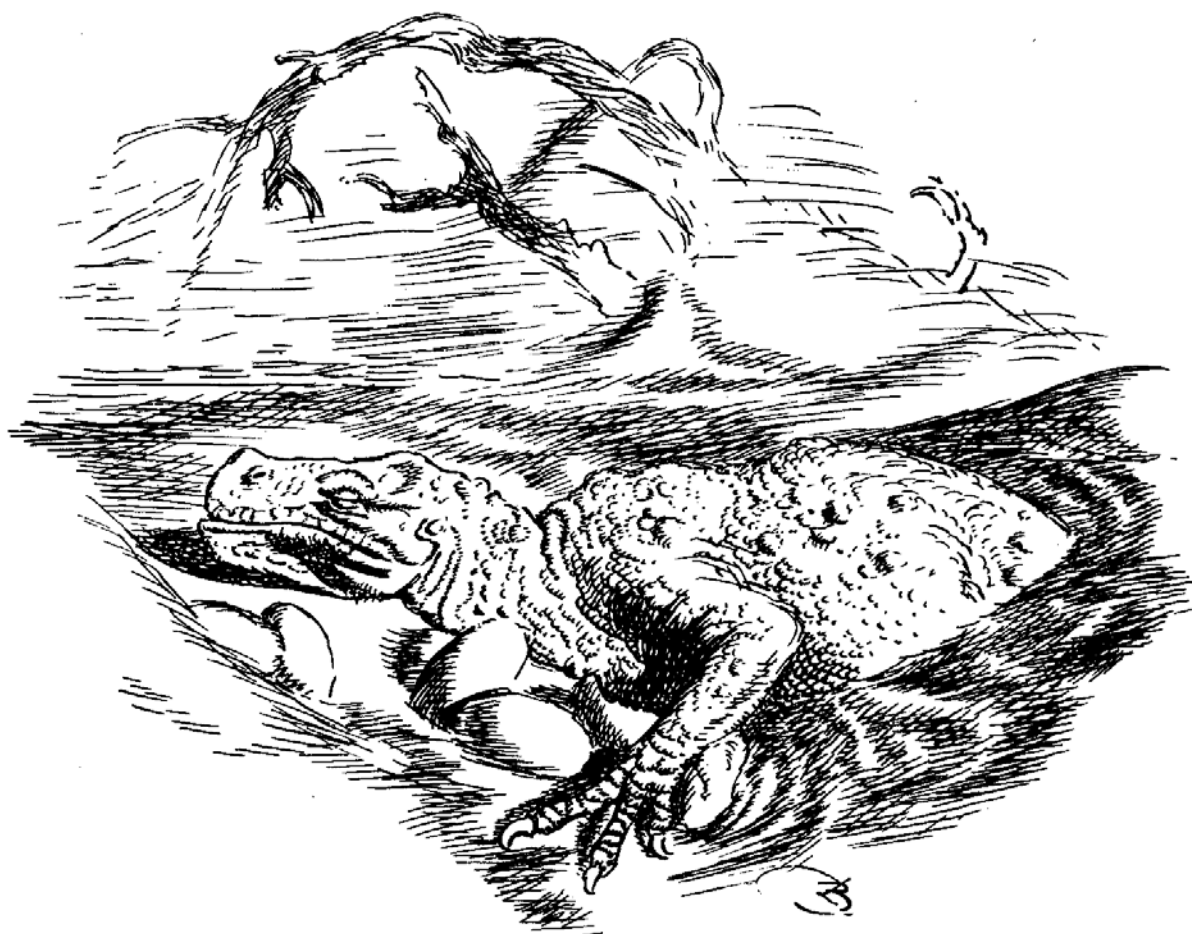
Когда бушующая над краем буря достигла апогея, пустыня уподобилась расштормившемуся морю. Тяжелые дюны двигались и пересыпались столь быстро и непрерывно, что напоминали каких-то гигантских змееобразных чудищ, которые с немыслимой скоростью выскакивали на поверхность, бешено атаковали оазис со всех сторон и засыпали его горами песка. А когда под ними была погребена вся зелень вместе с гротескными протоцератопсами, буря накинута на озеро. С каждым порывом ветра тысячи, миллионы песчинок падали в него, окрашивали воду в желтый цвет и постепенно так наполнили его, что из дна начали подниматься горы нанесенного песка.

Буря бесновалась еще долго, а когда наконец улеглась, весь край внезапно погрузился в тишину. Кучи песка исчезли в густой мгле поднятой пыли, которая еще долго вихрилась и кружилась, прежде чем опуститься на землю. А когда воздух полностью очистился и с синевы неба исчезли последние клочья разорванной бурей тучи, солнце облило своим теплом и светом уничтоженный край. Там, где раньше простиралась пышная зелень оазиса, теперь из глубоких борозд между дюнами над могилами протоцератопсов торчали лишь потрепанные и изломанные кроны погубленных цикадовых и араукариевых кустов. Песчаная выюга засыпала растительность на берегу озера, само озеро и наполовину завалила отроги горного хребта.

Разрушительная работа пустыни, стократно усиленная бурей, была завершена. Повсюду расстилалась лишь равнина, тихая и безжизненная. Лишь возле полузасыпанного источника, с трудом пробивающегося сквозь песок, бродили по остаткам зелени несколько перепуганных протоцератопсов, которым суждено было умереть от голода из-за отсутствия пищи – последнее смутное напоминание о существовавшей здесь жизни.

В глубинах пропасти бесконечного времени исчезало столетие за столетием, а вместе с ним изменился и облик пустыни. Проливные дожди, постоянно щедрые и обильные, затопили этот край, без усталости разрушали кучи песка и сровняли их. Песчаная почва, иссушаемая солнцем неисчислимые годы, жадно впитывала приносимую наводнениями освежающую влагу. В ней проросли споры и семена новых растений, упавшие в илистый осадок, который нанесли разливы из оврагов и лощин горного хребта. Обширная и безрадостная поверхность унылой пустыни вновь начала зеленеть – сперва нежными подушками мха, перистыми веерами папоротников и длинными листьями разных трав, позже живописными группками низеньких кустов. С этой первой живой красоты начался пышный и быстрый расцвет растений на избавленной от ужаса земле, а пустыня отступала и исчезала. В

третичном периоде над могилами протоцератопсов и овираторов вырос в своем загадочном великолепии огромный и дремучий первобытный лес, чей шелест рассказывал не только о гибели ящеров, но и о победе жизни над смертью.

ДРАКОНЬЯ СКАЛА

Неизмеримо широкая гладь океана, раскинувшегося в верхнем меловом периоде мезозоя, врезалась гигантским полукругом мелких заливов в пустую равнину. Тысячи волн накатывались на песчаные берега, тысячи их разрушали и подтачивали огромные скалы, отвесно спускающихся к бирюзовой, прозрачной как хрусталь воде.

На дне залива, в каменистой и песчаной части побережья медленно передвигалось под защитой толстых раковин несчетное множество различных древних плеченогих, улиток и моллюсков, главным образом мелких устриц вида *Ostrea congesta*. Под валунами, покрытыми тонкими корочками мшанок, скрывались многочисленные и странно выглядящие древние ракообразные. Вокруг коралловых рифов потихоньку перемещались морские звезды и офиуры давно вымерших родов, они осторожно обползали колючих морских ежей, которых было полно повсюду.

Вдали от берега, в мягком известковом иле большие полуметровые протоустрицы рода хапლოსкафа выкапывали глубокие канавки, двигаясь своими извилистыми путями. Трубочки и жилища бесчисленных древних червей самых разных размеров и форм нередко сгибались под собственным весом. Там и сям на илистом дне поблескивала красная раковина какого-нибудь аммонита – представителя древних, вымирающих четырехжаберных головоногих.

Лунной ночью, когда вся округа сверкала серебристой белизной и когда легкий ветерок уносил вдаль от пустой равнины неутомимый шум прибоя, недалеко от берега, посреди воды возвышалась подобно волшебному миражу из света и тени большая скала. Ее угрожающе крутые стены, которые без устали хлестали и дробили волны, были наверху ровно срезаны, в одном месте – выше, в другом – ниже. Казалось, будто это один из гигантских блоков-монолитов, из которых сказочные великаны здесь строили огромный мрачный город.

Широкая полоса воды отделяла уединенную скалу от цепочки голых прибрежных утесов, чьи многочисленные плоские выступы подобно широким ступенькам спускались в морской залив. Они создавали бесчисленные островки разной величины, о них постоянно

бились мелкие волны, брызгая тысячами маленьких капель, которые преломляли и отражали лунный свет, а потом, словно горсти серебристых чешуек в хлопьях белой пены, сыпались на водную гладь. Тишина ясной ночи невесомо повисла над всей бухтой; ее нарушал лишь слабый шум волн и временами – плеск рыб, которые высоко выпрыгивали из воды и, сильно изогнувшись, снова падали в нее...

Из глубокой пропасти восхода поднялся золотой солнечный диск. Его лучи разлетелись по водной глади, коснулись утесов на прибрежных скалах и осветили монолит, одиноко торчащий среди однообразных вод залива. В них отражалась мрачная, даже пугающе пустая скала; на ее голых иссохших камнях лежали беззвучная тишина и гнетущая атмосфера лишённого жизни места.

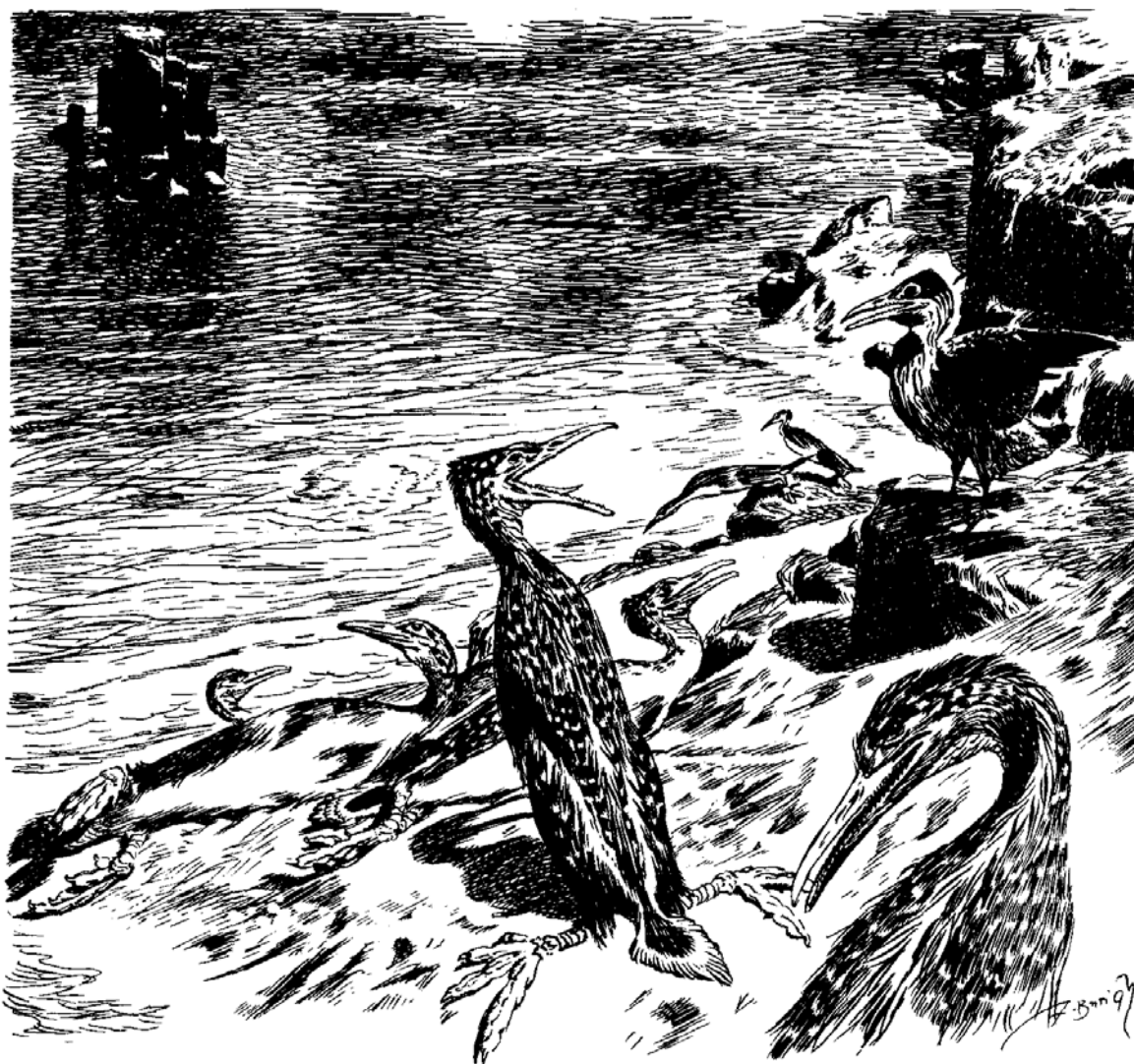
Зато на плоских скальных уступах и островках у берега бухты начала бодро пробуждаться жизнь. Здесь в теплых солнечных лучах лежало много гесперорнисов, крупных странных птиц без крыльев и с многочисленными острыми зубками в обеих челюстях длинного клюва.

Они устроились на краях скал, время от времени стремглав бросались в чистую воду и подобно выпущенным стрелам гонялись там за рыбками, гребя сильными и быстрыми лапами, чьи пальцы соединяла прочная плавательная перепонка. Стоило гесперорнису догнать рыбку, как его длинная шея взвивалась словно змея с зубастым клювом – наследием предков-рептилий, он хватал несчастную добычу и вонзал в нее острые конусообразные зубки. Когда птицы выныривали, то поднимали клюв вверх и чуть только пойманная рыба исчезала в их голодных глотках, они начинали охотиться на новую и так до тех пор, пока полностью не наедались.

На скалистые островки и утесы птицы выбирались с большим трудом, где просто лежали и грелись на солнце – ловкие и быстрые в воде, на суше они становились очень неуклюжими. Зубастыми клювами они взбивали и чистили плотные мелкие перышки; на брюхе они были белыми, атласно-поблескивающими, на спине – коричнево-красными со светлыми полосами и пятнами.

Если какой-нибудь из гесперорнисов хотел сменить место отдыха, он поднимал переднюю часть лежащего тела, отталкивался лапами и делал небольшой скачок вперед и повторял это так долго, пока не достигал своей цели. Но эти птицы никогда не совершали долгих странствий по суше – даже короткий путь был для них очень труден.

Потому эти бескрылые протоптицы почти всегда лежали на самых краях островков и скальных уступов. Оттуда они могли быстро соскользнуть за рыбами в воду, а после охоты снова взобраться на находящиеся поблизости места отдыха. Лишь будучи сильно потревоженными, гесперорнисы вставали на свои лапы и на некоторое время замирали, выпрямившись; но, однако, вскоре опять ложились на живот, потому что их конечности, расположенные слишком близко к

задней части тела и слишком широко расставленные, не были приспособлены для такого положения.

Солнце начало пригревать все сильнее, в его золотистом свете спокойно дремали сытые после охоты гесперорнисы. Вдруг воздух прорезал резкий и грубый крик. Прежде чем он смолк, на большой валун уже уселся зубастый ихтиорнис, птица размером с голубя.

Один из младших гесперорнисов, отдыхавших возле камня, стряхнул дремоту, вытянул шею и хрипло зашипел. Ихтиорнис склонил голову и поглядел на него большим зеленоватым глазом. Потом разинул клюв с рядом громоздящихся в нем острых зубов и из его горла вылетел новый крик.

Гесперорнис тяжело встал на лапы и раздраженно попытался ударить его клювом. Но зубастые челюсти щелкнули напрасно — ихтиорнис уже находился в воздухе. Он выделял смелые кувырки и удивительные развороты — высматривал себе другое место, а успокоившийся гесперорнис уже снова лежал на скалистом уступе и подремывал.

Ихтиорнис кружил над водным простором залива. Спускался и опять поднимался вверх и вдруг, склонив голову, молнией упал к воде. Едва коснувшись ее, он тут же с помощью сильных крыльев унесся ввысь, а в зубастом клюве трепыхалась маленькая рыбка, которая всего пару мгновений назад весело носилась у поверхности, вместе со своими подружками выискивая что-нибудь съедобное.

Пернатый охотник летел с добычей к прибрежным скалам. Его приветствовали хриплые крики сородичей, живущих и гнездящихся здесь в великом множестве. Не обращая на них внимания, ихтиорнис направился к маленькому скальному выступу. Здесь, в небольшом углублении, сидел его птенец, который давно уже вылупился из яйца и весьма подрос. Он с нетерпением бил крылышками и, вытягивая длинную шейку, жадно разевал рот. Старый ихтиорнис уселся на край уступа и, несколько раз сжав зубастый клюв, раздробил им тело рыбки. А когда отдал пищу птенцу, тот набросился на нее с голодной жадностью.

Кругом хрипло пищали птенцы из близлежащих гнезд. Голодные и алчущие пищи, они были готовы при первой же возможности напасть на счастливчика и отобрать его корм, это хищное поведение они унаследовали от своих предков-ящеров.

Словно бы зная об этом, старый ихтиорнис неподвижно сидел на краю скального выступа и терпеливо ждал, пока птенец доест принесенную рыбку. И лишь после этого он взлетел и быстро исчез далеко в вышине над морским заливом. Там и охотился, сея вместе с другими сородичами безжалостную смерть среди стаяк мелких рыбешек.

Широкая прибрежная полоса бирюзовых вод залива была постоянными охотничьими угодьями ихтиорнисов. Здесь они летали днем и здесь постоянно слышались их хриплые резкие крики. Их горло еще не могло издавать иные, мелодичные звуки. Это потому, что ихтиорнисы находились в плане своего развития еще совсем близко ко временам удивительного возникновения птиц. Потомки мелких и подвижных ящеров, бегавших всегда на задних лапках, спустя долгое время постепенно превратились в неких ящероптиц, чьи передние конечности начали приспособливаться к взмахиваниям, когда их домом наконец стали древесные кроны.

Большая часть этих существ быстро и навсегда исчезла, а их окаменевшие скелеты, словно неудачные эксперименты эволюции животного мира, лежали до самых наших дней скрытыми в глубинах Земли. Лишь те из ящероптиц, у кого на передних конечностях начали вырастать длинные, широкие чешуи с бахромой по краям, продолжили существование, дав жизнь с самого начала богатому разнообразию племени птиц.

Ихтиорнисы и гесперорнисы были уже настоящими птицами, лишь зубатые клювы и издаваемые шипящие крики зрительно указывали на их

недавнее происхождение от ящеров, хотя это «короткое время» развития, подсчитанное неточными людскими методами, оценивается в многие сотни тысяч лет.

Накормив птенцов, ихтиорнисы искали добычу для себя. Они усаживались с пойманными рыбками на камни плоских островков или скалистые уступы и жадно пожирали добычу, не обращая внимания на сиплое шипение гесперорнисов. Многие из них прилетали сюда и для короткого отдыха. Но стоило лишь одному из них взлететь, как остальные тоже поднимались в воздух или же устремлялись к голой скалистой гряде, где находились их гнезда и их дом.

Но птицы никогда не отдыхали на одиноко торчащем из вод залива монолите. Никогда не садились на воду возле него, не качались на волнах, как они это часто с удовольствием делали в другом месте. И во время охоты они старались обогнуть скалу – предпочитали сделать широкую дугу в воздухе, лишь бы не пролетать прямо над ней. Что-то отпугивало их – и сегодня, и в любое время.

Одинокая скала, молчаливый свидетель неведомого и безмерно далекого прошлого, мрачно высилась на фоне лазурного неба, ее отражение колыхалось в бирюзовых волнах моря. На сумрачных склонах не замечалось следов жизни, даже звук от камня, сорвавшегося с одной из стен и с шумом упавшего в воду, никогда не нарушал царящей вокруг глубокой тишины.

Но близился час, когда печальный монолит на короткое время стал прибежищем огромных чудовищных драконов, которые уже издавна прилетали сюда откуда-то издалека...

Бирюзовая вода залива сменялась на западе синью открытого моря чистой и неоскверненной красоты. Волны одна за другой убегали с радостным шумом в неведомые дали и всё искрилось в теплых лучах солнца цветами всевозможных оттенков.

Неожиданно по воде промелькнули несколько больших теней. Стая рыб, носящихся под самыми волнами в веселой игре, испугалась и поспешно ушла на глубину. Они знали, что это тени страшных птеранодонов, которых следовало опасаться.

Издавна то открытое море было домом птеранодонов, чудовищных летающих ящеров, подобных драконам. Их голова, сидящая на длинной сильной шее, оканчивалась впереди беззубым клювом – длинным, узким и остроконечным; сзади она переходила в удлинённый высокий гребень из тонкой слабой кости. Однако самым удивительным было то, что на передних конечностях три пальца были маленькими и когтистыми, а последний, четвертый, был поразительно вытянут в длину. Этот длинный палец сросся с голой темной кожей, которая с другой стороны прирастала к боку маленького и хрупкого тела, тянулась до самых концов слабеньких задних конечностей и к недоразвитому хвосту. Вытянутые

пальцы и летательные перепонки образовывали длинные и узкие крылья выше восьми метров в размахе. Эти хищники верхнего мелового периода были самыми большими летающими созданиями, существовавшими когда-либо в природе.

Целыми долгими часами ящеры без отдыха реяли над поверхностью моря, поднимались ввысь и опять опускались, грациозно плыли по воздуху, покачиваясь из стороны в сторону и порой кружась, но тут же снова начинали планировать и никогда не махали крыльями. А когда по штормовому морю неслись высокие волны, они летали прямо над ними, снижались и отправлялись с волнами в великие странствия, но никогда не мочили даже кончики своих длинных крыльев. Это были знаменитые летуны, быстрые и неутомимые, они также легко преодолевали порывы ветра, паря во время бури.

Кружась над морем, птеранодоны быстрым взглядом беспрестанно выслеживали плывущих у самой поверхности воды рыб. Когда замечали их, то стремительно неслись вниз, хватали длинным клювом ускользающую добычу, спустя миг вытаскивали его уже с дергающейся рыбой, которую тут же заглатывали. Ловили они и каракатиц с ракообразными и даже не брезговали плавающей на поверхности моря падалью, потому что всегда были не прочь поесть. Из-за быстрого пищеварения их почти все время пустое нутро сжималось от вечного голода.

Он настигал ящеров со свирепой беспощадностью и в то время, когда сильные бури колыхали морскую гладь. Рыбы и прочие создания скрывались на глубине, птеранодоны не могли ничего поймать – и тогда голодали и гибли. Но когда буря стихала и умиротворенная гладь моря вновь блестела в солнечном свете, летуны были вознаграждены за свой вынужденный пост – они охотились с удвоенными усилиями, чтобы утолить обессиливающий голод богатой добычей.

Так они и жили – размеренно и подолгу...

Но однообразие их жизни порой все же бывало внезапно нарушено. Случалось такое тогда, когда ящеры переживали период бурь, которые возвращались с неумолимой регулярностью и когда голодные тощие птеранодоны в неизменно прекрасную погоду вновь насыщались и отъедались. В это время они отваживались залетать на гигантские расстояния, далеко в океанские просторы, словно их к этому побуждала неукротимая страсть и блаженство быстрого стремительного полета.

Птеранодоны долетали до маленьких коралловых островов, состоящих из нескольких белых атоллов и отделенных друг от друга синей водой и зеленой растительностью. Как только они добирались туда, то начинали без отдыха описывать широкие круги, все стремительней и стремительней, воодушевленные силой здоровья и инстинктом сохранения рода. Птеранодоны гонялись здесь в дикой пляске, сближались в воздухе, но за мгновение перед столкновением

вновь разлетались, чтобы вскоре снова начать отыскивать сородича и изобразить столкновение.

Эта странная игра продолжалась несколько вечеров. Наконец ящеры стремительно уносились ввысь парами и там, прижавшись друг к другу, трепетали как сказочные драконы в свадебном полете.

Когда высоко в облаках драконоподобные птеранодоны окончили в вечерних сумерках свой свадебный танец, внизу в воде, в стаде проточерепах рода протостега тоже угасли инстинкты продолжения рода, затихли стук и скрипение больших панцирей и смолк утробный рев агрессивных самцов.

И теперь лишь один серебряный месяц поливал своим тусклым светом гладь шумящего океана...

Там, где бирюзовая вода залива смешивалась с синей водой открытого моря, из прибрежных вод выступала странно изломанная скала, распадающаяся на множество каменных столбов. Они стояли тут как безгласные, но все же красноречивые свидетели дикого волнобоя и напора прибоя, которыми океан в течение тысячелетий истачивал твердые скалы побережья, разрушал их соленой водой, гигантскими давящими потоками водяных масс дробил и разбивал их словно ударами великанских стальных таранов. Зато в то время, когда океан умиротворенно затихал, в тихой глади отражались обломки скал, стоявшие как мрачные разрушенные башни, охраняющие вместе с зубастыми птицами вход в широкий залив.

В водах того скального лабиринта чувствовал себя как дома чудовищного вида эласмозавр. Это был огромный тринадцатиметровый ящер из вымершего рода плезиозавров, внушающих страх хищников мезозойского моря. Его небольшая голова венчала весьма длинную шею, тело было коротким, уплощенным на брюшной стороне и заканчивалось коротким хвостом. Торчавшие по бокам длинные узкие конечности превратились в плавательные весла. Кожа была голой, без чешуи, зеленоватого цвета.

Подобно сказочному чудищу выплыл эласмозавр из хаоса прибрежных скал и не спеша удалился, равномерно загребая обеими парами конечностей. На длинной и S-образно изогнутой шее он нес свою маленькую голову со змеиными глазами и зубастой пастью. Ящер плыл на охоту и направился вдоль берега к недалекой мели, на чьем дне буйно переплелись водоросли. Это были его любимые уголья.

Лес из водорослей поднимался с каменистого дна. Возле него и между бесчисленных густых пучков длинных стеблей, разделяющихся на узкие ленты, носилась стая серебристых рыб. Они пытливо оглядывали каменистое дно и стебельки коричневых водорослей. Горе было тем червям и мелким рачкам, которых они замечали.

Одна из серебристых рыб наткнулась в погоне за добычей на большущего краба. Тот предостерегающе задрал клешни, а испуганная охотница молниеносно умчалась в водорослевый лес, за ней механически последовали и остальные сородичи, встревоженные ее внезапным бегством. Некоторое время стая беспокойно переплывала с места на место, однако вскоре рыбы опять спокойно продолжили охоту, ловко проплывая между стебельками водорослей.

Тут к водяным зарослям приблизился эласмозавр. Он пытливо следил за всем вокруг, а в страшной пасти, которую он несколько раз широко разинул, как бы нетерпеливо предчувствуя богатую добычу, блестели сильные острые зубы. Внезапно ящер резко погрузился вглубь. В том месте, где он нырнул, вода вращалась диким вихрем, кружилась глубокой воронкой, которая постоянно уменьшалась и, в конце концов, пропала, совсем прекратив вращаться.

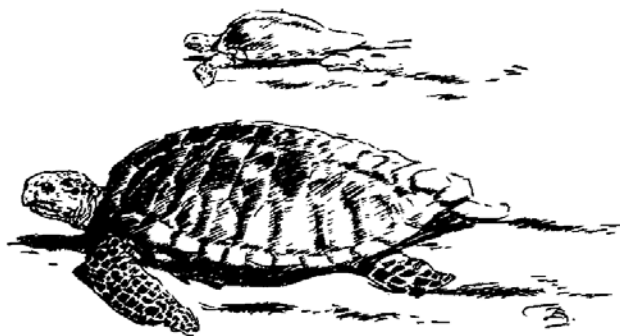
Эласмозавр быстро, но осторожно плыл под водой к гуще водорослей, где уже издалека приметил стаю серебристых рыб. Он подбирался к ним постепенно и с оглядкой, укрываясь за длинными стеблями и ожидая подходящей возможности, чтобы схватить какую-нибудь из них.

Вскоре такой случай представился – одна неосторожная рыба в погоне за жирной личинкой покинула водорослевую чащу. Эласмозавр стремительно дернулся, в несколько могучих ударов лап-весел настиг ее и сцапавшая добычу хищная пасть вонзила в тело рыбы ряды острых зубов. Несколько резких рывков дергавшейся в агонии жертвы заставили эласмозавра сильнее стиснуть пасть, его зубы уже дробили мясо и кости.

После первого улова аппетит хищника разыгрался. Он долго охотился, много рыб стали его жертвами. А когда ящер возвращался к себе в логово, то по пути напал на небольшого головоногого моллюска, которого проглотил вместе с раковиной.

День проходил за днем, а ночь – за ночью. Никто не считал их, никто не сожалел об их уходе. Они неслышно падали в глубокие пропасти прошлого, из которых не было возврата.

Вместе с днями и ночами бежало время, медленно, но неуклонно.

И случилось так, что однажды древние черепахи протостеги отправились с коралловых островков в широком море в дальний путь к побережью. Пришел час, когда самки должны были позаботиться о продолжении рода и отложить оплодотворенные яйца в песок далеких берегов.

Протостеги долго плыли бесконечной водной равниной океана. Они безостановочно гребли длинными и широкими плавниками передних конечностей, а большие, выпуклые глаза постоянно глядели вперед, будто бы не могли дождаться появления долгожданного берега, к которому они приплывали раз в год с упрямой настойчивостью. Черепахи путешествовали двумя стаями: впереди – самки, сзади – самцы.

В один из дней они наконец-то добрались к берегам мелкого залива. Там их встречали шипящие гесперорнисы, опасаящиеся, что проточерепахи могут вытеснить их с островков и скалистых уступов. Суетливо летающие ихтиорнисы поприветствовали их своими криками. Но большие черепахи ничего этого не замечали. Лишь самки с поднятыми головами и касающимися поверхности воды спинными панцирями внимательно рассматривали берег, приглядывая место для кладки яиц.

Только когда солнце скрылось за горизонтом и сумерки упали на всю округу, несколько черепаших самок выбрались на берег и издали пронзительные звуки – так они хотели обнаружить или прогнать притаившихся врагов. Но клич смолк, а тишину вечера не нарушил ни малейший подозрительный шум.

Тогда проточерепахи отважились пойти дальше и поползли к песку с высоко поднятыми головами. Там, за границей прилива, они выкопали задними лапами глубокие ямы и отложили туда много яиц. После завалили кладки песком и поспешили назад, оставляя за собой широкий след – две параллельные борозды от конечностей, а между ними широкая полоса, оставленная плоской нижней частью тяжелого панциря.

Едва они успели скользнуть в воду, как на берег полезли другие самки, чтобы также выполнить на песке свою миссию. Когда вернулись и они, на смену им пришли новые и так далее.

Бесчисленные звезды сверкали на темно-синем полотне ночи, сверкали и светились, пока утро не погасило их одну за другой. Когда с неба исчезла последняя, проточерепахи были уже на пути к дому, направлялись к коралловым островкам далеко в море. Но в их мозгу не появилось ни малейшего проблеска какой-либо материнской заботы о том, что же будет с отложенными яйцами. Они оставили их там закопанными в ямках на песчаном побережье – брошенными на произвол судьбы...

Непрерывно и упорно пlying, протостеги быстро возвращались на свои острова. Вот они уже оставили позади мелкий залив, вот вдалеке исчезла и скала, в водяном лабиринте которой обитал хищный эласмозавр. А когда над ними промелькнули тени драконоподобных птеранодонов, они уже плыли глубокими океанскими водами. Но до того, как они оказались на коралловых островах, черепах постигло несчастье – им повстречался странствующий по морю ужасный тилозавр.

Хищник принадлежал к вымершему роду мозазавров. Облик этих ящеров, чьим представителем он являлся, свидетельствовал об их приспособленности к жизни в море. Длинное восьмиметровое тело, по-змеиному извиваясь, быстро преодолеvalo огромные расстояния и несло вперед как выпущенная торпеда. Пять пальцев конечностей соединялись между собой перепонкой, первоначально приспособленные к ходьбе лапы его далеких предков превратились в подобие плавников, они не только увеличивали скорость ящера, но и еще подобно рулям помогали ему менять направление. Змеевидное тело заканчивалось впереди длинной пастью, полной огромных, острых как бритва зубов. Это был самый свирепый из всех хищников, которые бороздили моря верхнемелового периода, он не щадил даже своих близких родичей, пятиметровых платекарпов – если случалось с ними встретиться, закипал яростный бой, из которого тилозавр всегда выходил победителем и пожирал побежденных.

Вот с этим ужасным ящером и довелось столкнуться проточерепахам.

Он стрелой скользнул между ними. Перепуганные протостеги быстро нырнули, ища себе спасение в темных глубинах моря. Океанский воздух наполнился треском и скрипом их плоских панцирей, которыми они сталкивались друг с другом в безрассудном стремлении уцелеть. Над водой взлетели тучи брызг, она пенилась, шипела и клокотала как кипяток. А посреди бурлящей глади устрашающим желтоватым светом горели глаза тилозавра, в его разинутой пасти сверкали огромные белые зубы.

Внезапно ринувшись вперед, тилозавр ухватил одну из черепах. Зубы-кинжалы вонзились в ее переднюю конечность-плавник прямо рядом с панцирем. Пойманная черепаха дико металась и тилозавр, опасаясь того, чтобы добыча не скрылась, сжал зубатой пастью плавник так крепко и сильно, что прокусил тугую кожу, раздробил кости и мощным рывком оторвал его от тела. Тяжело раненая протостега камнем пошла вниз, опускалась все глубже и не могла спастись, даже выпущенная из пасти тилозавра. Изувеченная черепаха уже не сумела всплыть, чтобы увидеть своих сородичей. Не могла вернуться к коралловым островкам и в темноте глубоких тихих вод нашла свою могилу.

Проглотив оторванный им плавник, тилозавр исчез в водных просторах. Он уплыл, а красное пятно на поверхности почти растворилось. Вместе с ним исчезло и последнее воспоминание об ужасном событии. Лишь несколько птеранодонов еще кружили в воздухе, словно высматривая какие-нибудь остатки после кровавой схватки...

Снова день проплывал за днем, ночь за ночью, время растворялось в бескрайнем море вечности. Настала пора, когда птеранодоны овладели инстинктивной тягой к полету на берега отдаленной равнины.

Словно черная туча, бросающая глубокую тень на морскую гладь, летела огромная стая ящеров к одинокой скале в мелком заливе. Это были только самки, покинувшие открытое море; самцы же остались, без всякого интереса наблюдая за отлетом своих подруг.

Ведомая старой самкой стая быстро достигла бирюзовых вод залива и вскоре после этого закружила над одиноким монолитом, блестящим в свете заходящего солнца. Ихтиорнисы в страхе покинули залив и улетели на берег, где меж скал раздавались их жалобные крики. Взмолвленные гесперорнисы поднимались и злобно шипели, если какая-то из самок-птеранодонов кружила слишком низко над ними.

Вот уже несколько дней стая парила вокруг скалы, словно та неодолимо манила и притягивала ящеров. Утолив пойманными рыбами свой вечный голод, они тотчас же возвращались к монолиту, кружили вдоль стен и над верхушкой, со всех сторон пытливо и внимательно оглядывая его, как будто хотели подробно знать о каждом выступе и каждой маленькой ямке.

Наконец в один день, родившийся из блеска великолепного розового утра, одна из самок уселась на площадке наверху скалы и отложила в неглубокую впадинку единственное маленькое яйцо. За ней на разные места расселись остальные товарки, каждая отложила по яйцу. Прежде чем солнце село, вся скала была усеяна яйцами словно белоснежными цветами.

Но самки птеранодонов, закончив с кладкой, не вернулись в открытое море, как это сделали проточерепахи. Они остались у скалы и тщательно стерегли яйца. Никогда они не отправлялись на охоту всей стаей. Несколько самок постоянно без усталости кружили возле скалы и сердито прогоняли суетливых ихтиорнисов, если те отваживались ловить рыбу дальше, чем у самого берега. А еще и нападали на них, нередко та или другая птица находила свой конец в ненасытной глотке птеранодона. И гесперорнисы убрались с островков на плоские береговые уступы, где вели полную смятения, неудобную жизнь. Мир и покой, царившие в мелком заливе до прилета крылатых драконов на свою скалу, исчезли без следа.

Спустя недолгое время из белых яиц вылезли маленькие дракончики, слабые и беспомощные, но с великой тягой к жизни и очень прожорливые. Самки-птеранодоны тотчас же проявили трогательную материнскую заботу. Они кормили детенышей крохотными рыбешками, которых без усталости ловили на мелях возле берега залива. Как пущенные стрелы неслись самки к поверхности воды и когда достигали, врезались разинутым клювом в стаю рыбок; множество их попадало в кожистый

мешок, висящий на нижней половине клюва. Мамаши с пойманной добычей вновь летели на скалу, чтобы насытить вечно голодных деток.

Прилеты сопровождались обязательной кормежкой, при этом ни одну из самок не заботило, чьему детенышу она дает пищу. Все они родились из одних и тех же яиц и во всех текла драконья кровь.

Солнце потихоньку склонялось за горизонт и окрашивало золотом последних лучей морские волны. Каменные столбы хаотично изломанных скал отбрасывали на темнеющую глубокой синью воду длинные тени. Тихим вечером по своему лабиринту из голых камней плыл с поднятой головой эласмозавр.

Он двигался неспешно и вяло, наевшийся как никогда. Охота сегодня была такой удачной и он так набил желудок рыбами и моллюсками, что тот готов был лопнуть. Если раньше ящера терзало голодное пустое брюхо, то теперь мучил полный до отказа живот. Но он знал, что делать в обоих случаях: пустой желудок требовал поймать несколько рыб, а для полного нужно было проглотить несколько округлых или плоских камешков; они оставались там и понемногу дробили проглоченную еду и таким образом ускоряли пищеварение.

Потому-то эласмозавр поспешно опустил под воду и когда достиг дна, выбрал себе камень-голыш из белого кремня, взял его зубастой пастью, вернулся на поверхность и неторопливо проглотил его. Потом снова нырнул и вынес со дна новый камень, тот тоже исчез в глотке ящера. Но когда он решил опуститься в третий раз, то изумленно оцепенел. Во вспенившейся воде ящер увидел перед собой тилозавра, уставившегося на него своими кровожадными глазами и дико хлещущего мощным хвостом, из-за чего во все стороны летели брызги. В широко разинутой пасти двумя рядами сверкали острые зубы.

Камень, выпавший из пасти эласмозавра, с бульканьем упал и пробудил водяного ящера из оцепенения. Он мгновенно развернулся и, не давая тилозавру шанса вонзить зубы в его тело, исчез под водой. Длинношей эласмозавр вынырнул уже поодаль и по широкой полосе вспененной воды быстро погреб к разломанным скалам. За ним гнался тилозавр, бешеный в своей ярости из-за неудачного нападения.

Но и эласмозавр тоже мчался все быстрее и быстрее.

Достигнув скал, он снова нырнул и плыл под водою извилистым каменным лабиринтом. Наверху бороздил море разъяренный тилозавр, стремившийся обнаружить исчезнувшего эласмозавра. Но бесчисленные скалы-колонны загораживали хищнику обзор и пока он выпутывался из переплетения каналов, эласмозавр уже плыл водами залива, выискивая себе укрытие.

Он быстро продвигался вперед, не утомимо и без остановок, не обращая внимание на сумерки и переполненный желудок. И лишь когда

ночная тьма распростерлась над краем, эласмозавр приплыл к гнездовищу птеранодонов.

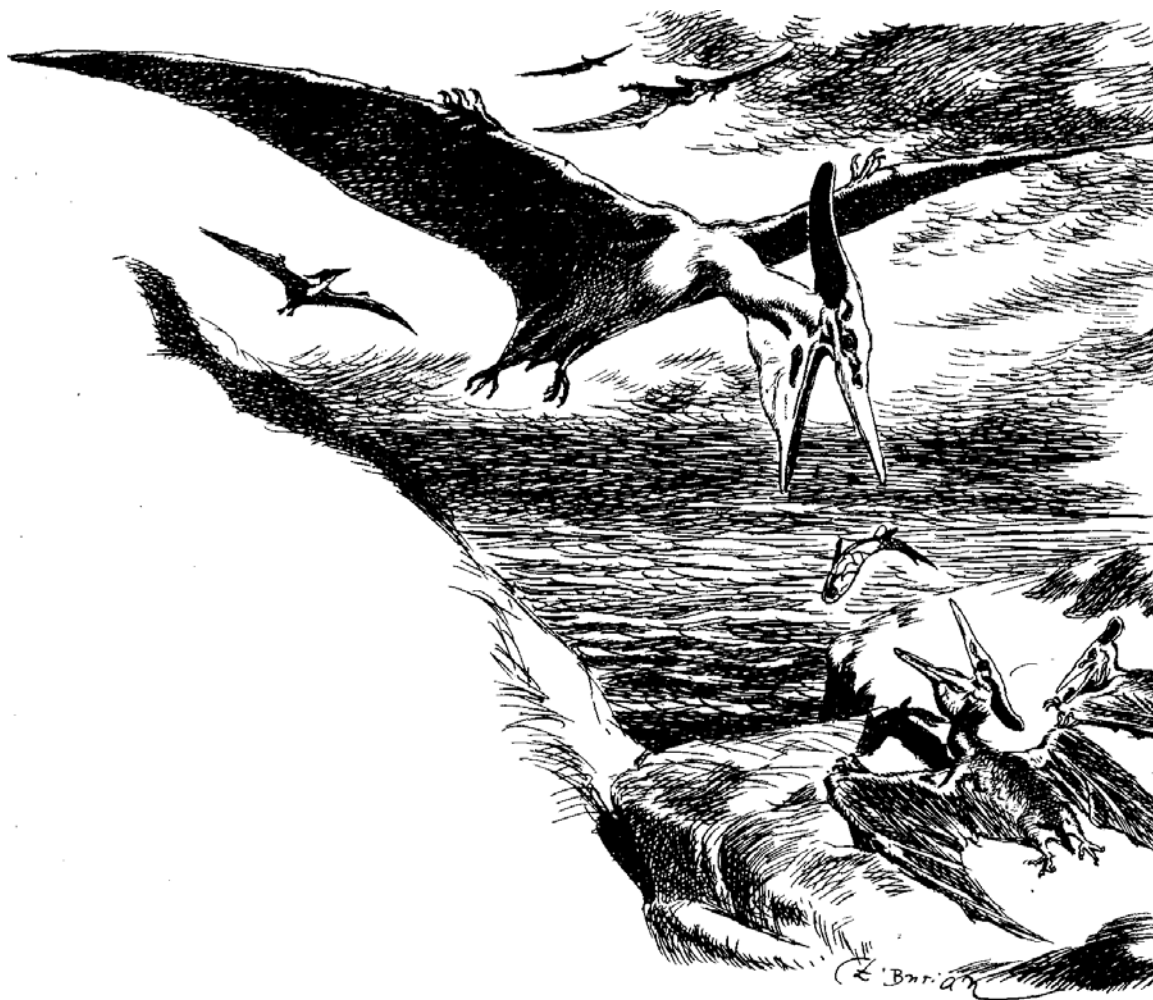
А пока он отдыхал в воде под драконьей скалой, темной безлунной ночью к нему подкрадывалась смерть...

Молодые птеранодоны быстро росли под неустанной опекой самок. Но делали они это странным образом. Если туловище и задние конечности лишь чуть-чуть увеличились в размерах, то на голове с неустанной скоростью формировались остроконечный клюв и полый гребень, но необычнее всего были набирающие силу передние конечности с вытягивающимся на них летательным когтем огромной длины. Это неравномерное соотношение частей тела уже никогда не изменялось. И у взрослых птеранодонов все, что находилось за чудовищною головой и могучими крыльями, было словно атрофировано – маленькое тело, комично выглядящая грудная клетка и настолько слабые лапы, что животные просто не могли нормально стоять на них.

Самки уже не ловили рыбешек на прибрежных мелях – те просто не годились для прокорма стольких вечно голодных ртов. Приходилось охотиться на добычу все больших размеров, а когда они прилетали с ней на скалу, детеныши нетерпеливо щелкали клювиками, растопыривали крылья и бросались на нее с вытянутыми шеями, вырывали пищу из клювов самок, вытаскивали из кожистых мешком и жадно пожирали.

Но вскоре пришла пора, когда мамы перестали приносить пойманную рыбу на скалу, они кружили с ней поблизости от ее верхушки. Детеныши обеспокоено трепыхали длинными подростшими крыльями, некоторые делали это так сильно, что даже приподнимались в воздухе. Клювики щелкали, временами некоторые из них хрипло пищали. Но самки безостановочно так и кружили возле скалы, а в их могучих клювах дрожали пойманные рыбы. Детеныши лишь могли жадно наблюдать, как их чешуйки играют в солнечных лучах красивыми оттенками разных цветов. Движимые голодом и алчностью, они карабкались к самому краю, где с вытянутыми шеями и разинутыми клювами напрасно пытались дотянуться до еды.

Одного из маленьких ящеров так сильно тянуло к рыбе в клюве кружащих самок, что из-за резкого движения он утратил равновесие, соскользнул с края скалы и понесся по воздуху к водной глади. Детеныш испуганно пищал, но вдруг, развернув длинные узкие крылья, принялся махать ими и, прежде чем опомнился, перестал падать, а потом, порхая, полетел вперед.

Маленький птеранодон перемещался по воздуху слабо и неуверенно, делал быстрые взмахи и вдруг, будто растеряв всю свою храбрость, направился обратно к скале и тяжело рухнул на нее с распростертыми крыльями. А к клювику запыхавшегося и уставшего детеныша упала рыба, словно награда от самок за его первый полет.

Пока изнуренный юный летун с довольным видом глотал большую рыбу, в воздухе трепыхались еще несколько самых отчаянных и самых отважных дракончиков, которые тоже получили пищу в награду за пройденное испытание.

Обучение полету продолжалось и детеныши полюбили эти короткие воздушные путешествия. Кроме нескольких самых боязливых, все они теперь летели навстречу самкам, вырывали из клювов принесенную рыбу и пожирали ее на скале.

Как только детеныши более-менее встали на крыло, самки тут же начали их обучать кое-чему другому. Они не позволяли выхватывать пойманную рыбу из клювов, но, когда молодежь подлетала к ним, выпускали добычу и таким образом вынуждали дракончиков ловить ее в воздухе. Самкам пришлось много раз устремляться к глади воды, чтобы снова схватить рыбу, уже ими пойманную. Первоначальная неуклюжесть детенышей с каждым уроком все больше уменьшалась, вскоре они уже

подхватывали добычу с удивительным проворством. Мягко скользя, они устремлялись за падающими рыбами и, как только те касались поверхности воды, крепко хватали их своими клювами и все теми же плавными движениями снова поднимались ввысь.

Эти упражнения и настоящую охоту разделял лишь маленький шаг, означавший самостоятельную жизнь. Самки уже не уделяли детенышам столько же внимания как раньше и своим равнодушием вынуждали их самостоятельно позаботиться о еде. И те упражнялись в искусстве охоты, набирая опыт в погоне за добычей.

В то день, когда в вечерних сумерках к их скале приплыл эласмозавр, самки кружились с самого утра в странном возбуждении вокруг скалы своего гнездования. Когда солнце достигло наивысшей точки своего каждодневного пути, одна из самых старых самок перестала делать круги и быстро спланировала от скалы над водами залива, устремившись дальше, в открытое море. Она возвращалась туда, откуда раньше прилетела. За ней направились и остальные, их миссия здесь была выполнена.

Лишь несколько самых старательных и заботливых самок оставались с детенышами возле скалы.

Когда на утро следующего дня солнечные лучи разлетелись по водной глади и позолотили ее, длинношей эласмозавр собрался поохотиться. Он проголодался, ведь позади были быстрое бегство от тилозавра и целая долгая ночь. Ящер тихо и осторожно плыл вокруг скалы, внимательно оглядываясь по сторонам. Несколько раз он нырнул, заметив мелькнувшие под водой тени, но всякий раз выныривал с пустой пастью и со все большей жаждой пищи.

Над ним в воздухе кружила одна из нескольких оставшихся самок-птеранодонов, а в клюве у нее вздрагивала пойманная рыба. Возле старшей трепыхались двое детенышей и нетерпеливо ждали, когда самка выпустит добычу, чтобы броситься за ней. Когда она так и сделала и рыба тяжелым камнем упала вниз, то молодые птеранодоны ринулись за ней, каждый со своей стороны. Рыба с плеском упала на поверхность, взметнулись брызги и в облаке капель, искрящихся и светящихся тысячекратно преломленным солнечным светом, детеныши так сильно столкнулись в своем быстром полете, что не удержались и с широко расставленными крыльями упали в воду неподалеку от голодного эласмозавра.

Тот не мешкал и несколькими мощными ударами веслоподобных конечностей в один миг оказался возле мечущихся молодых птеранодонов. Взмахнув длинной змееобразной шеей, он жадно вцепился в одного из них. И пока другой детеныш быстро улетал, испуганный неожиданным падением в воду и внезапным появлением

хищного чудовища, эласмозавр застыл в неподвижности и держал высоко над водой в зубастой пасти содрогающееся тельце птеранодона.

В воздухе кружила разозленная самка, к ней быстро присоединились и все остальные. Сперва они летали высоко и круги были большими, потом снизились и, наконец, с вытянутыми длинными шеями начали носиться вокруг головы эласмозавра, как бы собираясь напасть в любой момент и пустить в ход острые клювы.

Эласмозавр выпустил трупик несчастного детеныша и злобно клацнул зубатой пастью на одну из самок, которая уже касалась его головы концами своих длинных крыльев. Она тут же поднялась выше, за ней – остальные и снова все закружили над хищным ящером, всё так же не отваживаясь атаковать его.

Эласмозавру все же не удалось избежать боя. Его противник быстро приближался к нему издалека – сперва как белая, неуклонно увеличивающаяся точка, оставляющая за собой беловатую ленту, все более и более широкую, пока не объявился перед длинношеим ящером в широкой борозде вспененной воды. Это был тот самый тилозавр, напавший на него вчера. В полуоткрытой пасти монстра торчали редкие ряды острых зубов, а в желтоватых глазах пламя хищнических инстинктов разожгло угрожающие проблески кровожадной алчности. Но эласмозавр, слишком раздраженный голодом и опасением за добычу, которая как темный плащ легонько качалась на взбаламученной воде, тоже глядел угрожающе на своего преследователя.

Тилозавр медлил с нападением, он ждал выпада соперника, ведь эласмозавру в этот раз бежать было некуда.

И дождался. Уплощенная пасть эласмозавра стремительно двинулась вниз, яростно вцепилась в затылок тилозавра и с куском вырванного мяса высоко взлетела на длинной шее. Хищник рванулся вперед и его острые зубы в свою очередь вонзились в плечо противника. Тот рвался и метался, вставал на дыбы и скакал, но мощные стиснутые челюсти тилозавра держали его как клещи.

Вода покраснела от крови ящера. На длинной, змеиной тонкой шее дергалась плоская голова эласмозавра, с яростью впивавшегося в тело тилозавра и, наконец, вонзившего острые зубы ему в голову. Тилозавр отпустил своего противника, но лишь затем, чтобы атаковать его с новой силой. Вода забурлила, когда оба ящера снова ринулись в бой. Они яростно рвали друг друга, погружались и дрались под водой, а когда выныривали, все в кровоточащих ранах, то опять сходились в жестокой схватке.

Сражались уже не только зубастыми пастьми, в ход пошли сами исполинские тела рептилий. В жестоком бою ящеры дико металась в пенящейся и бурлящей воде, а над ними в воздухе без устали кружили самки птеранодонов.

Неожиданно разгоряченный тилозавр начал хлестать по телу эласмозавра своим мощным хвостом – сперва по боку, потом по длинной шее, которая падала к поверхности, осыпая шквалом ударов, а потом опять взлетала выше, кружилась и металась как тонкий ствол молодого дерева во время бури. В тот момент, когда змеиная шея эласмозавра из-за сильного удара опять оказалась в воде, хищник ухватил ее прямо за головой и ужасным усилием стиснул.

Огромные словно кинжалы острые тилозавровы зубы впились в плоть противника, проткнули мышцы и дробили позвонки. Напрасно эласмозавр метался во все стороны, напрасно скакал и дергался от жестокой боли и безнадежности – зубастые тиски, сжатые с исполинской силой, не выпускали его. Чем дальше, тем больше таяли его силы, пока, наконец, по телу побежденного эласмозавра не побежали судороги – предвестники уходящей жизни.

Битва двух морских чудовищ была окончена.

Пока эласмозавр погибал в тисках зубастой тилозавровой пасти, взволнованное море успокоилось. Самки птеранодонов перестали кружить над кровавым побоищем и быстро удалились оттуда. Они направлялись к далекому открытому морю, будто хотели побыстрее отнести своим сородичам весть об отомщенной смерти их детеныша.

Тело эласмозавра лежало без единого движения в кровавой воде как гигантская, обросшая зеленоватым мхом глыба. Вокруг него носился тилозавр-победитель, высматривавший, нет ли поблизости кого-нибудь, кто мог бы помешать его пиршеству. Никого не обнаружив, он вернулся обратно к жертве, своими челюстями-пилами разорвал ей брюхо и с жадностью поедая внутренности. Едва проглотив их, он начал отрывать куски мяса, которые быстро исчезали в его ненасытном желудке.

А тилозавр продолжал пожирать добычу и еще долго пировал.

Солнце зашло лишь долгое время спустя. Его последние лучи затрепетали на верхушке скалы, разгорелись ненадолго золотым и розовым цветами в небе и на морской глади, а потом погасли. Все вокруг сразу стало унылым и мрачным. Когда на небе зажглись бесчисленные звезды, на волнах еще качались последние остатки пиршества тилозавра, которого уже давно поглотили тьма и безбрежная морская пучина.

Ночная мгла в ранний час рассеялась, а с пришедшим утром свет разливался по всему краю. Под теплыми лучами солнца над водами залива опять летала стая молодых птеранодонов.

С ними уже не было старых самок, которые уделяли столько заботы кормлению и обучению молодняка. Все они возвратились в открытое

море, где они жили и охотились только для самих себя, больше уже не задумываясь о дальнейшей судьбе оставленных детенышей.

Но молодые птеранодоны не нуждались в них. Отлет самок не вызвал у них ни малейшего сожаления. Они целый день охотились, потому что неистощающий голод понуждал их к этому, и так преуспели в этом деле, что мало когда их клювы выныривали из воды без добычи.

Однако пришла пора, когда и молодых птеранодонов охватило инстинктивное беспокойство. Они описывали огромные круги над водой, каждый раз все быстрее и быстрее, пока один из них ни с того ни сего не ринулся вниз и не начал охоту. К нему присоединился второй, третий, четвертый и спустя время охотились уже все. Но вскоре они опять поднимались в воздух и вокруг скалы раздавался сухой шелест их длинных узких крыльев. А потом один из птеранодонов вырвался из круга и направился к открытому морю. За ним вслед быстро и стремительно пустились остальные, так что спустя время вся стая исчезла вдали за морским горизонтом.

Их отлет завершил регулярно повторявшееся в те времена и никогда не виданное человеческим глазом природное явление – трогательную материнскую заботу летающих ящеров о беспомощных детенышах.

Драконья скала, гнездовище чудовищных птеранодонов, выглядело осиротевшим и мрачным. Но так было не всегда. В урочный час возле нее опять появились самки, чтобы отложить яйца и вскормить новое поколение своих драконьих малышей. И это повторялось так долго, пока над скалой, над водами залива и над всем безбрежным морем светило солнце в самом конце мелового периода мезозойской эры.

БУЙСТВО СТИХИИ

Тишина глубокой ночи в эпоху олигоцена третичного периода висела над обширной равниной. По ней были разбросаны тысячи мелких лужиц и тысячи маленьких прудов, блестевших в бледном лунном свете как большие серебряные чешуйки. Порывы ветерка раскачивали высокие травы, растущие из влажной почвы и шумели в разбросанных там и сям низких кустах. В тем местах, где солнце давно высушило своим жаром лужицы и пруды, травы были низкими, густыми пучками – так они сохраняли последние частицы земной влаги.

Уже долго не бывало так, чтобы повсюду в этом краю имелась в избытке вода. Протекающая здесь могучая река с широкими изгибами из-за продолжительных ливней разлилась вширь и затопила все вокруг. Но мутная вода всасывалась пересохшей песчаной почвой; лишь там, где на поверхности были углубления, она удерживалась дольше и образовывала бесчисленные лужи и пруды. Иные из них в течение долгих времен так сильно заполнялись илом, что их дно оказывалось на уровне степи и быстро зарастало травой. Но после нового наводнения в других местах опять возникали мелкие водоемы.

Восток уже слегка зарделся зарей и тьма незаметно перешла в холодные ранние сумерки. Внезапно далеко-далеко, из-за гряды чуть различимых гор к небу взлетела золотая стрела, за ней вторая, третья, четвертая и еще целые тысячи. Это были первые солнечные лучи, которые позолотили розовую зарю и осветили замшевую темную синеву ночи, с ними же исчезли и светлые точки самых ярких звезд. Из глубин Вселенной над восточным горизонтом начал подниматься горячий шар солнца, мечущий во всех направлениях свои бесчисленные лучи над открытыми и безграничными просторами земли.

По травянистой степи сразу же разлились свет и тепло. На топорщащихся пучках травы затрепетали брызги росы. Цветы разнообразных, но еще довольно редких болотных и степных растений понемногу открывались и источали в чистом раннем воздухе тонкий аромат.

В низком кустарнике зеленая кобылка-кузнечик приветствовала новый день радостной скрипучей песней. К ней постепенно присоединились другие сородичи и спустя время веселый стрекот оживил всю степь.

Над лужицами кружились в своей пляске комариные рои и облака поденок, которые в упоении приступили к брачному танцу – первому и последнему в их короткой жизни. Везде весело жужжали многочисленные мухи; предки нынешней мухи цеце уже тогда были опасными носителями болезни и смерти.

На травинку, растущую у края мелкой лужи, уселся серо-зеленый клоп, который медленно полз по широкому листу. Когда он оказался у самого края, то сверху мелькнула какая-то тень, испугавшая насекомое. Клоп прижал лапки к плоскому тельцу, оцепенел и, прежде чем успел опомниться, соскользнул вниз с края зеленого листа. К его счастью тот находился над твердою землей, а не над водой.

Так вышло, что клоп свалился между двумя стеблями прямо на какого-то крупного муравья. Это неожиданное падение перепугало беднягу до смерти – он выпустил из жвал только что найденную мушку и кинулся искать спасение в спутавшейся в пучок траве. Пока он залезал туда поглубже, клоп поспешно укрылся под плоским камнем.

Тень, так его напугавшая, принадлежала красивой бабочке прудриас. Ее привлек сюда аромат чудесных белоснежных цветов. Клоп с муравьем спрятались – один под камнем, другой в переплетении трав – из-за совершенно безобидного создания, угощавшегося сладким нектаром из одурманивающе пахнувших венчиков.

Неподалеку от этого места вздымалась большая конусообразная гора. Рядом невысоких холмиков, словно звеньями цепи, она соединялась с обширным горным хребтом, багровеющим на горизонте. Гора величественно высилась над всем краем, а из ее верхушки постоянно поднимался толстый столб дыма и пара. Это был вулкан – открытая, до сих пор незалеченная рана Земли. Он стоял будто страж на краю степи, а черно-серая туча дыма предупреждающе клубилась на лазурном фоне неба.

У подошвы вулкана и в других местах можно было увидеть небольшие курганы бурого цвета. Казалось, что это крупные валуны,

выступающие из ровной почвы травянистой степи. А между тем это были огромные, удивительные древние копытные бронотерии из вымершего семейства титанотериев. Они походили на слонов и носорогов. Впереди на голове над мордой находилось их оружие – два плоских рога.

Маленькие, сдвинутые вперед глазки апатично глядели по сторонам; в них не виднелось никакого проблеска высшей мозговой деятельности, они лишь выражали желание насытиться с утра пораньше. Звери толпились небольшими группами возле водоемов, на чьих берегах было в избытке весьма сочных растений, которые они щипали.

На краю одной из больших луж остановились несколько бронотериев. Там же пара крупных черепах угощалась листьями молодых лопухов и приход гигантов никак не помешал их завтраку.

Во главе маленького стада был старый самец, наикрупнейший и наисильнейший из всех. Возле одной из самок тихо стоял ее детеныш, старавшийся напустить на себя такой же важный вид, как и его могучая мама. И в других стадах был точно такой же унылый молодняк, не умеющий радоваться ни жизни, ни своей юности.

Старый самец вылез на возвышенный берег водоема и поглядел оттуда на стадо, которое уже вовсю лакомилось сочными листьями. Вдруг вожак поднял голову и поглядел на курящийся вулкан. Хотя он уже давно наблюдал этот постоянный дым, но в последнее время его становилось все больше и больше.

Будь маленький
мозг самца хоть
немного
посообразительнее,
он бы вспомнил, что
подобное когда-то
давно уже
происходило.

Он был еще
детенышем, когда
вулкан начал
посылать в небо точно
такие же мощные
столбы дыма. Вскоре
после этого из его
недр исторглось ядовитое облако тонкого пепла, целиком покрывшего
степь.

Вожак уже забыл, как вместе с пеплом летели большие куски камня; один из них, еще достаточно горячий, так сильно ударил его по голове, что он свалился на землю будто мертвый.

Совсем не припоминал, как много луж и прудов погребла под собой жарко шипящая лава, которая несколькими потоками стекала из жерла

вулкана по его склонам в степь. Она уничтожала все, что попадалось на пути.

Если бы мозг вожака был способен к душевной деятельности, он бы должен был вспомнить и то, как сильно и тяжело он голодал после того короткого и слабого извержения. Вулканический пепел оседал на растениях и содержащиеся в нем острые частицы так разодрали детенышу пасть, что он инстинктивно предпочел голод вместо невыносимой колющей боли. И хотя сохранилось много луж и прудов с растительностью, но к ней никто не мог притронуться. Лишь третий день после извержения принес ему и остальным освобождение от голода.

В тот раз начался сильный ливень, смывший вулканический пепел с растений, которые вновь стали такими же вкусными как прежде. Конец вынужденного поста ознаменовался чуть не лопнувшим, набитым до отказа желудком.

И теперь вожак равнодушно отвернулся от курящегося вулкана и с возвышенного берега спустился к стаду, чтобы тоже попасться. Он грубо отпихнул молодого самца от того места, где, как ему казалось, росли самые лучшие листья.

Между тем недра вулкана бурлили. Глубоко в нем бесилась жуткая смесь из сотрясений, ударов, гула и громовых раскатов. Внезапно из зияющего жерла вывалилась громадная черная туча дыма, как раз в тот момент, когда после сильно содрогнувшейся земной тверди под чудовищным давлением газов и пара растрескалась старая затвердевшая лава, затыкавшая до сего дня жерло словно пробка. Длинные языки пламени разных цветов время от времени пролетали как сказочные змеи между черными облаками дыма и чада. Под землей грохотало, а атмосфера вблизи вулкана сделалась нестерпимо горячей и душной.

Постепенно воздух начал заполнять мелкий пепел, он без устали падал на землю, покрывал растения и душил их. Чем дальше, тем грубее становились выбросы, уже сыпались частицы размером с горошину или с орех. А вместе с ними нередко падали камни величиной с голову, глыбы, швыряемые ядовитыми выдохами пробудившегося вулкана на огромные расстояния. Они были еще горячими и пластичными, ведь когда исполинская сила метнула их из жерла, они еще являлись бесформенными кусками пламенной лавы. Вулканические бомбы остывали в воздухе и, вращаясь при падении, принимали подобие шарообразных, грушевидных или даже каплеобразных глыб.

Пепел сыпался и на стадо старого самца, который однажды в молодости уже пережил извержение. Животные, сбившись в кучу, с тупою преданностью глядели на своего вожака. А тот, стоя поодаль, беспомощно взирал на грозное величие разыгравшейся жуткой сцены. Уже и проточерепахи скрылись в пруду, а ему так и не пришла в голову мысль увести стадо прочь. Старик не отпускал своих стоящих под хлещущим горьким пеплом сородичей. Перепуганное стадо, всегда

послушное его воле, не двигалось с места. Бронтотерии стояли терпеливо и тихо; лишь когда большой, еще раскаленный камень врезался в стадо, то раненый им зверь заревел от боли. Из полыхающего жерла вулкана и трещин под ним изливалось несколько потоков лавы. Они стекали языками, окутанными белесым паром. Поначалу они двигались быстро и спастись от лавы можно было только бегством, но затем неторопливо поползли вперед, словно огромные сытые змеи.

Burian

Языки лавы не встречали никаких помех. Они преодолевали все препятствия на склонах вулкана, создавали причудливые огненные каскады и мощные лавопады, перетекая через выступающие скалы. Некоторые из них целиком заполнили глубокие овраги и расселины, другие же, шипя в облаках пара, спустились к подножию и мелким водоемам. Раскаленные потоки лавы, неумолимо сползая вниз, уничтожали на своем пути все живое, что не могло или не успело убежать.

Стадо бронтотериев находилось довольно далеко, чтобы какие-то из огненных змей могли ему угрожать. Но их сородичи, пасшиеся прямо у подножия вулкана, оказались в большой опасности – лавовые массы двигались там столь незаметно, что звери не могли заранее среагировать и отступить перед удушливым горячим паром.

Внезапно поднялся ветер. Он мощными порывами мчался по степи, неся тысячи клубов вулканического дыма. Над далеким горным хребтом начали собираться зловещие черные тучи. Они разрастались под напором ветра и вскоре уже бесновался весь небосвод. По его черной тьме одна за другой во всех направлениях разбегались огненные молнии, сопровождаемые оглушительными гулкими ударами грома.

Странная, удушающе-мрачная тяжесть повисла в воздухе и все живое трепетало перед разыгравшимися в жерле вулкана и в атмосфере стихиями. На землю упали крупные капли дождя, их становилось все больше и спустя время из темноты хлынули уже целые потоки воды. Но это была не чистая ливневая влага, а полная мути и грязи, ведь она смешивалась с распыленным в воздухе вулканическим пеплом и смачивала его. Мутная вода лилась на землю, где вместе с упавшим пеплом образовывала густое месиво.

Растительность, и без того уже изъеденная и задушенная выбросами вулкана, теперь была полностью уничтожена текучей грязью. С ней вместе погибло и несметное множество насекомых, для которых трава являлась и домом и укрытием. Водоемы, которыми край изобиловал до этой ужасной катастрофы, исчезли без следа, целиком заполненные вязким и густым пеплом.

Бронтотерии до сих пор тихо и испуганно стояли возле пруда, где они утром поедали мясистые листья. Внезапно старый самец пошевелился, издал резкий хриплый звук и двинулся в путь. Он шагал медленно, потому что илистая грязь необычайно мешала при ходьбе. А за ним тяжело и с трудом следовало послушное стадо.

К отходу от разбушевавшегося вулкана в глубь степи вожака подтолкнуло то, что он увидел перед собой, когда одно из небольших стад его сородичей возле подножия ударилось в паническое бегство после того, как ливень в первый раз окропил поток раскаленной лавы. Мощные струи дождевой воды мгновенно с резким шипением превратились в пар и тот большими белыми сгустками окутал лавовый

язык. Этот сильный шум вывел бронтотериев возле вулкана из состояния испуганного оцепенения и обратил животных в быстрое, безрассудное отступление. Заметив бегство сородичей, их примеру последовали и другие. Это была гонка с целью спасения жизни; некоторым стадам удалось ускользнуть, некоторые погибли целиком либо уцелела лишь часть животных.

Но полная ужаса и разрушения драма еще не закончилась.

Грязный, льющийся непрерывным мощным потоком из серых туч дождь не всасывался почвой. От этого образовались озерца темной илистой воды, наполненной вулканическим пеплом. Протекавшая по степи река с ее излучинами теперь не могла удержаться в своем русле, а ее многочисленные притоки еще сильнее ухудшили ситуацию. Поэтому она начала разливаться и, спустя недолгое время, затопила широкий край по обе свои стороны. Там, где еще ранним утром расстилалась зеленая, полная жизни степь, теперь виднелось лишь однообразная и залитая водой равнина, из которой поднимались уничтоженные кусты или небольшие группки деревьев. Они тянулись вверх как мрачные восклицательные знаки, словно подчеркивая свою ничтожность по сравнению с гневом природы.

Три дня и три ночи бушевала стихия, пока, наконец, не утихла. Кошмар главного извержения закончился в первую же ночь, но вулкан продолжал действовать. Выбросы становились постоянно слабее и слабее, ядовитый газ и пар уже не исторгались в таких количествах. В конце третьей ночи вулкан совсем успокоился. Выделявшиеся газы окрасили образованные при извержении расселины желтым слоем серы, столб дыма из разверстого жерла уменьшился. Это было признаком конца активности вулкана.

По затопленному краю пробиралось стадо бронтотериев. Старый самец, передвигаясь с трудом, шагал во главе. Он шел наобум, ведь кругом, куда ни кинь взгляд, была лишь вода, достававшая ему уже почти до брюха. А стадо послушно следовало за своим вожаком.

Их тяжелый поход длился уже день и всю ночь. Детеныш, которому вода доставала до самой мордочки, до смерти устал и проголодался.

Но не только он, все стадо страдало от голода. Огромные тела бронтотериев, гораздо больше чем у самых крупных современных носорогов, обессилели и непрерывно молили о пище. Животные были готовы забыть о каких бы то ни было свежих листьях растений возле прудов, им бы хватило и жесткой степной травы. Но ни того, ни другого поблизости не наблюдалось.

Стадо продолжало свой безутешный путь, но все медленнее и медленнее. Однако чем дальше от вулкана, тем меньше становилось воды, нашлась пара мест, где ее совсем не было. Таковыми оказались вершины небольших возвышенностей, где стадо хотя бы смогло остановиться для короткого отдыха. Но на них не нашлось и ничего

съедобного. Все было покрыто отвратительным месивом из речных наносов и вулканического пепла. На некоторых пригорках даже и не удалось отдохнуть, потому что там устроились хищные гиенодоны, а в

их близи малыши-бронтотерии никогда не были в безопасности. Твари сидели там голодные, тощие и страшно скалили свои огромные мощные зубы, когда рядом проходило жалко выглядящее стадо с маленьким обессилевшим детенышем.

На вершине одного из таких невысоких пригорков, уже далеко от вулкана, бронтотерии опять остановились на отдых. С него два молодых самца разглядели, что немного в стороне из воды поднимается верхушка куста. Он не был совсем уничтожен, ведь на нем еще держались клочки листьев, хоть и увядших. Вид этой жалкой еды, которой они бы побрезговали в другое время, возбудил у животных болезненное чувство голода и они без размышлений направились к кусту. Но как только самцы спустились на несколько шагов ниже, они вдруг увязли в мягком иле. Издав испуганный хрип, они попытались снова выбраться на твердую почву. Но чем сильнее животные дергались, тем глубже погружались в один из многочисленных прудов, заполненный теперь илистым осадком, который ничем не отличался от грязи, покрывавшей весь край.

Стадо, охваченное смертельным страхом при виде тонущих молодых самцов, вновь двинулось в путь, так и не отдохнув. А пока оно исчезало вдаль, два бронтотерия все глубже опускались в мягкую грязь, пока та полностью не приняла их в свои холодные объятия и не погребла под собой.

И вот прошел еще день и еще одна ночь. Вода уже значительно спала и в некоторых местах образовались широкие мелкие озерца. Черная грязь из вулканического пепла понемногу исчезала и сменялась коричневым природным илом разлившейся реки. Под ним уже была заметна зеленая трава – измазанная, но не уничтоженная.

Стадо прошло большую часть пути и постепенно приближалось к самой реке. Та, хоть еще и была полна воды, но удерживала ее в низких берегах и не разливалась вокруг. Несчастные животные в первый раз получили там возможность сорвать пучок травы; и хоть вся она была покрыта речной грязью, но бронотериям все равно пришлось по вкусу, потому что глинистый ил не содержал острых частиц как вулканический пепел и не раздирал внутренности голодных животных.

Как это произошло в юности вожака, так же случилось и теперь. Тихий дождик, пролившийся из остатков туч на проясняющемся небе, освежил растительность и даже смыл с небольших пригорков нагроможденный там слой ила, таким образом полностью освободив в том месте растения от грязи. Здесь оголовавшие бронотерии опять наелись и долго отдыхали.

Когда следующим утром они вновь начали пастись, то, казалось, животные уже забыли все ужасы и страдания прошедших дней. Потерявшее двух молодых самцов стадо тупо и беспечно путешествовало дальше, по новому краю, который тут же стал новым домом бронотериев. О своем прежнем, удаленном на несколько десятков километров месте обитания никто из них уже не вспоминал.

Но окажись животные там, они бы его не узнали. Вместо зеленой степи с живописными маленькими прудами и бочагами теперь была безжизненная пустыня, унылая однообразная равнина из неприглядной черной грязи, которая погребла под собой все живое.

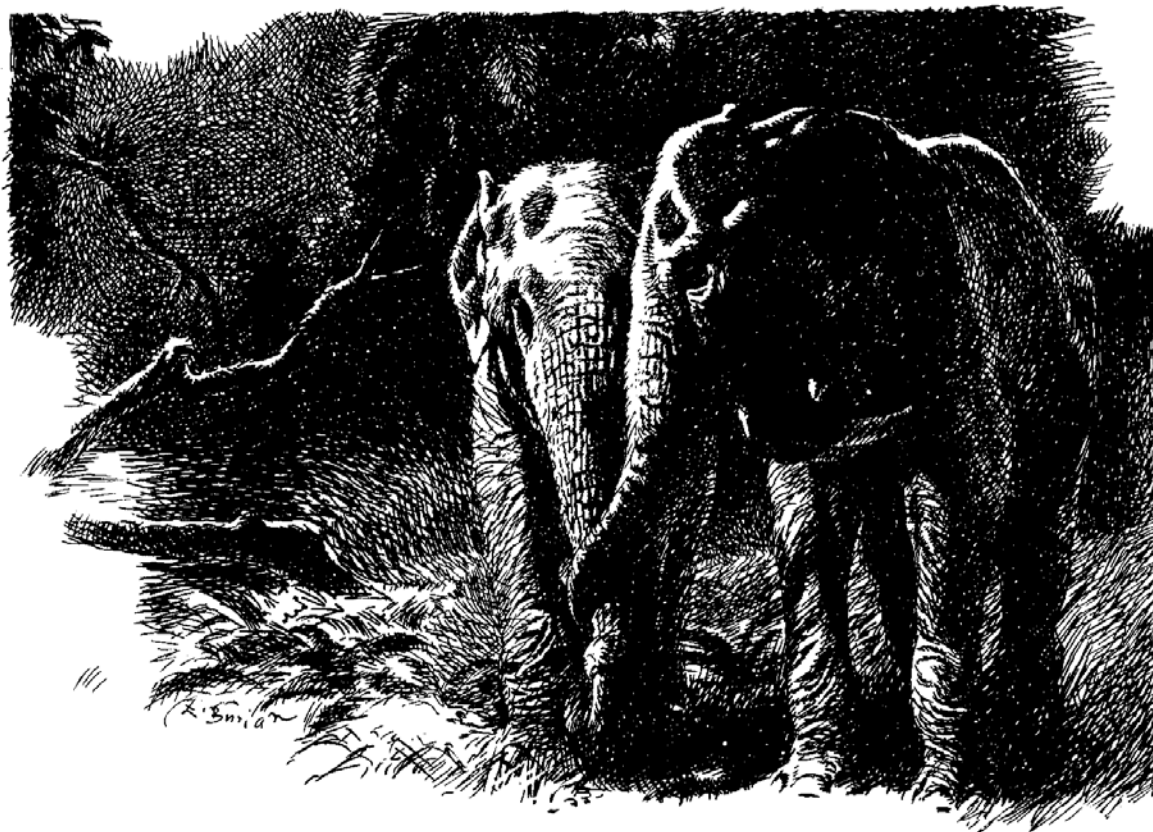
Возможно, когда детеныш из стада вырастет и во время своих странствий окажется в том краю, где он родился, то у подножия вулкана опять будет расстилаться новый ковер растительности с чистыми озерцами. Но бронотерий не узнает это место – он не сумеет вспомнить, где провел в юном возрасте одни из самых жутких часов своей жизни.

СМЕРТЕЛЬНАЯ БУРЯ

В зеленой чаще, на лоне ликующей, полной тропической красоты и солнечного света природы, малыш-дейнотерий впервые увидел мир третичного периода. Огромная мать стояла над ним, осторожно трогая длинным хоботом своего детеныша. Это был ее первенец, живое и очаровательное напоминание о первой любви, пришедшей некоторое время назад столь же внезапно как весенняя буря и бывшей такой же прекрасной и теплой как безмятежный покой лета.

Самка тогда бродила по древнему лесу, уже издалека избегая всех своих сородичей. Ей нравилось одиночество. Громадная слониха странствовала от болота к болоту, выбирая себе самые сочные листья. Умело срывала их хоботом и отправляла лакомство в большую пасть. Самка путешествовала по чаще без всякого страха. Огромное слоновье тело, великанская сила мышц и могучие, торчащие из нижней челюсти бивни являлись бесспорной гарантией защиты от нападений наикрупнейших и наикровожаднейших хищников тех времен.

Случилось так, что однажды весной слонихой незаметно и тихо овладело некое желание, не дававшее покоя и гнавшее с места на место. Она нигде не задерживалась подолгу, как будто разыскивая что-то, о чем сама не знала. И вот однажды вечером пришло понимание. Самка в своих странствиях выбралась к большому озеру, чьи берега заросли камышами, осокой и сабельником. Их бесчисленные корни укрепляли жидкий донный ил. С длинный стеблей тянулись к свету молодые побеги, заглушая рост хвощей, горца и стрелолиста. Подальше от берега

качались на воде великолепные кувшинки, которые своими большими округлыми листьями создавали на поверхности изумрудный ковер, украшенный чудесными цветами с чарующим слабым ароматом. На некоторых листьях восседали многочисленные лягушки рода палеобатрахус и в опускающихся вечерних сумерках без усталости выводили свои однообразные песни. На потемневшем небе зажглись первые сверкающие звезды, а где-то за кронами могучих дубов и ореховых деревьев появился месяц и залил серебристым светом все вокруг. И тут вдруг под огромным орехом появился дейнотерий – молодой и сильный самец, который замер, глядя на самку. Та почувствовала замешательство и хотела было скрыться за стеною лиан, висящих на краю древней чащи, словно плетеная сеть, но нечто неодолимо-сильное приковало ее к месту и влекло к молодому сородичу. А тот сделал несколько шагов навстречу и, залитый лунным светом, поднял хобот и призывно затрубил. Когда звуки его зова затихли в вечерней тишине, самец приблизился к самке, легонько обвил свой хобот вокруг ее собственного и тихо постоял. Потом важным шагом направился в чащу леса, а дрожащая самка послушно следовала за ним.

После этого они уже всегда вместе бродили по древним дебрям.

Животные долго пребывали в самых лучших отношениях и везде отдыхали рядом друг с другом. Лишь в последние дни самка предпочитала спать одна и грубо отталкивала самца, если тот пытался прислониться к ее боку. Что-то заставляло слониху делать так, а ее кавалер терпеливо сносил эту прихоть. Объяснение такому странному

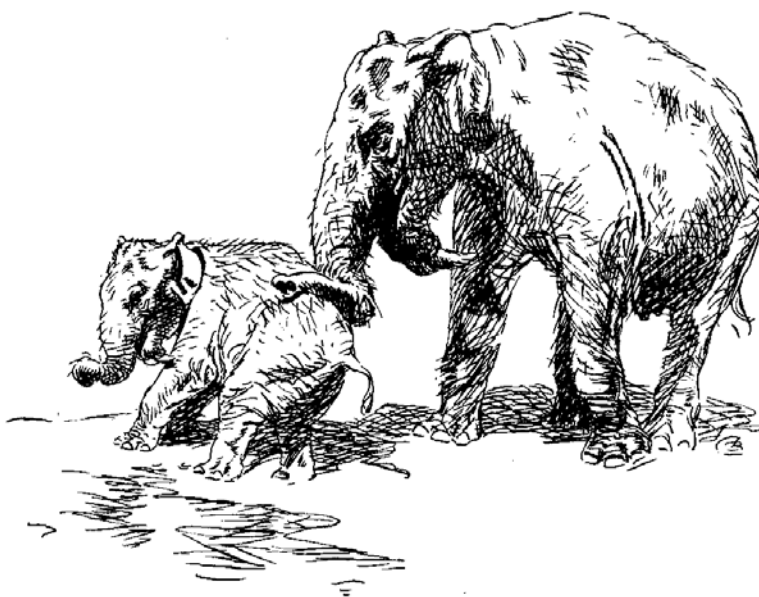
поведению нашлось одним ранним утром, когда в чаще родился ее детеныш.

Он был очаровательным, резвым и жизнелюбивым. Детеныш постоянно старался до чего-нибудь пытливым дотронуться своим маленьким хоботком, что-нибудь им сорвать лишь для того, чтобы через короткое время выбросить, ведь он был еще совсем малышом и сосал сладкое молоко своей матери, которая была для него всем. Она ласкала его, глядя длинным хоботом, играла с ним и ни на миг не спускала глаз со своего чада. Но и самец тоже охранял его безопасность. Он уже несколько раз задирает хобот и трубит, если дейнотерии в своих странствиях натываются на какую-нибудь из доисторических хищных тварей. В такие минуты маленький детеныш, напуганный сердитым трубным ревом отца, прятался под брюхом у своей огромной мамы, но не бывало еще случая, чтобы даже тогда маленькая головка не высывалась с любопытством между колонноподобных ног защитницы. Малыш выбирался из безопасного укрытия лишь тогда, когда самец снова трогался в путь, а самка ласковым урчанием заверяла, что ему уже ничто не угрожает.

Глубоко в чаще древнего леса под лучами солнца блестела гладь большого озера, его окаймляли широкие луга со свежей зеленой густой травой, усыпанной белыми, желтыми, красными и синими цветами. Бабочки с невероятными узорами и расцветками порхали над ними. Туда-то, где водная поверхность широким песчаным пляжем смыкалась с цветущим лугом, и пришли дейнотерии, чтобы попить и искупаться.

Главным образом купанию радовался детеныш, как только он перестал бояться воды. Он уже забыл, как дрожал от страха, когда пришел сюда впервые и, стоя перед отмелью, должен был войти в волнуемое озеро. Самка тогда тщетно пыталась заставить чадо идти следом за ней.

Детеныш боязливо стоял на берегу, со страхом глядя на игру волн. Тогда самка вышла из воды и начала головой подталкивать туда несмышленика. Тот всячески сопротивлялся, стараясь плаксивым писком разжалобить мать. Но самка немилосердно толкала детеныша перед

собой, как будто бы хорошо знала, что купание будет ему только на пользу и что смывать грязь – это совсем не больно. Как только маленький дейнотерий зашел в воду и первые волны плеснули ему на ножки, он рванулся в сторону, освободившись таким образом от неприятных тычков, и убежал на берег. Самка сердито забурчала, хотела вернуться за ним и тут же увидела, как испуганный детеныш неуверенно сам идет к ней. Сначала мать подумала, что драгоценному чаду угрожает какая-то опасность, но быстро успокоилась. Это были всего-навсего две большие черепахи, которые так напугали малыша во время его бегства.

Самка быстро вошла в воду и чуть отдалилась от берега. Испуганный детеныш, привыкший искать защиту лишь у матери, теперь не обращал ни на что внимания и помчался к ней. Вода взлетела брызгами, а потом тысячами капель опять упала в озеро. В считанные секунды детеныш оказался возле самки. Та отошла еще немного дальше, а малыш тихо и послушно шел следом. Потом самка остановилась, набрала в хобот воды и хорошенько облила детеныша. Приятный и освежающий душ быстро пришелся тому по вкусу, он вертелся во все стороны, лишь бы только ровный поток мог омыть все его тельце.

Так детеныш узнал, что воды не нужно бояться. Страх его совсем прошел и он начал весело резвиться. Детеныш опускал маленький хоботок под воду, хлестал им так, что брызги летели, и удивленно крутил головкой, когда набранной им воды не хватало, чтобы облить добродушную маму.

И теперь он ни в какую не желал вылезать из озера, точно так же как он поначалу не хотел заходить в него. Но самец уже ждал на берегу и самка настойчиво выталкивала детеныша. Когда это не помогло, она легонько шлепнула его хоботом. Малыш удивленно уставился на мать, а когда понял, что это было не всерьез, то послушно затопал на берег.

Но все это произошло по меркам детеныша настолько давно, что он уже ничего не помнил...

А потому весело забежал в воду и сразу же начал игриво возиться. Детеныш давно научился брызгаться из хобота да еще и был так увлечен этим своим умением, что уже не знал, когда надо остановиться. С самки вода лилась ручьями, даже самцу тоже досталось. Маленький дейнотерий знал, что с ним нельзя так шутить как с мамой. Когда ему надоело брызгаться, он начал бегать по мелкой воде, полный радости оттого, как она разлетается высоко и во все стороны. Самка, глядя на все это, умилялась живости детеныша и тому, как он растет и набирается сил.

И повод для радости у нее имелся. Это уже не был тот маленький, нескладный малыш, что с тревогой прижимался к матери. Самка теперь была ему не только защитницей, но и заботливой наставницей. Она обучала его, как лучше и легче всего срывать хоботком аппетитную свежую листву или же зеленые веточки, как потом все это правильно положить в рот, учила различать съедобные, хорошие растения и

избегать едких или ядовитых листьев, хоть те и выглядели дразняще. Показывала ему, где нужно искать хорошую и сытную пищу, как нужно избегать при этом предательские торфяники и болота – ведь, угодив в них, выбраться уже невозможно. И в первую очередь требовала от него послушания, ведь оно является основой успеха любого обучения.

С послушанием у детеныша поначалу было хуже всего. Но болезненный опыт, который он получил, не подчинившись матери при обучении узнаванию несъедобных растений, образумил его.

Это было в один из дней, когда из светлого леса столетних буков и дубов семейство вышло в мокрый и печальный сумрак в самой глубине первобытной чащи. Они проходили мимо огромных деревьев, чьи корявые стволы, за столетия выросшие до невероятных размеров, были увешаны плетями бесчисленных лиан, которые неукротимо и цепко карабкались по ним ввысь, скользили по ветвям и забирались в кроны, чтобы в море тепла и света наверху выпустить великолепные соцветия блестящих оттенков с чарующим запахом. На покрытых мхом сучьях развевались подобно зеленым шлейфам длинные, языкообразные пучки папоротников, а между ними упавшими звездами светились цветы красавиц-орхидей.

Внизу, на земле, на темных слоях из разлагающихся листьев и древесины разрастались огромные ковры зеленого мха, заросли хвощей и папоротников, некоторые из которых лезли на стволы и с жадностью устремлялись вверх. Изредка можно было увидеть пучки необычных крупных листьев, выглядящих столь заманчиво, что они как будто просили их сорвать. Но самец и самка оставляли их без внимания. Однако когда детеныш не смог преодолеть тяги к этим листьям и уже собирался сорвать один пучок, чтобы посмаковать ими, самка предупреждающе заурчала, оттолкнула его в сторону и растоптала растения ногами. Молодой дейнотерий ошеломленно глядел на мать, но та снова безмятежно продолжила путь. Тогда он засеменил следом, не ведая о том, что это были листья каких-то несъедобных, а то и ядовитых растений, которые мать не дала ему попробовать и которые выглядели так аппетитно. Поведение самки следовало рассматривать как предупреждение.

И все-таки, стоило им чуть отойти, как детеныш еще раз попытался клюнуть на приманку. Его мать, будто почуяв что-то неладное, обернулась как раз в тот момент, когда он уже почти сорвал листья. Увидев, что задумал детеныш, самка тут же вернулась, но не достаточно быстро для того, чтобы помешать ему поспешно засунуть один из листьев себе в рот. Разозленная самка затоптала растения, превратив их в бесформенную зеленую кашу, а потом отшлепала хоботом непослушное чадо. Это была первая взбучка, которую детеныш получил от своей добросердечной матери.

Но гораздо хуже наказания оказались судороги, которые спустя некоторое время охватили его внутренности. Детеныш дико метался, жалобно стонал и из-за действия яда становился все слабее. Самка беспомощно стояла над стонущим чадом, а самец неистово трубил, в бессильной ярости ломал ветви деревьев и рвал в клочья зеленые кусты. Лишь спустя несколько часов детеныш успокоился, когда перестала действовать небольшая доза отравы из листа сильно ядовитого растения.

Рано утром, когда солнце вновь поднялось над горизонтом, его золотые лучи отыскивали детеныша уже на цветочном лугу возле маленького ручейка, где тот пил и пил без остановки. Самец и самка стояли рядом и тихо кивали огромными головами. Когда детеныш как следует напился, утолив острое чувство жажды, семейство направилось к болоту неподалеку, где из влажной почвы поднимались растения с сочнеешими и сладкими листьями. Но детеныш, словно не замечая их, проходил мимо, точно так же он не обратил внимания на аппетитные листья кустов в зарослях, куда они зашли позже.

Лишь ближе к вечеру он сорвал несколько побегов, чтобы утолить голод и унять колики в пустом кишечнике. Во всяком случае, детеныш хорошо запомнил это болезненное приключение и с той поры беспрекословно подчинялся матери.

Но и самец кое-чему его обучал. Детеныш уже не стал прятаться за самку, когда во время своих странствий по дебрям семейство наткнулось на хищного амфициона, огромную собакоподобную тварь. Он стоял с поднятым хоботком возле рассерженного отца до тех пор, пока зверь не убрался в заросли. Обучаясь тому, как надо отгонять хищников, маленький дейнотерий одновременно научился умерщвлять разных опасных созданий, например, змей.

Этот случилось, когда бродящие по первобытному лесу дейнотерии вышли из темно-зеленой лавровой рощи на светлую поляну. Там протекал небольшой ручей, к нему-то они и направились, по пути неожиданно наткнувшись на большого протопитона, гревшегося на

стволе поваленного ореха. Испуганная змея, не успевшая ускользнуть, подняла голову. Из шипящей пасти выстреливал тонкий и длинный раздвоенный язык.

Самец, свирепо глядя на питона, схватил его хоботом и тот, прежде чем успел опомниться, уже взлетел выше древесных крон, а затем рухнул вниз, как отломленный бурей сук. Как только змея глухо ударилась о землю, дейнотерий принялся в ярости давить и топтать ее. Когда раздробленное тело питона содрогнулось в последних смертельных конвульсиях, самец воздел хобот и зычно затрубил.

Детеныш, который вначале лишь со страхом наблюдал за схваткой, вдруг подскочил к останкам змеиного тела и начал сердито топтать ножками конец хвоста, который все еще извивался. Когда хвост перестал шевелиться, он смешно задрал хоботок и впервые издал горлом слабенький крик. Так в нем пробудилась ненависть к змеям, которых дейнотерии уничтожали везде и всюду, хотя даже самые громадные питоны были не страшны древним слонам. С тех пор детеныш, заметив где-нибудь небольшую змейку, давил ее, а потом тоненько трубил, сообщая всей первобытной чаше о своем боевом успехе.

Но юный дейнотерий не всегда бывал столь отважным. Однажды, когда семейство пришло пастись к листовенному леску рядом с болотом, детеныш отбежал к маленькой чаще низкорослых пальм. Его туда привлекали большие листья лопухов, которыми он всегда с удовольствием угощался. Едва за детенышем сомкнулась зеленая стена веероподобных пальмовых листьев, как тотчас же раздался отчаянный крик и он испуганно выскочил из зарослей. Вопли и треск ломаемых растений дали знать самке, что с ее чадом что-то случилось. Она поспешила к нему и тут вдруг заметила, как с другой стороны зарослей к болоту мчится предпочитающий одиночество прототапир – он тоже поедал там сочные лопухи и внезапное появление детеныша точно также напугало зверя, как малыша – встреча с ним.

Самые радостные и самые веселые минуты своей жизни детеныш-дейнотерий проводил в мелкой воде широкой излучины реки, протекающей через всю чащу.

Когда бы слоновье семейство не оказывалось в этом месте, тут постоянно кипела жизнь.

Посреди реки после обильной трапезы в густых прибрежных зарослях отдыхали несколько протобегемотов. В иле валялись крупные кабаны-листриодонты, чьи непривлекательные тела покрывала грубая щетина. Это были злые и неуживчивые звери; их налитые кровью глаза и большие мощные клыки отпугивали всех прочих животных. Здесь же находились и небольшие хоэритерии – тоже из свиного племени, взрослые особи которых достигали всего лишь размера современного поросенка. Неприятными визитерами были и носороги ацератерии, чьи могучие головы не имели рогов; опасность в основном представляли старые самцы-одиночки, которые нападали внезапно и безо всякой причины.

На песке грелись разные черепахи и большие безобразные диплоидоноты – панцирные крокодилы с огромными пастями, полными острых конусообразных зубов. С верхушек коричневых лавров, усыпанных мелкими белыми цветами, из миртовых и олеандровых кустов раздавалось веселое птичье щебетание. На ветвях старых ив, склонивших свои кроны над самой речной гладью, неподвижно сидели крупные зимородки, сверкавшие своим оперением в свете солнца как самоцветы редкостной красоты. Птицы терпеливо поджидали одну из тех рыбок, что во множестве проносились в воде под ними.

В камышах водилось множество самых разнообразных водных птиц, особой красотой отличались белые лебеди. К вечеру сюда приходило и небольшое стадо палеомериксов, первых оленей, чьи головы еще не украшали рога, а также дикроцеросов – у их самцов уже имелись вильчатые рожки, которые, однако, они никогда не сбрасывали. Это были красивые нежные животные со стройными телами и длинными тонкими ногами.

Но вечерами здесь становилось небезопасно, ведь в сумерках выходили в свои разбойничьи походы многочисленные древние хищники, которые огромными прыжками настигали ничего не подозревающих жертв.

Сегодня, как всегда, на излучине реки царил оживление. Уже издали детеныш смог разглядеть плещущихся в мелкой прибрежной воде нескольких малышей своего вида и потому быстро и весело поспешил к ним. Пока он резвился с остальными, самец с самкой тоже зашли в воду и присоединились к другим дейнотериям.

Возле гигантских хоботных купалось небольшое стадо мастодонтов, они тоже были древними родственниками слонов, но имели четыре бивня, косо торчащих из челюстей. Животные обливали себя водой, чтобы смыть с грубой кожи своих тел всякую грязь и пыль. Они были всецело увлечены изумительным процессом купания, не обращая никакого внимания на своих более крупных родичей.

А детеныши-дейнотерии между тем весело играли друг с другом. Резвясь, они понемногу приближались к мастодонтам, но тем до них не было дела. Только лишь тогда, когда детеныши взбаламутили воду, могучие звери угрожающе заворчали и один из них, который стоял ближе всех, легонько ткнул одного малыша длинным бивнем. Тот взвизгнул – скорее от испуга, чем от боли.

Мать пострадавшего детеныша угрожающе подняла хобот, готовая в любой момент перейти к нападению. К ней присоединились и остальные дейнотерии. Но мастодонты не испугались и приготовились постоять за себя. Два ряда огромных тел в течение нескольких минут были готовы столкнуться друг с другом с полной силой. Но до сражения так и не дошло – раздражение угасло так же быстро, как и вспыхнуло. Спустя время оба стада древних хоботных снова увлеченно освежались,

а вскоре мастодонты вышли из воды и исчезли в чаще. Следом за ними понемногу расходились и дейнотерии в поисках какой-нибудь пищи.

Горячий солнечный диск уже давно миновал наивысшую точку своего ежедневного пути, когда самец с самкой вылезли из воды и вместе с детенышем тронулись в обратный путь. Они вошли в укрытую тенями чащу и шагали по маленькой долине. Там протекал ручей, окруженный по обеим сторонам пышными веерообразными папоротниками и потрескивающими высокими хвощами. Впереди шагал самец, следом – самка, а за ней детеныш. Он шел совсем спокойно и тихо, потому что немножко устал после веселых игр в воде.

Между тем как дейнотерии продолжали свой поход по узкой тропинке в глубь леса, чистую синеву неба вдруг затянуло белоснежными облаками. Они неподвижно застыли, а их дальние края меняли серебристый цвет на мрачный темно-серый. Сильный ветерок, который начал трепать кроны деревьев, привел облака в движение и закрыл ими лучезарное солнце. Он постоянно крепчал и усиливался, пока не превратился в вихрь. Тот разорвал облака на тысячи клочков и пригнал над краем горизонта огромные массы темных туч, они быстро распространились по небу, которое становилось все более серым и наконец почернело. А с темными, все сильнее и сильнее громогроздящимися тучами убывал и дневной свет. Глубокие тени залегли в уголках леса и какое-то тяжелое уныние опускалось на землю с мрачных небес...

Сильный вихрь с такой неистовой силой трепал древесные кроны, что они застонали под его диким напором. Порывы становились все сокрушительнее, ветви трескались и ломались с ужасным хрустом, падали на землю, шелестя изодранной листвой.

Внезапно с другой стороны горизонта появилась громадная туча. Черная и грозная, она быстро выросла до ужасающих размеров. Когда тучи с обеих сторон столкнулись, темное небо пересекла длинная изломанная молния и новые шквалистые вихри обрушились на первобытный лес. Они рвали кроны столетних деревьев, расщепляли сучья и в проблесках молний выли и бушевали по всей чаще.

На крутом склоне оврага росла могучая ель. Она была свидетелем давних времен и пережила уже множество бурь. Но ураган такой силы еще никогда не пролетал над ее острой верхушкой. Ель всегда стояла ровно как свеча и господствовала со своей вышиной и мощью над всей округой. Теперь же под ужасным напором дикого ветра ее сгибало дугой, бросало вперед и где-то внизу, у корней, несколько раз слышался странный треск.

А небо все темнело и молнии мелькали одна за другой.

Дейнотерии шагали дальше по узкой тропе через маленькую долину. Они уже достигли того места, где дорога терялась в джунглевых зарослях; к ним торопился самец, он хотел там с подругой и детенышем переждать злую бурю. Когда они уже миновали ель, стихия обрушилась

на нее с такой сокрушительной силой, что в корнях дерева раздался страшный хруст. Ветер вдруг закружился воронкой и со зловещим свистом вырвал ее с корнем. Тяжелый ствол при падении зацепил детеныша и так сильно прижал его к небольшому скальному выступу, что тот весь оцепенел и жизни в нем почти не осталось.

Самка, испуганная громовым ударом вывороченного дерева, остановилась, а когда повернулась, то с ужасом увидела, что ее детеныш лежит под тяжелым стволом. Она быстро побежала к нему, чтобы помочь. Упершись в могучий ствол, она изо всех старалась убрать его с детеныша. Но все было напрасно. Для самки с ее огромной силой, невероятно увеличенной материнской заботой, ствол оказался все равно слишком тяжелым. Не хватило даже мощи самца, который усиленно ей помогал.

Детеныш тихонько стонал. Помутневшие глаза перебежали с места на место, будто бы что-то выискивая. Внезапно они остановились, а пристальный долгий взгляд нашел его добрую маму. Маленькие глазки, полные покорности и печали, будто бы на несколько мгновений прояснились. А потом остекленели и по телу несколько раз пробежали предсмертные судороги – это был конец его жизни.

Самка в растерянности стояла над погибшим детенышем. Ходила вокруг, нежно касалась его большой головой и много раз ободряюще повизгивала. Но тот лежал без движения и его конечности понемногу оцепенели. Самка несколько раз пыталась приподнять маленький хоботок, но он все время бессильно падал на землю. Только тогда она осознала гибель своего чада, подняла вверх хобот и в вой ветра вплеся жалобный трубный крик.

Самец, подойдя к мертвому детенышу и обнюхав его, впал в бешенство и так сильно полосовал бивнями ствол вывороченного дерева, что от него отлетали щепки...

Когда приступ беспомощной ярости миновал, дейнотерий повернулся и, покивав большой головой, быстро зашагал вперед по узкой тропинке. За ним отправилась и самка. Но прежде чем войти в джунгли, где уже исчез самец, еще раз обернулась, затрубила и какое-то время вслушивалась. Но в ответ прозвучало лишь завывание ветра. И тогда зеленые заросли сомкнулись за ней.

Из черных туч упали первые крупные капли. Они слились в бурные потоки воды, которые размывали почву и сносили ее со склонов на дно оврага.

Сильный ливень продолжался всю ночь...

Когда ранним утром солнце опять залило золотыми лучами весь край вместе с оврагом, тело несчастного маленького дейнотерия было целиком покрыто глиной, которую с большого выворотня намыло дождем.

На спутавшиеся обломанные ветки села одинокая птица. Несколько раз подскочив, она послала грустную песню розовому утру. Та звучала печально, без звонких трелей и мелодий. А когда птица допела, то тихо взлетела и скрылась в зеленом море первобытного леса.

ПЫЛАЮЩАЯ СТЕПЬ

Глубокая тьма и тишина ночи заполняли древнюю чашу, покрывавшую склоны низкого горного хребта в эпоху верхнего плиоцена третичного периода.

В кронах могучих деревьев не шевелился ни один листочек, ведь легкий ветерок, шелестевший вчера сладкую колыбельную всему горному лесу, уже давно утих. Лишь тысячи ясных звезд сверкали на темном небе, которое со всех сторон сливалось с тьмой на земной поверхности.

Понемногу где-то на востоке начало светать. Узкая беловатая полоска в той стороне окрасилась золотом и вскоре весь горизонт запылал ало-золотой зарей.

Первые лучи-стрелы восходящего солнца разбудили певчую птицу, спящую в ветвях огромного платана. Та встрепенулась и из ее горлышка полились звонкие трели, которые несколько раз повторились и вместе с другими мотивами соединились в радостную песню, встречавшую розовеющее утро.

Это простенькое птичье песнопение разбудило весь первобытный лес.

Со склонов гор в широкую степную даль сбегал ручеек. Он как серебряная нитка извивался в зеленой чаще, чистая прозрачная вода весело плескала тысячами маленьких волн с камня на камень, тихое журчание раздавалось вокруг потока. Когда ручей с веселой суетливостью сбегал со скальных склонов к подножию гор, то продолжал

виться травянистой и кустистой степью, простирающуюся далеко за хребтом. Он спешил к морю, которое в те времена своими волнами омывало на своем берегу равнины, ныне исчезнувшие и превратившиеся в россыпь островов и островков.

Русло ручья в степи углублялось. Один его берег был на большом расстоянии окантован высокими беспорядочными скалами, которые словно мощный каменный забор отражались в потоке. Во времена, когда над всем краем подолгу синело небо без единой тучки и когда солнечные жаркие лучи высушивали каждую лужицу, по руслу текло мало воды. Но когда горы хлестали сильные ливни, мирный поток превращался в дикую стремнину. Узкое русло еле-еле удерживало воду, замутненную красной глиной, которую дождь в огромных количествах смывал в ручей со склонов и со скальных известняковых плато. Когда сумрачные небеса переставали поливать землю, иссякало и буйство потока, а в его излучинах на мелях начинал откладываться красный осадок. По прошествии времени вода спадала настолько, что бурная стремнина вновь становилась спокойно текущим ручьем.

Из лиственной поросли на склоне горы вышел самец косули рода капреолус в сопровождении нескольких самок. Осторожно принялся и лишь после этого все вместе отправились на водопой к маленькому пруду.

Но лишь только косули склонили свои красивые головы к поверхности, как их прервал непонятный треск, раздавшийся из зарослей неподалеку.

Самец поднял голову и настороженно прислушался.

Сквозь чащу пробирался дейнотерий. Это был огромный престарелый самец, он тихим и степенным шагом медленно шел вперед. Шествие сопровождалось шумом и треском кустов, которые дейнотерий топтал и ломал гигантским весом своего сильного тела. Иногда он срывал ветку, вкладывал ее хоботом в рот и быстро обкусывал зеленые листья, отбрасывая оголенный прут далеко в сторону. Он тоже направлялся к пруду, где собирался напиться и искупаться.

Когда дейнотерий вышел из чащи, самец-косуля и самки бросились наутек. Они пробежали светлой буковой рощей и остановились на берегу другого пруда – их было великое множество вокруг горного хребта. Убедившись, что им не

грозит никакая опасность, косули склонили головы и долгими глотками пили чистую воду.

Однако вид утоляющих жажду оленей отражался не только в зеркале пруда, но и в диких глазах хищника симоциона, похожего сразу и на собаку и на медведя. Он скорчился за толстым стволом вывернутого бука, жадно поглядывая на пьющее стадо.

Симоцион поселился в буковой роще лишь недавно. Во время своих блужданий по горным отрогам он отыскал здесь ствол поваленного дерева. В его корнях зверь устроил себе берлогу и из нее выходил на охоту. Жилось ему здесь хорошо. Близость пруда избавила хищника от долгих поисков добычи, ведь жажда всегда приводила сюда достаточно зверья, на которое оставалось лишь напасть исподтишка.

Симоцион приблизился осторожными и тихими шагами к ничего не подозревающему стаду. Он походил на шакала, но только гораздо большего размера и обладал неуклюжими конечностями. Хищник жаждал теплой крови, свежего мяса, близость добычи усилила его кровожадность сверх всякой меры.

Когда он подобрался достаточно близко, то замер и, скрытый низкими кустами, лежал тихо, прижавшись к земле. Полными плотоядного ожидания глазами зверь взирал на капреолуса и его косуль.

А те, напившись вдоволь, собирались уходить – спокойно шли по дорожке, давно протоптанной тут разным зверьем. Симоцион хорошо ее знал, а потому караулил за кустом. Гнаться за добычей и бросаться на нее большим и ловким прыжком он не умел – был для этого слишком неуклюж. Но у хищника хорошо получалось нападать из засады на проходящих мимо животных, потому он терпеливо ждал.

Вот так он и поймал одну из косуль, проходившую ближе всех – повалил ее на землю ударом лапы и сильными челюстями разорвал добыче горло.

Предсмертный крик самки перепугал стадо, которое диким галопом умчалось в чащу. Симоцион жаднолизнул теплую кровь, но когда он уже собирался разодрать тело несчастной косули, то услышал за спиной зловещее рычание. Мгновенно обернувшись, зверь оказался нос к носу с самыми крупными плотоядными в лесах горного хребта – напротив стояла парочка гиеноарктосов. Они жаждали мяса, потому что несколько дней были вынуждены заглушать голод разными плодами. Эти предки настоящих медведей не брезговали растительной пищей, поскольку не были исключительно плотоядными, но вид мертвой косули и запах крови пробудили в них хищнические инстинкты.

С раскрытыми пастьями и с поблескивающими белыми огромными клыками они приблизились к добыче симоциона, который потихоньку отступал в бессильном бешенстве. Хотя его глаза и блестели дикой, безграничной ненавистью, но по всему телу пробегала сильная дрожь, вызванная как желанием напасть, так и страхом из-за неизбежного поражения.

Между тем гиеноарктосы подошли к мертвой косуле и жадно набросились на нее, рвали плоть и глотали ее, утоляя голод. Крепкими зубами они дробили кости и треск этот дразнил симоциона, который спрятался поодаль в зарослях и напряженно наблюдал за пирующими пришельцами.

Когда наевшиеся гиеноарктосы ушли, он выскочил из кустов и с алчностью кинулся на остатки своей добычи. Жадно и быстро зверь глотал куски мяса вместе с кожей, обгрызал кости и, наконец, с голоду проглотил даже тугие сухожилия. Временами из горла симоциона вырывалось глухое ворчание, в нем звучало не только удовлетворение от пищи, но и гнев на гиеноарктосов. Когда от бедной косули уже не осталось ничего, что можно было бы обглодать, он отошел и направился к потоку, протекавшему недалеко от заболоченных подножий гор и спешащему в степь. Дойдя до него, симоцион сбежал по низкому берегу к воде, опустил в нее свою морду и с нетерпением пил. Потом он выскочил на невысокий пригорок и поглядел на широкую, казавшуюся бескрайней

степь. Многочисленные кустарники и местами возвышающиеся деревья с широкими плоскими кронами купались в море солнечных лучей, а травы понемногу желтели из-за летнего зноя.

Далеко в степи, в тени низких кустистых мимоз, чьи кроны выглядели словно зонтики, отдыхало стадо небольших, пурпурно-коричневых газелей с короткими рогами вида *Gazela brevicornis*. Они укрылись здесь от жарких лучей полуденного солнца, окутавшего все вокруг знойным маревом. Животные мирно лежали и жевали. Только одна из газелей стояла поодаль, но каждую минуту поднимала нежную голову, блестящими глазами оглядывала всю округу. Не заметив ничего подозрительного, охранница стада паслась дальше.

Внезапно по степи разнесся глухой топот. Стражница-газель быстро подняла голову и увидела убегающее стадо маленьких трагоцеров, антилоп с сильными уплощенными рогами и белыми полосами на светло-коричневом теле. Животные очень ловко прыгали на бегу, легко перескакивали попадавшиеся низкие кусты и даже временами друг через друга, когда их быстрые пути пересекались. Но это не был бестолковый бег перепуганного стада – нет, он был хотя и легким, но быстрым, перемежаемым забавными прыжками созданий, с которыми в скорости мог тягаться лишь ветер.

Скачущие трогоцеры напугали отдыхавших газелей. В один миг те вскочили на ноги и быстро удрали. Вскоре оба стада исчезли где-то между кустами в обширной степи. Лишь после этого в высокой траве появилось пятнистое тело леопарда, бешено хлещущего длинным хвостом из-за своей неудачи на охоте.

Вдоль берега ручья по степям странствовали поодиночке или парами полорогие родов палеореас, протрагелофус и геликофора. Это

были красивые стройные антилопы с изящными головами и тонкими нежными мордами; они обкусывали мягкие листья, почки и побеги, срывая их длинными и весьма гибкими языками. Буро-черная шерсть образовывала вдоль всего хребта низкую гриву, которая в задней части тела с поперечными полосами переходила в широкий и относительно длинный хвост.

Животные зорко оглядывали своими большими красивыми глазами всю округу – не грозит ли им опасность. А если их о ней не предупреждало зрение, то это делали закругленные на концах ушные раковины. От хищников древние антилопы убегали длинными прыжками, петляя по зарослям, перескакивая кусты и овражки; стремились скрыться высокими, несколько неуклюжими скачками с поднятым при этом вверх хвостами.

Украшением степи были прекрасные палеориксы – большие, ныне уже вымершие лошадиные антилопы. Их морды покрывала шерсть, а на голове красовались длинные прямые рога. На шее и теле они имели большую гриву, а хвост заканчивался кисточкой длинных волос. Они путешествовали по степи маленькими стадами. Старые самцы имели буро-черный окрас с белыми полосами над глазами, самки были орехового цвета.

В одном из стад весело скакал резвый детеныш. Яркая красно-коричневая расцветка шерсти на его теле зрительно отличалась от окраса взрослых палеориксов и от зеленого кустика, который он с любопытством разглядывал. Детеныш нежными губами срывал листья, жевал их и шустро прыгал с места на место, словно хотел выбрать самые наивкуснейшие из них. Вдруг он заметил над головою побеги со свежей и молодой листвой. Детеныш не смог до нее достать, встал на задние ножки и когда целая горсть лакомства оказалась во рту, его передние копытца с силой ударились о землю, возле края неглубокой норы, так что от него оторвался кусок размокшей глины.

В ту же минуту под землей раздалось странное шуршание. Детеныш испуганно отскочил и прежде чем успел опомниться, из норы вылез напуганный дикобраз *Hystrix primigenius*. Он принял грозный вид и гремел длинными иглами. Испуганный появлением странного существа детеныш ошалело пискнул и мелкими прыжками помчался к

своей матери, пасшейся неподалеку. Та, услышав его, подняла голову, чтобы разузнать причину переполоха. Но тут же снова начала мирно пастись, когда увидела, что это всего лишь безобидный дикобраз, чей сон нарушил ее детеныш. А он прижался к своей маме и ни на минуту не отваживался отойти от нее.

Стадо палеориксов спокойно паслось чуть подалеже. Антилопы обходили кустарники, срывали с них зеленые листья или целые молодые побеги, которые с аппетитом поедали. Неожиданно ведущая стадо самка направилась в тень группы высоких деревьев. Но прежде чем животные добрались до них, оттуда вышло несколько палеотрагусов – это были древние жирафы с большими, торчащими далеко впереди над глазами рогами, которые сзади были слегка загнуты и заострены. Эти звери направлялись к группе кустов неподалеку, возле которых паслось большое стадо антилоп трагоцерусов. Палеотрагусы с удовольствием присоединились к их компании и спустя время уже тоже беззаботно щипали вкусные листья в кронах древовидных акаций.

Через густые и обширные заросли, протянувшиеся в одном месте лиственного леса вширь и вдаль по берегам ручья, пробирались несколько удивительных животных. Это были элладотерии, также из рода вымерших древних жирафов, которые очень походили на

современных окапи. Их короткие шеи венчали головы без рожек.

Позади всех медленно и тяжело шел дряхлый самец. Временами он останавливался, равнодушно оглядывался и снова продолжал путь. Его сородичи исчезли в зелени кустов и деревьев, он же еле-еле брел один по зарослям, в тишине и уединении. Вдруг старый элладотерий упал. Полежав так немного, он с трудом встал на ноги и тяжело зашагал вперед. Но через несколько шагов снова упал – и уже не смог подняться.

Старый самец тихо лежал в зеленой траве и понемногу соскальзывал в предсмертное забытие. Мутные глаза безо всякого интереса перемещали взгляд с места на место, а когда элладотерий закрыл их, то все, что было вокруг, в один миг исчезло из его угасающего сознания.

Солнце постепенно садилось, мгла вечерних сумерек тихо спускалась на весь край. На запада зарделась заря и последние лучи солнца затрепетали на волнах ручья, который спешил к далекому морю мимо извилистых стен высоких скалистых берегов.

В одном месте не было скал и там степь пологим травянистым склоном спускалась к самой воде. Здесь вечерами становилось весьма оживленно, ведь даже издали звери приходили сюда утолить жажду. Конечно, место было небезопасным, потому что водопой навещали и разные хищники, нападавшие из засады на беспечных жертв.

Случалось это в основном в пору летней продолжительной жары, иссушающей весь край. Листья кустов увядали, а стебли бесчисленных трав желтели, жухли и наконец полностью высыхали, спаленные солнцем до самых корней.

Рассветающее над степью утро без росы через несколько долгих часов переходило в адское пекло дня без единого облачка на лазурном небе и над пылящей, покрытой большими трещинами почвой пылало солнце, наполняя воздух нестерпимым жаром. В такое время водопой был неопишуемым благом для измученных жаждой животных.

Уже долгое время стояла только такая погода, когда солнечные лучи изливали на степь с ее кустарниками весь свой жар. Звери, изнывая от жажды, каждый вечер посещали место водопоя, чтобы освежиться возле прохладного потока.

Так все и шло до сегодняшнего вечера.

Далеко в степи поднялось облачко пыли. Оно росло с каждой минутой и в его передней части уже можно было распознать стадо гиппарионов – трехпалых лошадок, скачущих к воде. Впереди бежал красивый могучий жеребец с пышной развевающейся гривой, а за своим ловким, осторожным и искушенным вожаком неслись остальные. Лишь одна молодая кобылка чуть отставала, хотя страх неустанно гнал ее вперед.

У водопоя было не протолкнуться. Сюда пришли стада газелей, антилоп и несколько медленно движущихся протожирафов-элладотериев. У берега в мелкой воде купалась пара семейств больших древних свиней рода сусеримантиус.

За резвыми скачками газелей и антилоп со стороны наблюдал своими зловещими глазами раздражительный и сердитый протоносорог ателодус с двумя грозно торчащими на непривлекательного вида голове рогами. Зверь злобно зафыркал, увидев, что стадо лошадок направляется именно к тому месту, которое он выбрал себе для водопоя. Но опытный

жеребец заметил его, а потому развернул табун туда, где, поскакивая, утоляли жажду газели и антилопы.

И все же носорогу не дали спокойно напиться. Из зарослей появились несколько огромных мастодонтов и без долгих размышлений направились к воде прямо по соседству с раздраженным ателодусом. Когда они утоляли жажду, то набирали воду в свои длинные хоботы, брызгали ей на себя и вокруг, а маленькие детеныши еще и начали дурашливо резвиться.

Сердитый носорог, чувствуя силу этих зверей, не хотел устраивать драку с ними и счел за лучшее поискать себе другое, более спокойное место.

Из густых зарослей, окаймляющих отвесный берег ручья за водоемом, подкрадывалась крупная хищная тварь. Мощное тело прижималось к земле, зверь перемещался тихими и осторожными шагами. Его кинжалоподобные клыки торчали из пасти словно короткие загнутые сабли.

Неожиданно остановившись, хищник несколько раз дернул своим коротким хвостом – его насторожил некий шорох. Он внимательно вслушался, а когда шум повторился снова, быстро побежал вперед и с возвышающейся скалы увидел, как разозленный ателодус раздирает кусты, вымещая на них свою злость.

Хищник собирался отступить, ведь он всегда избегал старых и рассерженных носорогов. Но понял, что тот его не видит и даже не почуял, потому что тихий ветерок дул от ручья в сторону широкой степи.

Когда ателодус удалился, оставив после себя широкую борозду изломанных и растоптанных кустов, хищник тихо соскочил со скалы и чуть погодя оказался на краю зарослей у водоема.

Там все еще было по-прежнему оживленно и весело. Приходили другие стада – утолить жажду после знойного дня.

Несколько маленьких гиппарионов буйно скакали и гарцевали. Пускались вскачь и внезапно опять останавливались, будто разом окаменев; но это длилось всего пару мгновений, а потом они вновь летели наперегонки с ветром вдоль окраины зарослей. И тут вдруг последний из них испуганно заржал, встал на дыбы и мгновенно как подкошенный рухнул на землю. Огромным прыжком на него из переплетения ветвей выскочил могучий хищник и вонзил саблевидные клыки коньку в шею. Большой вес крупной и тяжелой твари тянул гиппариона к земле, а когда он упал, зверь разодрал ему брюхо.

Внезапное и неожиданное нападение застало врасплох всех остальных животных. Но их оцепенение длилось лишь долю секунды; тут же все пустилось наутек и в мгновение ока водоем опустел. Лишь огромные мастодонты с поднятыми хоботами и задранными бивнями выжидали, что будет происходить дальше. Они хорошо знали древнего хищника – хитрого и коварного махайрода, близкого родича смилодона.

Понимали, что хотя он побоится напасть на них самих, но жизни детенышей находились в опасности.

Но махайрод не обращал на них внимания. Он вытаскивал внутренности убитого конька и жадно пожирал их. Временами хищник злобно рычал, когда трусливые протогиены слишком близко подходили к месту его пиршества.

Прошло некоторое время, прежде чем махайрод утолил свой первый голод. Затем он напился, а остатки конька уволок в заросли, где продолжал пировать. Так что мерзким протогиенам досталось лишь то, что было не по вкусу хищнику. Те дрались между собой за остатки мяса, кожу и кости и своим злобным завыванием нарушали тишину завладевшей всем краем ночи.

Пока махайрод отдыхал в зарослях, а протогиены цапались друг с другом над остатками его добычи у водопоя, сквозь чащу возле берега ручья пробиралась стая гиениктисов – удивительных хищников: полу-гиен, полу-виверр. Они высматривали мелких позвоночных или падаль, чтобы утолить голод, выгнавший их из берлог этим вечером.

Их носы уловили донесенный случайным теплым ветерком слабый запах мяса. Взяв след, звери уже не теряли его. Они мчались по нему и чем сильнее делался дразнящий запах, тем яснее становилось, что гиениктисы найдут то, что искали. И когда спустя время стая в дикой спешке выскочила из зарослей на маленькую полянку, то ее члены увидели перед собой лежащий в серебряном свете луны труп элладотерия, умершего от старости.

Звери с нетерпеливой алчностью кинулись на окоченевшее тело, рвали его и терзали, скаля друг на друга белые зубы, если один выхватывал у другого из-под носа какой-нибудь лакомый кусок. Постепенно каждый из них выбрал себе место на мертвом элладотерии и ночная тишина огласилась щелканьем голодных пастей.

День проходил за днем, каждый из них был иссушен жаром солнечных лучей, сжигающих кусты и травы по всей степи. Когда же вечерами солнце заходило и сумрак затенял землю, лишь малая часть дневного тепла исчезала в межзвездных просторах, а вечерняя прохлада без следа рассеивалась в душной атмосфере.

Над скалистым берегом потока в кронах деревьев перебранивалась стая зелено-коричневых протообезьян мезопитеков. Вожаком здесь был старый самец. Он долго главенствовал над этой оравой и заботился о ее безопасности. Но также требовал от членов своей банды абсолютного послушания и если кто-то из самцов начинал не признавать его власть, принуждал его к повиновению, когда показывал противнику в упорном бою, что его зубы наидлиннейшие, а руки – наисильнейшие.

Старый вожак обезьян сидел на толстой ветке и быстрым взглядом всматривался в окрестности. Рядом расположились две самки и

копошились в его шерсти. Порой они выгрызали там вшей, но в основном делали это для того, чтобы слизнуть маленькие, соленые на вкус чешуйки кожи.

Неожиданно вожак грубо оттолкнул самок и издал горлом короткий, резкий звук, соскочил на нижнюю ветку, пробежал по ней мелкими шажками и, достигнув ствола, обхватил его и спустился на землю. За ним помчалась и вся орава.

Едва обезьяны оказались на земле, всем сразу нашлось много работы. Они разбежались по скалистому берегу ручья, по краю степи и высматривали, есть ли где что-нибудь годное в пищу.

А еда находилась повсюду. Обезьяны срывали листья и сочные стебли, осматривали и обнюхивали их, впивались в них зубами, а если растение приходилось не по вкусу, то отбрасывали его далеко в сторону. Собирали семена трав, упавшие плоды кустов и деревьев, а иные из них лакомились сладкими мясистыми корнями и луковицами различных степных растений. Некоторые обезьяны ловили в траве саранчу и кобылок и хрустели ими как орешками. Вся ватага суежилась в поисках пищи и все съедобное тут же шло в ход.

Возле одной из самок бегал шаловливый детеныш. Он весело скакал и с любопытством разглядывал пучки травы – нет ли в них случайно какого-нибудь насекомого, которое пришлось бы так по вкусу его жадному язычку. Малыш как раз разворошил стебельки, когда оттуда выскочила большая коричневая кобылка. Степной кузнечик сделал длинный скачок и приземлился поодаль в пучках увядшей травы. Обезьянка быстро прыгнула следом, крохотными ручками раздвинула ее и к своей великой радости увидела перед собой гнездышко, в котором сидело несколько маленьких птенцов.

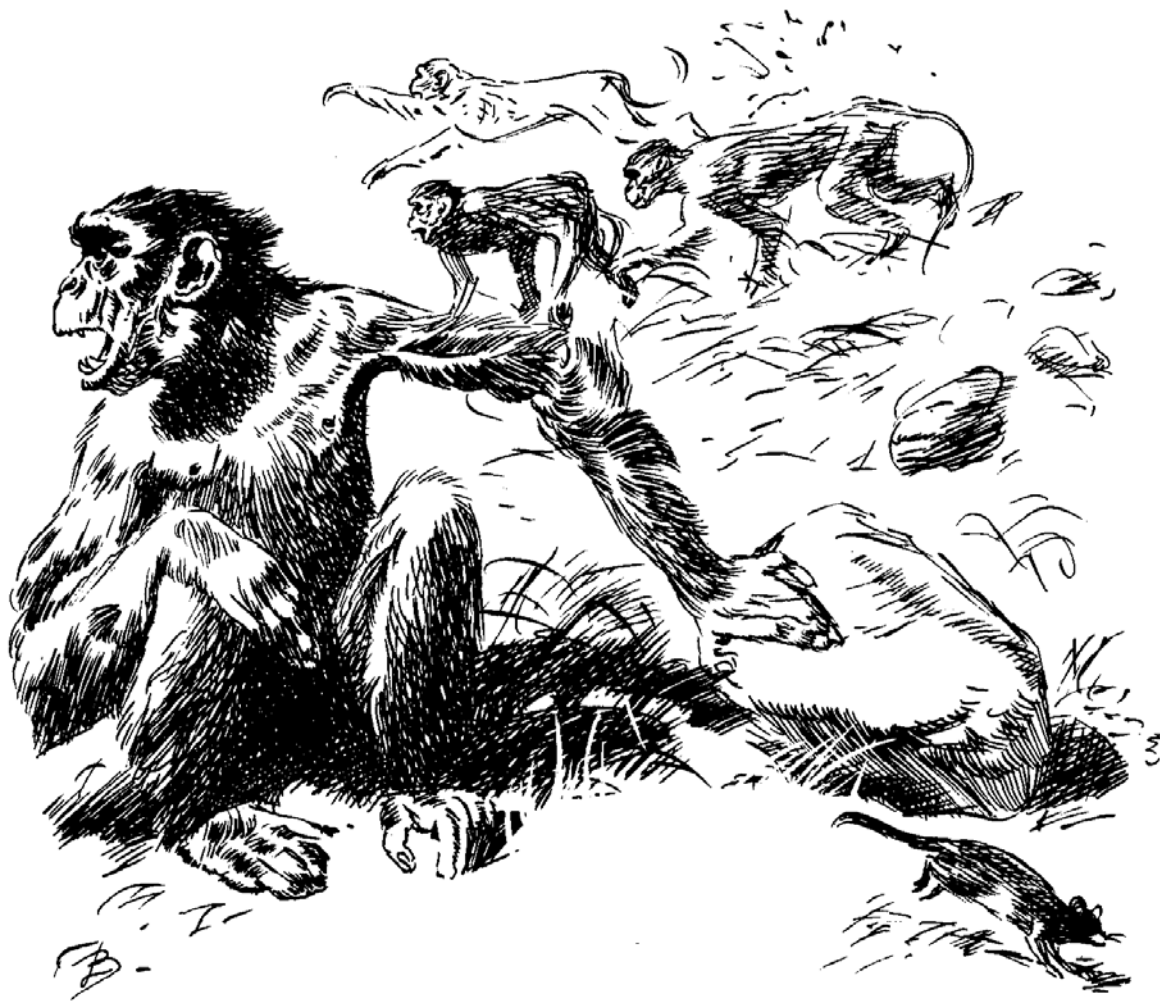
Глазки птичек, смотрящих на детеныша, излучали страх и ужас. Они испуганно запищали, когда обезьянка жадно схватила одного из них, собираясь съесть.

Этот писк привлек внимание молодого самца, проходившего в это время рядом. Когда тот увидел, какое ценное лакомство нашел его маленький сородич, то подскочил к детенышу, вырвал птенца у него из ручки и быстро отправил себе в рот.

Маленькая обезьянка взвизгнула от неожиданности и начала жалобно причитать.

Мать малыша, услышав это, быстро подбежала к ним и как только увидела, в чем дело, начала отвечать затрешины молодому самцу, который с криком убежал, неугомонно преследуемый по пятам рассерженной самкой.

Обрушившиеся на голову молодого самца подзатыльники развеселили всю ораву – обезьяны бешено скакали с ощеренными физиономиями, злорадно вопя и вереща; их длинные, загнутые на концах хвосты в диком возбуждении задралась высоко вверх.

Один лишь старый вожак не участвовал в этом веселье. Точнее, его трясло от злости – ведь из-за внезапного шума он упустил прекрасную добычу. Вождь обезьян как раз преследовал маленькую мышь рода акомис, которая отыскиала себе спасение под камнем и сидела там, съежившись и оцепенев от страха.

Он как раз осторожно приподнимал камень, когда раздался визг детеныша, а сразу за ним – вопли получающего затрешины самца.

Обеспокоившись за свою ватагу, вожак поднял голову – поглядеть, что там происходит. Но этой недолгой невнимательности хватило мышке на то, чтобы выскочить из-под камня и исчезнуть в сплетении корней близлежащего куста.

Старый самец раздраженно отпустил приподнятый камень и с сердитым ворчанием приблизился к детенышу. Когда тот увидел его разъяренные глаза, то боязливо съежился на земле.

Оказавшись возле виновника шума, вожак разглядел в траве птичье гнездо. Гнев старика мгновенно утих, теперь его обуяла эгоистичная жадность. Он грубо оттолкнул маленькую обезьянку и бросился к гнезду. Вновь раздался пронзительный, полный ужаса писк, но быстро затих в клацающих челюстях старого самца. Над уничтоженным гнездом летала

пара маленьких птичек-родителей, они издавали короткие, напрасные крики страха и отчаянной безнадежности.

Маленькая обезьянка не решилась остаться в компании старого вожака. Детеныш быстро побежал к своей маме, которая возвращалась, наказав молодого самца. Когда они встретились, он запрыгнул ей на плечи, жался к ней и обнимал, словно прося у нее защиты.

После этого стая мезопитеков быстро закончила с едой. Как только солнце высоко встало над горизонтом и начало нестерпимо припекать, старый самец подал знак к возвращению. Он расположился на ветвях в тенистой кроне дерева и отдыхал, в то время как остальные обезьяны продолжали взаимную перебранку.

Между тем знойные лучи полуденного солнца беспощадно поливали весь край. Воздух дрожал от жары и тяжкая духота легла на степь, которая словно вымерла. Все – газели, антилопы, трехпалые лошадки, протожирафы и огромные мастодонты с носорогами – укрылись в тени деревьев и кустов и отдыхали. Лютые хищники залезли в самую гущу зарослей, где тяжело переводили дух, широко разинув пасти и вывалив языки.

Степь дышала жаром как великанский кузнечный горн, тяготило полное отсутствие признаков жизни в ней.

Вдруг воздух всколыхнул тихий ветерок. Он пошумел кронами деревьев, потрепал завядшие листья кустов и пошуршал в сухой траве.

Ветер дул с гор, над которыми воздвигалась черная туча. Она все время росла и угрожающе закрыла небо, окрасив его в темно-фиолетовый цвет. Наконец, она своим краем закрыла солнце и в степи тут же потемнело.

Теперь по просторам гулял уже не ветерок, а шквалистый ветер, уносивший с собой хаотично пляшущие сухие листья, которые он поднимал с поверхности или срывал с веток кустов и деревьев. А высоко над степью он рвал край черной тучи, раздирал его и бешено гнал клочья поверх показывающегося на миг светящегося солнечного диска, так что внизу на земле чередовалась игра света и теней.

За вершинами гор вырастали новые тучи. Они быстро расширялись и наконец слились во всеобщий непроглядный мрак, плотно закрывший солнце и погрузивший край в сумерки.

Небо почернело, а в степи завывал и свистел буйный вихрь.

Внезапно длинная зубчатая молния ослепительно сверкнула на темном фоне и оглушительный удар грома разнесся вокруг. Небесный разряд расщепил ветвь высокого дерева, подобно огненной змее спустился по стволу и исчез в море сухих трав, которые в мгновение ока вспыхнули длинным узким пламенем.

Красные языки засветились между иссушенных стеблей, снова погасли, но тут же высоко поднялись и запылали с новой мощью. Вихрь добрался до огня, раздвоил его и бросил на переплетение сухих трав.

Немного погодя оттуда вырвались бесчисленные язычки пламени, перескакивающие с места на место. Со всех сторон возгорались все новые и новые очаги огня, сливавшиеся в единое море.

Пучки травы, так долго иссушаемой солнечным жаром, свивались и скручивались, их яростно охватывало и поглощало пламя. А когда ветер усилился, в нем запылали длинные огненные ленты, они вздымались вверх, облизывали кусты, цепляясь за их ветки и сжигая вялую листву, крутясь и сжимаясь палящими кольцами, которые испаряли последние остатки их соков.

Великий жар полностью иссушал древесину, кора лопалась и отслаивалась, с шипением свертывалась и сразу же разгоралась маленькими язычками пламенем, которые росли и силились, так что тлеющие ветви запылали как огромные факелы. Когда обгорелые сучья падали вниз, то в тех местах веером вспыхивали искры, жарко светящиеся в клубках дыма и едкого чада.

От пламенного моря, с ужасающей скоростью распространявшегося по степи, отчаянно удирали черепахи, змеи и ящерицы, они заползали в заросли и прятались там в сплетении корней. Но вскоре в смертельном ужасе снова кидались наутек, когда ветер заполнял их укрытия раскаленным воздухом и чадом. Рептилии разбегались и уползали во все стороны, преодолевали любые препятствия, пытались залезть в густые пучки высохших трав, натывая друг на друга, опрокидываясь или же в диком бегстве перелезая друг через друга, пока их наконец не настигали стлавшиеся по земле клубы удушливого дыма, гонимого сильным ветром наравне с пламенем. Пресмыкающиеся начинали задыхаться, их бегство превращалось в вялое трепыхание, в конце концов они останавливались с разинутыми ртами и вытаращенными от ужаса глазами и гибли в смертельной агонии, становясь жертвами огненного хаоса еще до того, как он настигал их.

Одурманенные чадом, в пламя падали и бесчисленные жуки, мухи, пчелы, осы, шмели и скрипучие цикады. Их нежные, часто пестро окрашенные тельца мгновенно становились крупинками пепла в огненном море.

Степной пожар ширился огромным полукругом. Исполинские столбы дыма, багровеющие по краям жаркими языками пламени, поднимались ввысь и окрашивали небеса в густой черный цвет. Напротив них иногда вспыхивали жуткие фейерверки из искр, когда обгоревший ствол дерева с треском неся к земле и с силой обрушивался в гигантское кострище.

Черные тени в багровом зареве казались тела зверей, которые в диком и безрассудном бегстве искали спасение от огненного пекла. Они мчались к скалистым берегам ручья и как обезумевшие бросались вниз, где потом оставались искалеченными. Рядом лежали нежные газели с переломанными ногами и стройные антилопы, поодаль ржали тяжело

раненые трехпалые лошадки, а возле них копошились воющие от боли хищники с перебитым крестцом.

Несколько мастодонтов подобно огромным валунам рухнули прямо в русло потока, ведь скала была слишком крутой, чтобы они могли спуститься по ней. Тяжеловесные звери при падении погрузились в мягкий ил и уходили в него тем глубже, чем сильнее старались освободиться. Жалобные трубные крики несчастных хоботных неслись над краем и растворялись в клубах удушающего чада.

Пожар быстро приближался к скалистой кромке ручья.

Сперва возле него появились маленькие огоньки. Будто в безумной пляске они перескакивали от одной травинки к другой, вращались и крутились в переплетенных пучках так долго, что от них после сгорания остался лишь тонкий пепел. За ними шли в атаку высоко вздыбленные потоки пламени. Они подожгли кусты и те вспыхнули как гигантские головни. Подобно огненным змеям они с треском лезли по стволам деревьев до самых крон и те вскоре угрожающе пылали высоко на фоне темного неба.

С полными ужаса глазами наблюдал старый вожак обезьян за приближающимся огнем. Он был обеспокоен и сбит с толку непривычным зрелищем. Внезапно старый самец испуганно оскалился и из его горла исторгся полный страха и отчаянья крик.

Этот крик вывел из оцепенения стаю, которая до сих пор сидела без движения и перепугано глядела на море пылающего огня. Как только обезьяны увидели, что старый вожак ударился в бегство, то тут же последовали за ним в сумасшедшей спешке.

Все побежали к скалам неподалеку, слезли по ним до самого потока и укрывались в какой-нибудь дыре или пещере – известняк был изрыт ими. Там, где скальная пустота оказалась побольше, шла немилосердная, безоглядная борьба за место, в которой побеждал сильнейший. Но у всех в глазах плескался безграничный страх из-за разверзшегося пламенного кошмара...

Чем дальше, тем сильнее небо затягивалось черными грозowymi тучами. Его темноту пересекали длинные линии изломанных молний, исчезающих в огненном море горячей степи. По ней постоянно проносился буйный вихрь, поднимающий ввысь множество пепла, который он потом разносил вширь и вдаль вместе с удушающими клубами дыма и чада.

Цепенящий ужас, безжалостный и разрушительный, метался в воздухе, а раскаты грома, похожие на жуткий хохот, оглушительно рокотали над степью...

И вдруг в тот момент, когда уже совсем недалеко от скалистых берегов потока начали вздыматься ввысь длинные языки пламени, а горящие деревья распространяли вокруг себя ослепительные сполохи пугающего света, начался сильный ливень.

Потоки дождя обрушились из туч и в шипении облаков белого пара заливали багровые и желтые очаги пламени. Огонь постепенно угасал, пока совсем не растворился в шуме и гуле падающей воды. Молнии перестали бичевать воздушный простор и раскаты грома лишь изредка раздавались над краем.

Со всех сторон воды стекались в ручей, так что его уровень стал угрожающе подниматься. С крутых скал вниз ринулись грязные, замутненные пеплом потоки, они омывали раздробленные тела упавших

зверей, понемногу подталкивая их к руслу. Жалобные крики и стоны вырывались из глоток изувеченных животных, которых с вытаращенными от ужаса глазами уносило с собой течение. Лишь некоторым из них – тем, чьи ноги были не очень сильно поломаны – удалось дотащиться до подножия высоких прибрежных скал, где они рухнули, обессиленные и страдающие от боли.

Но никого из зверей не ждало избавление. В узком, обнесенном высокими скалами русле ручья вода начала быстро прибывать и чем дальше, тем больше превращалась в дикую стремнину, бурно несущуюся вперед. С каждым наплывом поток становился все более диким и свирепым. Его длинные волны смывали тельца находившихся ближе всех маленьких газелей и антилоп и несли их с собой как легкие перышки.

Из клубка искалеченных тел нескольких трехпалых коньков один встал на передние ноги. Вытянув шею, он мутными глазами долго смотрел навстречу разбушевавшемуся потоку. Ноздри конька широко раздулись, а его грива развевалась на сильном ветру как бурая лента.

Внезапно он испуганно заржал. Хотел было встать на дыбы, но разбитый таз потянул его к земле. Конек беспомощно бился, падал и снова вставал на передние ноги, рыл ими землю и кусал ее, но все попытки оказались напрасными и бесплодными.

Обессиленный и страдающий, он рухнул и какое-то время лежал как мертвый.

Но потом, снова приподнявшись, жеребец жалобно заржал. Однако его крики растворились в странном гуле, усиливающемся с каждой минутой. Это мощный наплыв вод с недалеких гор заполнял русло ручья. Бурные и высокие волны неслись вперед, нещадно хлеща скалы и берега. Вода в ручье стал красного цвета из-за глины, смытой со склонов и с известняковых плоскогорий.

Поток мчался, атакуя дико и мощно. Гигантская волна швырнула ржавшего конька в кучу остальных тел, перелилась через нее и с оглушительным гулом и с шипением, не сбавляя скорости, поспешила дальше. А за ней следовали все новые и новые, которые чем дальше, тем все больше заполняли русло, набрасывались на скалистые берега и уносили с собой все то, что позволяло уволочь и смыть себя. На их вспененных гребнях колыхались стволы деревьев, вырванные кусты и изуродованные тела упавших зверей, все в невообразимом хаосе и неопишуемой мешанине.

Дикий наплыв вод, который без усталости наполнял русло потока, доставил хлопоты и мезопитекам, укрывшимся в скалистых полостях на берегах. Когда ручей начал заливать самые нижние из них, обезьяны покинули их, вскарабкавшись выше, а когда не обнаруживали новые, в которых они могли бы скрыться, сильные выволакивали оттуда более слабых и занимали их убежища. Выгнанные сидели с жалобным

выражением на лицах под каким-то скальным выступом, промоченные ливнем и дрожащие от холода.

В маленькой расщелине жались друг к другу несколько обезьян. Одна из них держала на руках испуганно прижимавшегося к ней детеныша. Все с тоской смотрели на серый ливень и без интереса прислушивались к гулу разбушевавшихся вод ручья.

Внезапно перед расселиной появился сильный самец, а следом – еще несколько. Их выгнала из укрытий подступившая вода. Один из самцов бесцеремонно схватил ближайшую обезьяну и принялся вытаскивать ее из расселины. Но та вцепилась в скалу и так крепко держалась, что грубиян безрезультатно трепал и тормозил ее. Это разозлило и взбесило самца. С искаженной физиономией и оскаленными зубами он скакал на маленькой площадке перед расселиной и даже холодный дождь не мог утихомирить его ярость.

Но тут в его глазах промелькнуло коварство. Быстрым движением самец схватил детеныша обезьяны, с силой вырвал его у нее и отбросил в сторону. Малыш испуганно заверещал, судорожно держась слабыми ручками за небольшой выступ. Повсюду вокруг него на твердую скалу с силой падали крупные дождевые капли, расплываясь в тонкую белесую дымку.

Самка, неожиданно лишившаяся детеныша, ошеломленно и пронзительно завизжала и мгновенно выскочила из расселины. Отпихнув самца, она кинулась к детенышу. Но не успела она добежать, как камень, за который тот держался, вывалился и вместе с маленькой обезьянкой упал в хищный водный поток. Словно обезумев, самка прыгнула за несчастным детенышем, чтобы спасти его. Они вместе упали в воду. Как только самка нежно обняла свое дитя, дикое течение завертело обоих, потащило ко дну, потом опять вынесло на поверхность, швыряло на волнах и било их тела об острые края скал. Мать-обезьяна, крепко обняв детеныша, погибала в бешено текущей вспененной воде, в то время как самец дрался перед расселиной с сородичами за столь безжалостно добытое место.

Сумерки пасмурного вечера опускались на весь край и скоро слились с тьмою пришедшей ночи. Она была черна и беззвездна, ее тишина нарушалась неустанным шелестом обложного дождя и гулом наводненного ручья. Лишь к утру перестало лить и ветер разогнал серые тучи по всем сторонам небосвода.

Бледный рассвет скорбно озарил опустошенный край, до неузнаваемости измененный гигантским пожаром. Всюду было полно серого пепла, всюду виднелись остатки сгоревших кустов. Как разрушенные башни торчали обугленные стволы деревьев без крон и ветвей, свидетельствуя своим жалким видом о природной катастрофе. И повсюду вокруг стояла тишина, мертвая и гнетущая, не нарушаемая даже

самым слабым стрекотом насекомых, не переживших это бедствие. Вода в ручье уже не прибывала, а наоборот постепенно спадала. Но она все еще несла куски древесины и мертвых зверей, которых выбрасывала на широких мелях излучин. Части тел животных, разбитых долгим путем в стремительном потоке, вперемешку лежали рядом и покрывались быстро оседавшим в тех местах тонким красноватым илом. Так ручей стал могилой погибших зверей...

Росистое утро пришло после страшного пожара в степь и опустошенная земля впитывала каждую капельку влаги. Когда позже ее смочил новый дождь, она так напилась водой, что после сильной жары солнечных дней теперь выдыхала тонкий удушливый пар. Потом уже во многих местах с голой земли поднимались низкие поросли новой травы и новых кустарников. Они проклюнулись из занесенных ветром семян. Бесчисленные островки свежей зелени быстро разрастались вширь и вдаль, сливались в единое зеленое море из трав, кустов и деревьев. Молодые стволы с нетерпением рвались вверх, чтобы быть поближе к солнцу.

А когда ветерок повеял над этим новым зеленым морем, его шумящую песню сопровождал стрекот и жужжание прилетевших насекомых, радостные трели снова гнездящихся птиц, блеяние газелей и антилоп, ржание трехпалых лошадок, трубные крики мастодонтов, а глубоко в зарослях – глухой рев случайно забредших сюда древних хищников.

Теперь во всем краю не было видно и следа ужасной катастрофы.

Даже сегодня поток Мегалоревма извивается по области Пикерми, спеша с горы Пенделикон к Эгейскому морю. Но он все же изменился с тех давних пор. И это неудивительно. Ведь за те сотни тысяч лет, минувших со времени гигантского степного пожара, край тоже изменился. Там, где когда-то расстилались огромные травянисто-кустарниковые равнины с красивыми рощами и лесочками, сегодня распростерлось море со множеством островов. Там, где раньше был теплейший климат, сегодня прохладно.

Уже в конце третичного периода (в плиоцене) огромные, рождающиеся на севере ледники начали устойчиво распространять на юг великий холод и таким образом вытеснили зверей, привыкших к весьма теплой среде обитания, во внутренние области африканских или азиатских земель. Многих их сородичей погубило изменение климата, а те, что не пожелали покидать родной край, все-таки не смогли приспособиться к переменявшимся жизненным обстоятельствам. Но, конечно же, не только холод нарушил жизнь зверей в пикермских степях плиоценовой эпохи. В дальнейшем эта местность терпела длительные

засухи и это неблагоприятно влияло на растительность – пищу травоядных.

Время все постепенно изменяло, в его неустанном беге без начала и конца, в вечном движении и развитии, ни на миг не останавливающееся ни перед чем...

И сегодня поток Мегалоревма извивается по пикермийской земле, спешит с горы Пенеделикон к Эгейскому морю. На его берегу, поросшем платанами, олеандрами и соснами, с бесчисленными густыми, труднопроходимыми зарослями из миртов, лавров и падубов, некий баварский военный в 1838 году заметил многочисленные кости, торчащие из слоев красной глины над гладью полузасохшего ручья. Он спустился к ложу потока и с любопытством разглядывал находки.

Тут вдруг глаза военного загорелись от радости. Он нашел обломок кости, в чьей полости искрилось несколько кристалликов. Мужчина был убежден, что нашел алмазы.

Он заботливо припрятал кость с «драгоценностями», а как только вернулся домой, то показал их профессору Андреасу Вагнеру из мюнхенского университета, являвшегося в то время известным палеонтологом. Тот был вынужден горько разочаровать военного, когда сообщил ему, что блестящие штучки отнюдь не алмазы, а кристаллы обыкновенного кальцита.

Раздосадованный военный ушел. Зато лицо строгого и хмурого профессора светлело с каждой минутой, пока, наконец, не озарилось радостной улыбкой. Ведь ученый понял, что держит в руке обломок челюсти древней обезьяны, существа, которое тогдашние палеонтологи – специалисты, изучающие вымершие формы жизни – еще вообще не знали. И это послужило сигналом к профессиональным исследованиям знаменитых пикермийских раскопок. Они длились годами, но зато много поведали про то, какой была жизнь в этом маленьком уголке мира около десяти миллионов лет тому назад.

ОЗЕРО СМЕРТИ

Ранняя мгла подобно густому дыму огромного пожара укутывала обширное болото, тянущееся в необозримую даль. Все тонуло в светло-серой завесе, заполнявшей пространство между небом и землей – серебристо поблескивающей и остававшейся непроглядной.

Когда на востоке из вселенских глубин начал подниматься золотой солнечный шар, то мгла понемногу редела, опускалась к земле, покрывая холодными каплями весь край. Ее растрепанные клочья клубились как белоснежная вуаль над зелеными порослями ситника, тростника и камышей, проскальзывали между прутьями густых зарослей вербы, исчезали в них и небо все больше прояснялось. А когда на поверхности многочисленных луж заплясали красные и золотые отблески восходящего солнца, то в чистом, хотя и во влажном и холодном воздухе, пропитанном запахом трясин, проявилась странная, угрюмая красота края. Местность была пустой и сумрачной, усеянной тысячами лужиц с грязной и зловонной водой. Над ними летали неисчислимые рои разных комаров, а сидящие там лягушки неумоимо издавали свои монотонные крики. В лужах буйно разрастался сфагнум, который постепенно покрывал их своими зелеными стебельками как изумрудным одеянием. Временами шли ливни и потоки грязной воды создавали в углублениях почвы все новые и новые лужи, но и они быстро исчезали в буйно развивающейся болотной растительности.

Это было плохое место, погибель для крупных животных. Зайти туда означало мгновенно провалиться в вязкий ил и утонуть, оставшись в нем навсегда.

Лишь время от времени черный с оранжевыми пятнами тритон потихоньку ковылял от одной лужи к другой, высматривая, нет ли там чего-нибудь съестного. Вес его не заботил да и не должен был, ведь

земноводному не грозила опасность внезапно провалиться в предательскую, покрытую зеленым сфагнумом трясины, из которой уже не было возврата.

В тех местах, где почва становилась суше, росла низкая трава, а на выдающихся в болото небольших мысах – карликовые деревца, истрепанные ветром.

Утренняя прохлада пробудила от ночной дремоты крупного ворона, сидевшего тихо на ветви старого полусохшего дерева будто воплощение нечистой совести зловещего места. Вот он расправил крылья, несколько раз взмахнул ими и с карканьем улетел на дальнюю окраину болота.

То место, куда отправился ворон, выглядело странно. Там разливалось большое озеро, чьи широкие и извилистые берега украшали камыши, тростники и ситник, растущие густыми пучками из мягкого предательского ила. А за той зеленой порослью находилось множество узких лагун и круглых маленьких бочагов черного асфальта, его липкая масса растекалась и вокруг берегов, скрытая травой и кустами.

Высокие и старые деревья, стоявшие здесь как передовая стража находившейся поблизости травяной равнины, были издавна выбраны древними воронами и стервятниками, потому что те легко находили здесь добычу, пойманную предательскими ямами.

Здесь уже расселись несколько протостервятников рода тераторнис, когда прилетел ворон, переночевавший где-то далеко посреди болота. Он направился к обрубку усохшей ветви старого дерева, тихо уселся на него и замер, словно окаменев, но быстрый взгляд птицы обшаривал все вокруг. Однако кроме нескольких побелевших скелетов в траве и кустах не увидел ничего, что могло бы привлечь внимание.

Тем временем солнце поднялось над горизонтом и его красноватые лучи уперлись в последние остатки клочьев тумана, которые чем дальше, тем сильнее прижимались к земле и поверхности озера. Из тонкой мгlistой завесы над водоемом начали зрительно проступать контуры отдаленных островков, ведь там тоже прояснело. От тех мест, где упали капли из осевшего тумана, во все стороны расходились концентрические круги волн, бежали по водной глади к зеленой стене тростников, ситника и осоки, проникали туда и навеки пропадали в их лабиринте.

Как только солнце поднялось еще выше и позолотило своим теплым светом траву с кустами, берега озера внезапно ожили. Крупные, блестящие мухи перелетали с цветка на цветок и угощались сладким нектаром вместе с прилежными пчелами, большими осами и неповоротливыми шмелями.

По траве ползало множество самых разнообразных жуков и жучков, черные и рыжие муравьи принялись за свои утренние дела – как всегда в суматохе и в спешке. С высоких стеблей и с веток кустов

раздавалось пиликанье разных видов саранчи и кузнечиков, заглушаемое громким стрекотом больших цикад.

Как крупные снежинки трепетали в воздухе белые мотыльки, изумрудными стрелами проносились огромные, металлически блестящие стрекозы.

Из переплетения тростников и ситника слышались веселые голоса многочисленных видов водных птиц. Стая из уток, водяных курочек и поганок выплыла из зарослей на озеро, чтобы искупаться в первых волнах раннего утра.

К озеру, озаренному солнцем, прилетела и пара болотных цапель, гнездящихся на дереве неподалеку, они направились к тому месту, где несколько пеликанов уже ловили рыбу на мели. Старый гусь-вожак, едва достигнув водоема, сразу же опустился на поверхность, а следом – его весело гогочущая стая, будто бы радостно приветствующая ясное утро.

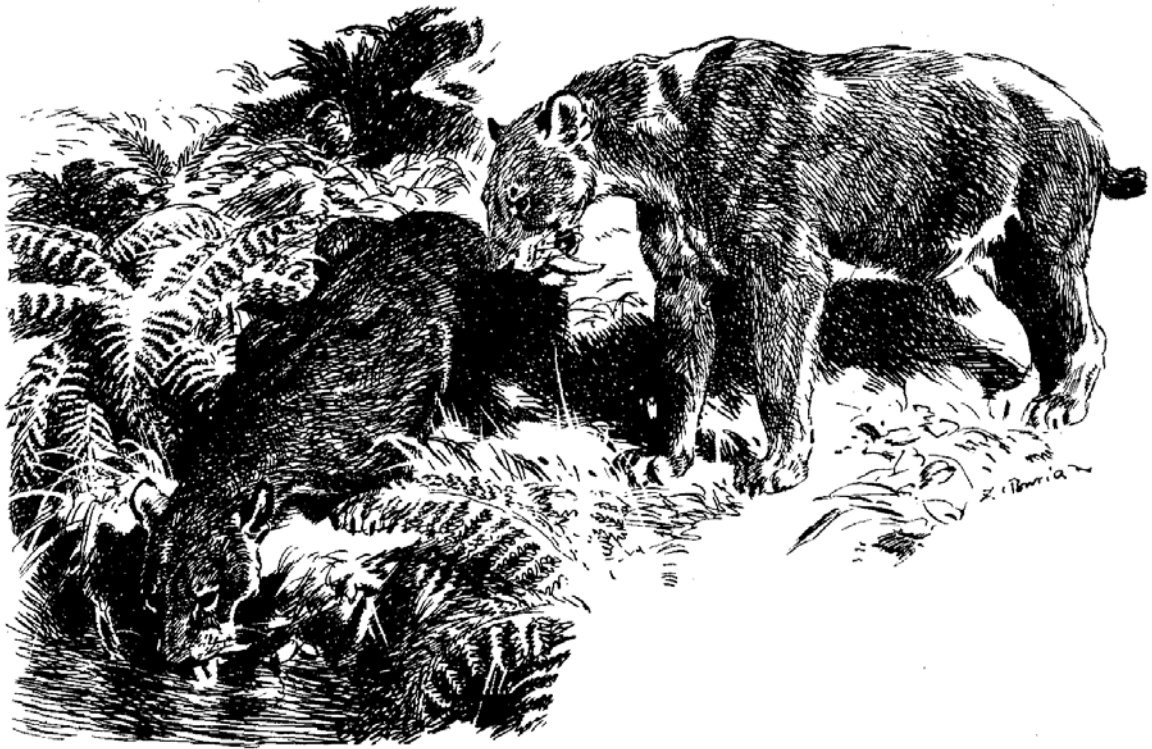
Безотрадный край позабыл на заре пробуждающегося солнечного дня про свою мрачность и обманчивость. Но сидящий на сухом суку старого дерева черный ворон не предвещал ничего хорошего.

Довольно далеко от болота на травяной равнине высилась неровная скала, из нее бил родничок с чистой водой; она собиралась в маленький пруд с зелеными папоротниками вокруг. Оттуда вытекал ручеек, который как серебряная нитка пробирался между высоких трав и в тених светлого лесочка спешил к югу.

На другой стороне скалы, рассыпавшейся на валуны громадного размера, находилась пещерка, сухая и темная. Перед ее входом, немного закрытым зеленым кустом, была маленькая площадка, поросшая травой. Она покрывала и низкие, но крутые склоны, полные больших глыб, которые как великанские ступени вели из травянистой степи к месту перед скальной пещерой. Оно пустовало, но поблизости было довольно оживленно.

Несколько диких кроликов вырыли себе норы и жили здесь спокойно вместе с детенышами. Никто их не тревожил, ведь те животные, что приходили сюда напиться – дикие лошадки и прочие звери – не обращали на них внимания и не покушались на их покой. Лишь в том случае, когда в этих местах появлялись кровожадные волки, кроликам приходилось держать ухо востро. Они хорошо знали, что невнимательность по отношению к серым стоит жизни. Этот опыт передавался из поколения в поколение.

Но веселой и беззаботной жизни диких кроликов однажды пришел конец.

Это случилось к вечеру, когда возле скалы и прудика остановилась парочка крупных хищников смилодонов. Могучий самец с выразительно сильной грудью, сильными передними лапами и коротким хвостом неподвижно стоял у пруда и смотрел на пьющую самку, которая была хоть и слабее, но гораздо грациозней его. Обоих покрывала шерсть светлого оттенка. Из пастей торчали огромные клыки наподобие длинных, саблевидно загнутых кинжалов, которые были уплощены, а по краям мелко зазубрены.

Эти клыки являлись наимоощнейшим и безупречнейшим инструментом для убийства, которым когда-либо природа вооружила животных. Но пока они достигли такого размера как у смилодона, миновали бесчисленные тысячелетия. Предки этих хищников в третичном периоде уже обладали мощными клыками, но лишь незначительно удлинненными. У их потомков они уже настолько увеличились и так усилились, что в четвертичном периоде придавали смилодону облик самого кровожадного зверя, убийцы с двумя кинжалами.

Несколькими тихими шагами самец подошел к пруду и начал жадно лакать кристально-чистую воду. Потом грациозным прыжком перескочил родник, а следом — и его подружка. На влажной почве глубоко отпечатались их лапы, вооруженные большими острыми и серповидно изогнутыми когтями. Хищники тихо шли вдоль скалы, ступая так осторожно, что под ними не хрустнула ни одна веточка, не зашуршал ни один листочек.

Вдруг самка остановилась и с любопытством уставилась на темный вход в скальную пещеру. В несколько шустрых прыжков она оказалась там и осторожно все рассмотрела. Забежала и внутрь, побыв там какое-то время.

Самец тихо, но внимательно наблюдал за ней. Внезапно он услышал, как подруга тонким мяукающим голосом подзывает его к себе. А когда он подошел к ней, самка снова забежала в пещеру и опять позвала. Самец постоял в нерешительности, а затем и его поглотила темнота скального убежища.

А потом снаружи на землю опустилась вечерняя тишина и на потемневшем небе высоко засияли первые звезды. Всюду царили мир и покой – лишь в глубоких норах испуганно съежились дикие кролики, их маленькие сердечки отчаянно бились из-за страха от прихода кровожадных хищников.

Серебряный свет луны разлился по всему краю и теплый ветерок шуточно взъерошивал древесные кроны. Из зарослей неподалеку вышел большой олень. Он осторожно понюхал воздух и напряженно прислушался. Потом мелкими шагами направился к пруду возле скалы, по пути срывая тут и там пучок травы или зеленый побег с низких кустов.

Смилодонами, отдохавшими в пещере, овладело беспокойство. Подняв головы и вытянув шеи, они долго принюхивались к потоку теплого воздуха, приносящего им запах оленя. Он становился острее и все более дразнящим, по мере того как животное подходило все ближе к пруду. Спустя некоторое время, когда кровожадность самца изрядно распалилась, он на согнутых лапах покинул темноту пещеры и, скрытый тенью куста, прижался к земле и ждал. За ним следом точно так же тихо приползла и самка. Оба лежали без движения, лишь короткие хвосты временами сильно дергались, а глаза излучали неукротимую жажду теплой крови. Их тела уже тихонько подрагивали из-за охотничьей страсти.

Когда самец увидел, в каком месте олень направился к пруду, то неслышно пополз вперед к большому валуну, полностью заросшему зеленым мхом и серыми лишайниками. Скрытый им наполовину, зверь приготовился к нападению на благородного рогача.

Между тем олень достиг пруда, остановился возле воды, огляделся кругом и опять принюхался. Но он втягивал воздух с наветренной стороны и его черный широкий нос не смог предупредить о притаившемся неприятеле.

Олень спустился к пруду, шагнул в воду, нагнулся и начал пить. В блестящей глади отражалась его благородная голова, украшенная гигантскими сильно ветвящимися рогами. Там было видно все его могучее тело в полном расцвете жизненных сил.

И олень пил холодную прозрачную воду долгими глотками...

Внезапно лунную ночь огласил страшный рев. Олень дернулся, понял голову и его испуганные глаза остановились на могучем хищнике, мгновенно поднявшегося у валуна неподалеку. В его разинутой пасти сверкали мощные, саблевидно загнутые клыки, глаза дико блестели а короткий, обрубленный хвост мелко подергивался и без усталы метался из стороны в сторону.

Напуганный ужасающим ревом и видом взбешенного хищника олень на миг словно бы окаменел. Но этой незначительной заминки хватило на то, чтобы смилодон атаковал могучим прыжком. Саблевидные клыки вонзились в шею оленя как два заточенных штыка, а гигантский вес напавшего хищника тут же поверг его наземь. Острые когти впились глубоко в тело жертвы, пронзили кожу и мышца до самых костей. И тут смилодон мощным рывком головы выдернул клыки из шеи упавшей жертвой и с новым размахом опять вонзил их. Волны судорог пробежали по оленьему телу и ему пришел конец.

Самка несколькими грациозными прыжками достигла места нападения. Встав над пойманной добычей, она склонила голову, повернула ее вбок и единым мощным взмахом саблевидных клыков распорол оленю брюхо.

Потом оба хищника дружно и долго пировали.

Когда же смилодоны наелись до отказа и с полными желудками уползли в скальную пещеру, за остатки их трапезы пришли подраться боязливые протокойоты. Ужасный вой этих псовых хищников серого цвета размером с лису далеко разносился в лунной ночи, проникая и в глубокие норы бедных диких кроликов, прижимавшихся друг к другу – настолько их напугали ужасы сегодняшнего вечера и последовавшей за ним ночи...

Смилодоны поселились в пещере насовсем. Главным образом самка не хотела покидать это место и даже начала обустраивать логово. Вскоре выяснилось, почему она собиралась здесь остаться. Безопасное укрытие, близость воды и обилие животных вокруг – все это было гарантией того, что смилодонам будет хорошо растить здесь свое потомство. Прошло не столь долгое время и на травяной площадке перед скальной пещерой уже неуклюже ползали двое их отпрысков.

Присутствие смилодонов быстро выгнало кроликов из их обжитых жилищ. И хотя огромные хищники не представляли для них особой опасности, ведь длинноухие были для них слишком мелкой добычей, все равно их веселой и беззаботной жизни настал конец. Потому большинство их нор опустело и входы в них понемногу зарастали травой.

Так вышло, что дикие кролики с пруда нашли себе новый дом возле берега опасного озера. Они вырыли там между корней деревьев глубокие норы и так как повсюду вокруг было в достатке вкусной еды, снова зажили весело и беззаботно, потому что смилодоны не наведывались в эти места.

В тот день, когда сюда откуда-то с болота прилетел ворон, несколько кроликов резвились в высокой траве. Петляя множество раз, они пробегали там и сям, а когда один из них терял другого из вида, то поднимались на задние лапки и гонки начинались заново. Там, где они быстро бегали, трава шевелилась как длинная зеленая змея, а в кустах от такой резвой игры словно проносился порыв ветра.

Внезапно один из них закричал от боли. Остальные мгновенно прервали игру, испуганно глядя на могучего волка, разрывавшего сильными зубами их сородича. Кролики как стрелы прыснули в разные стороны.

Двое из них направились прямо к озеру. Они бежали, бежали – и неожиданно увязли. Сколько бы ни напрягались кролики, но с места сдвинуться не могли. В великом страхе они вытягивали тело так, что мускулы трещали, но не могли пошевелить задними лапами. Кролики увязали в мягкой и липкой массе асфальтового бочага и чем больше дергались, чтобы освободиться, тем глубже в нее погружались и тем сильнее черная жижа засасывала их в свои губительные объятия. Так вместо укрытия два маленьких создания отыскивали смерть – нехорошую смерть, забирающую потихоньку свою находящуюся в полном сознании жертву.

Испуганный визг захваченных асфальтовой массой зверьков привлек внимание голодного волка. Когда хищник увидел, что невдалеке перед ним беспомощно бьются два кролика, он выпустил из пасти неподвижное тельце пойманного ранее ушастика и длинными прыжками бросился к ним. Жадное желание завладеть большей добычей заглушило в нем древний родовой опыт – легко достижимая жертва обычно связана с опасностью и потому нужно соблюдать осторожность.

Но это был молодой, еще неопытный, гонимый голодом волк. Мощным прыжком он бросился на первого кролика, при этом глубоко увязнув лапами в асфальте. Он пытался вытянуть их из липкой массы – все было напрасно. Это вызвало в нем ярость. Молодой волк бился телом во все стороны, его страшная пасть рвала на куски тела кроликов. Но вся его сила и злость ничего не стоили. Несколько часов зверь изнуренно ждал с апатичным безразличием приближение своего недоброго и неотвратимого конца.

Неожиданно с ближайшего дерева к неподвижно лежащему волку спустился большой протостервятник тераторнис. Он хотел было усесться на жертву болота, но тот, собрав последние силы, поднял голову и, разинув пасть, раздраженно цапнул хищную птицу. Стервятник вильнул в сторону и отлетел, а потом большими кругами вился над умирающим волком. Потом птица снова атаковала, острым клювом нанеся жертве несколько ударов в голову. Но волк уже не двигался, потому стервятник уселся на него безо всякой опаски. Крючковатым клювом он вырывал из тела зверя куски мяса, жадно их пожирая. А пока тераторнис наедался,

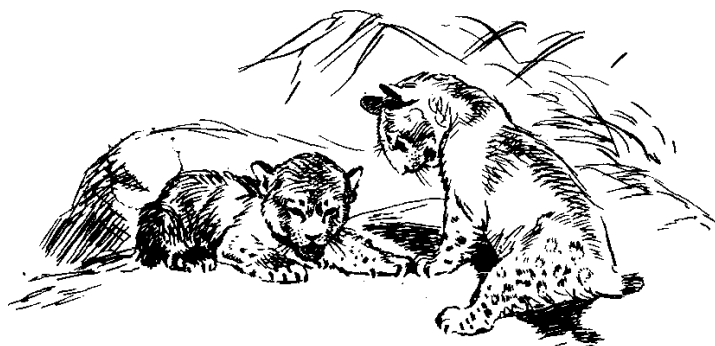
на мертвых кроликов слетелись вороны и начали свою трапезу, перебрашиваясь друг с другом.

Когда птицы насытились, уже начало смеркаться. Один за другим трупоеды улетали, пока все не исчезли вдали. И лишь самый большой из них отправился на середину хмурого болота, откуда прилетел сегодня утром. Там в безопасности он переждет ночь, а завтра снова явится и снова будет ждать с остальными сородичами на берегах озера новую жертву коварных асфальтовых бочагов.

Много раз солнце вставало и заходило над озером и болотом. Древние стервятники и вороны постоянно сюда прилетали и терпеливо ждали поживы. Иногда это был маленький дикий кролик, иногда – молодой неопытный волк, порой – стая диких уток или гусей, по ошибке севшая на поверхность бочага, покрытую тонким слоем грязной бурой воды.

Повсюду валялось множество костей и целые скелеты. Иные из них, лежащие уже долго среди травы, светились белым как предостережение всему живому. Тела жертв, упавших прямо в бочаг, понемногу погружались в липкую массу, пока наконец не исчезали в ней целиком. Из бездонной асфальтовой могилы поднимались тысячи пузырей, лопающихся на поверхности.

Детеныши смилодонов быстро подрастали. Они уже не копошились у входа в пещеру, а весело резвились где-нибудь поблизости и старшие уже много раз принимались учить их охотиться. Это была в

первую очередь самка, которая с величайшим терпением показывала, как надо неслышно ползать по траве, лежать без движения, расторопно нюхать воздух, а потом большим прыжком набрасываться на выслеженную добычу.

Материалом для усвоения первых уроков в нападении и убийстве детенышам послужили дикие кролики – несколько зверьков все еще жили на другой стороне скалы. С тех пор, как обоим с помощью самки удалось поймать добычу, в малышах пробудилась родовая охотничья страсть саблезубых кошек, она заменила все их милые игры на истребление несчастных длинноухих.

Между тем у взрослых смилодонов начались проблемы с добыванием еды как для себя, так и для детенышей. Копытные, которые еще недавно в изобилии обитали неподалеку от скалы и которые издалека приходили сюда напиться, понемногу покинули это место, ставшее королевством свирепых хищников. Стада антилоп, небольших

верблюдов, бизонов и диких лошадей ушли, а вслед за ними и олени. Самцу приходилось охотиться все дальше и дальше от логова, а удача все чаще изменяла ему.

В один из дней смилодон повернул к озеру, которое до сих пор старался обходить. Когда он приблизился к нему, то увидел вдалеке перед собой нескольких мирно пасущихся диких лошадей. Зверь обошел их по широкой дуге и пополз тихо и осторожно. Он был уже совсем рядом, когда неосторожно наступил на сухую ветку. Хватило слабого треска, чтобы красивый вожак поднял голову, а когда он увидел ползущего смилодона, быстро бросился наутек, за ним мгновенно удрали и остальные.

Один молодой жеребчик, перепуганный видом атакующего хищника, который его уже настигал, в смертельном ужасе бросился к берегу озера. Он скакал по траве, между низких кустов. Внезапно жеребчик упал, словно сраженный молнией, и начал беспомощно биться. Предательское липкое месиво из асфальтовой ямы, растекшееся между пучков трав и кустов, лишило его подвижности и притянуло к земле.

Преследовавший добычу смилодон остановился и удивленно взирал на мечущегося и в ужасе ржущего конька. Саблезубому тигру показалось, что здесь не все в порядке. С разинутой пастью он осторожно пополз вперед и широко раскрытыми глазами высматривал неприятеля, отважившегося помешать его охоте. Хищник был готов драться с ним, драться жестоко, не на жизнь, а на смерть, лишь бы не позволить безнаказанно отнять добычу, которую он гнал и на которую имел полное право. Но как бы ни напрягал зрение и обоняние, он не увидел и не почуял никакого врага. Лишь высоко в воздухе кружил орел *Aquila chrysaetos*, зорким оком наблюдая за всем вокруг.

Смилодон осторожно подползал к жеребчику, готовый в каждый момент принять бой, даже и с древним львом, который тоже охотился в степи и с которым он уже несколько раз встречался во время своих блужданий.

Вдруг он почувствовал, что как-то тяжело стало поднимать лапы, что он попадает ими во что-то мягкое и липкое. Но сгорающий от алчности хищник, чьи мысли были заняты только близкой и беспомощной добычей, не придал этому значения. Вот он сделал еще один маленький шаг – и его передняя лапа погрузилась в грязную темно-коричневую массу, обхватившую и не отпускавшую ее.

Когда у смилодона не получилось легко освободиться, он испугался и сильным рывком выдернул лапу из бочага. Но стоило наступить ею на землю, как она снова приклеилась из-за покрывавшего ее липкого асфальта, не давая хищнику двигаться как обычно. Это привело смилодона в сильную ярость. Он бил лапой по траве и кустам, чтобы поскорее избавиться от мелкого, но неприятного и такого

коварного врага, который мешал перемещаться свободно, легко и быстро.

Избавившись наконец от клейкой массы, хищник снова поглядел на манящего его конька, пойманного асфальтом. Попытался подобраться к нему с одной стороны, потом с другой, но везде приходилось возвращаться, так как липкая жижа была повсюду вокруг и охраняла свою жертву, которая между тем уже обессилела и лежала неподвижно, начиная понемногу погружаться в могилу без дна.

Смилодон понял, что это место опасно. Зверь почуял, что попытка получить добычу, которая казалась столь легко достигаемой, может стоить ему собственной жизни. Поэтому, бросив еще один злой взгляд на коварное место и на конька, он развернулся и исчез в кустах, над которыми высоко в небе все еще кружил древний орел.

Когда смилодон скрылся в степи, с высокого дуба прямиком к мертвому жеребчику слетели два стервятника и уселись ему на спину. Но не успели они начать рвать своими острыми крючковатыми клювами мясо, как стрелой примчался огромный орел. Стервятники с полурасправленными крыльями и с угрожающе открытыми клювами были готовы защищать мертвечину.

Однако голодный орел не дал себя запугать и резко бросился на одного из падальщиков. Налетев со всей силой, он вонзил когти в тело врага и, нанеся острым клювом сильный прицельный удар, пробил тому череп.

Стервятник зашатался и свалился с конского хребта прямо в асфальтовую яму. Но при падении он увлек с собой и орла, который глубоко запустил свои серповидные когти в его тело. Орел дико забился. Брызги грязной воды высоко взлетели и мгновенно залили могучие крылья, так что уже нельзя было высвободить их из липких пут. И вот

теперь возле мертвого побежденного лежал живой победитель – его теперь не ожидало ничего кроме медленной смерти.

А пока угасала жизнь орла, на трупе конька пировал другой стервятник, жадно глотая куски мяса и очень неохотно делясь добычей со слетавшимися отовсюду остальными сородичами.

Молодые смилодоны росли не по дням, а по часам. Они уже давно не ловили одних только маленьких кроликов, но и ходили на охоту с родителями далеко в степь. Чем больше становились детеныши, тем самостоятельней они делались. Это уже были сильные и отважные звери, им не хватало только опыта старших.

Однажды случилось так, что молодой самец не вернулся в скальную пещеру. Он в тот раз покинул семью и гнался за несколькими небольшими газелями. Родители с оставшимся детенышем некоторое время наблюдали за его быстрым бегом – они знали, что это бесполезное, истощающее силы занятие, не приносящее желаемого результата, ведь на быстрых газелях нужно нападать из засады, а не преследовать их. Но взрослые звери не мешали своему отпрыску, словно бы хотели, чтобы тот поучился на собственном опыте. А потом семейство с осторожностью отползло подальше в степь, ожидая того, что выдохшийся от быстрого бега молодой самец скоро вернется и пойдет охотиться с ними. Но они не дождались его.

Юный смилодон скоро осознал бесцельность своей погони. Расстояние между ним и мчащимися газелями неуклонно увеличивалось. Он уже хотел было вернуться, когда вдруг за большим кустом увидел нескольких огромных милодонов, объедающих зеленые побеги с высоких веток. Смилодон прервал бег и дико зарычал.

Грозный рев, разнесшийся по степи, перепугал до смерти огромных и безобидных неполнозубых. Тупые глаза выражали безмерный ужас, животные в панике застыли на месте. Смилодон огромным прыжком обрушился на одного из них, прижал к земле и принялся терзать его саблевидными клыками. Предсмертный хрип погибающего милодона потрянул с его сородичей оцепенение и страх, так что они бросились бежать.

Когда смилодон увидел это, то оставил убитого им зверя и кинулся на другого. Этого он тоже повалил и безжалостно рвал своей пастью. А пока хищник жадно лакал теплую кровь, остальные милодоны скрылись в степи, тряся огромными неуклюжими телами, не приспособленными к быстрому бегу.

Молодой смилодон так набил себе брюхо, что по окончании трапезы забрался в кусты и долго отдыхал. Когда желудок переварил съеденное и голод выгнал хищника из зарослей, он снова ел мясо мертвых милодонов, отогнав нескольких стервятников и койотов.

Эти гуща кустов пришлась так по вкусу молодому саблезубу, что он уже не уходил оттуда.

Заросли, которые смилодон выбрал себе для нового логова, находились далеко от его родной скальной пещеры. До озера с асфальтовыми ямами тоже было не близко – зверь поселился на самом краю степи возле светлого древнего леса, тянувшегося на север в неоглядную даль.

Эти места сделались излюбленными охотничьими угодьями кровожадного смилодона. Кроме древних львов и больших древних медведей не было других зверей, на которых бы он не нападал. С неуголимой яростью хищник бросался на травоядных милодонов, мегалониксов и нотротериев – огромных, тупых и неповоротливых зверей из рода неполнозубых, совершенно беззащитных перед его дикими атаками. Стоковавшись порой по захватывающим погоням, он охотился на быстрых антилоп, диких лошадей и могучих бизонов, кочевавших по этой местности огромными стадами. Так из молодого

смилодона вырастала сильная опасная тварь, ставшая в скором времени истязателем и страхом всего края.

Но однажды случилось так, что хищнику долго не удавалось поймать добычу. Разозленный и голодный, он неожиданно встретил старого льва-одиночку. Оба зверя остановились и с оскаленными пастьями ненавидяще уставились друг на друга. Никто не желал уступить другому путь, но и напасть на неприятеля тоже никто из них не отваживался.

После напряженного выжидания старый лев отскочил в сторону и хотел мирно отправиться своим путем. Когда смилодон понял это, то сильно зарычал и с немыслимой яростью кинулся на него, потому что увидел в отступлении соперника страх и слабость. Но лев не дал себя в обиду – развернувшись, он начал не только защищаться, но и нападать.

В высокой траве разыгралась долгая и ожесточенная битва. Сильные когти и мощные зубы выдирали из тел противников куски мяса, тяжелые раны струились потоками крови, залившей красным все место побоища. Диким клубком звери метались туда и сюда – то один оказывался наверху, то другой. Они вставали на дыбы и сцеплялись в драке, образуя живую пирамиду, толкали и отбрасывали друг друга, страшно напрягая мышцы.

Стоило хищникам расцепить кровавые объятия, как их вздыбленные тела падали на землю и они опять бросались в драку. Песок и целые пучки травы летели во все стороны из-под лап борющихся тварей, а воздух оглашался их ревом. И снова клыкастые пасти вгрызались в сильной ярости, рвали кожу и плоть, а там, где били могучие лапы, на теле оставались глубокие кровавые борозды от острых когтей.

Бой поначалу был на равных – сила и ярость молодого смилодона противостояли опыту старого льва. Однако в ходе продолжительного поединка лев начал уставать; вместо нападений он лишь оборонялся и наконец попятился, покрытый многочисленными ранами.

И тогда смилодон высоко поднял одну из передних лап и сильным ударом по хребту свалил противника на землю. Дикая боль скрутила тело льва, на миг он даже потерял сознание. Когда же смилодон вновь кинулся на него, чтобы глубоко вонзить свои саблевидные клыки в шею, лев перекатился назад и нанес ему могучей пастью такую рану, что в ней даже обнажилась кость. Молодой хищник отпрянул, его кровь хлынула ручьем и красные капли оросили истоптанную траву.

Лев быстро вскочил и кинулся наутек.

Смилодон победно зарычал, но не стал преследовать убегающего. Он тоже был изнурен и обессилен лютой битвой. С кровоточащими ранами зверь медленно побрел к своему логову, а воздух сотрясал его рев, в котором трепетало чувство радости от собственной огромной силы и от первой большой победы над равным себе хищником.

Солнечные лучи заливали светом весь край и высушили воду в некоторых лужах. Травы высохли и бурыми клочками покрыли всю широкую степь. Дождь уже давно не поливал пыльную землю и тихие закаты земного светила не давали надежды на перемену погоды.

Однажды на окраине первобытного леса появился архидискодон – могучий древний слон с красиво загнутыми длинными бивнями. Это был редкий гость в здешних местах, случайно забредший сюда во время своих странствий. Гиганта мучила жажда, а еще он мечтал об освежающем купании. Поэтому, увидев блеснувшую вдали гладь озера, он тут же направился туда. По мере приближения тяга к воде все быстрее гнала вперед архидискодона.

Когда слон добрался до опасных берегов озера, он не умерил свою спешку и даже не проявил осмотрительность – ведь бедняга не знал о коварстве этого места. Так и случилось, что архидискодон внезапно провалился в одну из асфальтовых ям. Огромный вес утянул животное глубоко в липкую жижу, а последствием безнадёжной попытки освободиться было то, что тело слона завалилось набок и не могло пошевелиться. Маленькие глазки в ужасе перебегали с места на место, словно ища путь к спасению. Но все тщетно! Несчастный слон поднял голову и его жалобный вопль разнесся над краем.

Смилодон, как раз охотившийся в это время, сейчас же его услышал. Звук был хоть и слабым, но хищник со своим острым слухом уловил его и из такой дали. Смилодон остановился, долго нюхал воздух и прислушивался. Потом он помчался к месту происшествия и быстро оказался там, ведомый жалобными воплями.

Приблизившись к озеру, хищник увидел перед собой неведомого большого зверя, беспомощно лежащего на земле. Смилодон был все еще молод и неопытен, потому этот вид не стал для него предостережением, как случилось с его отцом. Он видел большую, беззащитную и легко достигаемую добычу. А это означало уйму теплой крови и мясо в избытке на несколько дней.

Огромным прыжком смилодон кинулся на древнего слона. Запустив когти в толстую кожу на боку, зверь вонзил с размаха свои клыки-сабли в шею жертвы. Ослабевшее тело архидискодона обожгла сильная боль. Последним усилием он приподнял голову, обхватил хоботом переднюю лапу напавшего хищника и сильно сжал ее. Ошеломленный неожиданной силой и ловкостью добычи смилодон соскользнул с бока протослона и его задние лапы глубоко увязли в измазанном их липком асфальте. Он был пойман и обречен.

В ужасе, которого прежде никогда не испытывал и который теперь целиком им овладел, хищник без устали вонзал свои клыки в тело архидискодона и раздирал ему острыми когтями хобот и голову, терзал слона до изнеможения. А вместе с покинувшими его силами смилодона покинула и его ярость; наконец зверь впал в апатию, из которой его был неспособен вывести даже запах теплого мяса, лежащего перед ним, таким голодным, в таком количестве. Он ощутил бессмысленность всего этого.

Солнце медленно склонялось к западу. Но прежде чем скрыться за горизонтом, оно полило золотом и багрянцем небо, несколько последних лучей осветили и помутневшие глаза смилодона. И вдруг, будто этот свет сумел воспламенить последнюю искорку его угасающей жизни, зверь поднял голову, огляделся напоследок вокруг и коротко взревел. Потом голова его вновь упала, а тело передернулось – саблезуб встретил свою погибель.

Край затих. Лишь где-то далеко у горизонта затихали протяжные отзвуки этого предсмертного крика.

Когда на небе показались первые звезды, перед мертвым смилодоном и истерзанным трупом архидискодона полукругом расселись тощие протокойоты. Их голодные глаза светились в темноте ночи, а пронзительный вой разносился в тишине. Они сидели рядом с громадной кучей мяса, но не могли подойти к ней – койоты прекрасно знали о коварстве асфальтовой топи, которая никогда безнаказанно не отпускала своих жертв.

Они еще долго не уходили. Лишь когда оба тела исчезли в бочаге словно в могиле без дна, койоты перестали выть и как тени исчезли в степи.

Далеко оттуда, посередине болота сидел на ветви полузасохшего дерева черный ворон и тихо дремал. Он тоже наблюдал гибель смилодона и архидискодона. Но это не потревожило его дрему. Он видел здесь много смертей и знал, что увидит их еще немало, прежде чем закончится его собственная жизнь – он, старый черный ворон из древних времен, предупреждающий знак хмурого болота и коварного озера смерти.

ОХОТНИКИ НА ПЕЩЕРНЫХ МЕДВЕДЕЙ

По узкому ущелью между высоких холмов протекала река. Ее чистая, но студеная вода стремглав неслась по руслу. Она билась о скалистые берега или омывала луга в тех местах, где у ущелья было широкое плоское дно, дробила их, разрушала и уносила с собой обвалившиеся куски. Комья глины сразу же размывались в тонкий ил, куски скал течение волочило по дну и так долго шлифовало их острые грани на песчаных косах, что в конце концов они превращались в плоские или круглые валуны.

Весной, когда в горах таял снег и со всех сторон вниз мчались грязные потоки, река превращалась в дикую и опасную быстрину, которая с необычайной стремительностью мчалась вперед – она опрокидывала и уносила все, что попадалось на пути. В это время она выходила из берегов, заливала мутной водой часть дна долины и растекалась по зеленеющим лугам с нежными цветами подснежников и шафрана.

Столь же грозной река делалась и в конце осени, когда пасмурными днями хлестали сильные ливни или когда тихий дождь подолгу падал из серых туч, тяжело клубившимися над верхушками холмов, окутывавших их густой завесой мутного седого тумана.

В эти времена года – весной и осенью – река мчалась по ущелью с безмерною дикостью и силой. Она шумела, гудела, а водная гладь превращалась в хаотичное скопище убегających и перекатывающих волн, так что там, где раньше виднелся вспененный гребень, мгновеньем позже зияла глубокая яма, из которой уже нарождалась новая волна. С диким воем и шипением поток несся вперед, не зная преград. Волны бешено налетали на стоявшие в потоке скалы, разбивались о них,

бесчисленными серебряными каплями разлетались во влажном воздухе и затем горстями белоснежных жемчужин с тихим шелестом падали обратно к подножиям скал на берегу, где исчезали в быстрой пенной воде.

Однако река быстро успокаивалась. Ее вода спадала и поверхность разглаживалась. Угрожающий гул волнобоя сменялся веселым плеском, сливавшимся с шутливым бульканьем на перекатах, с тихим шелестом трав и кустов и с загадочным шумом лесов, покрывающих склоны гор, которые возвышались по обеим сторонам ущелья.

В краю наступила чудесная весна. На фоне темных хвойных лесов ярко выделялась нежная свежая зелень лиственных деревьев и кустарников, пробуждающихся от зимнего сна к новой жизни. Луга зазеленели молодой травой, в ней красовались пестрые цветы первых весенних растений.

Весь край благоухал упоительными ароматами весны.

Высоко над рекою, посредине могучей горы, в известняковых скалах темнело отверстие. Это был вход в огромную пещеру, которая тянулась далеко в каменные недра. Маленькая площадка перед ней поросла ковром зеленой травы. Из скальных трещин и расселин выглядывали пышные пучки раскидистых папоротников, в их тени прятался высокий мох. На склонах горы шумел буковый лес, его маленькие полянки покрывали буйно цветущие заросли малины и ежевики.

Весеннее солнышко согревало все вокруг, в тенистых сырых уголках растаяли последние остатки слежавшегося снега. Внезапно из темноты отверстия выбралась громадная, но очень тощая пещерная медведица.

Она была на добрую треть больше своих современных бурых родичей. Передняя половина тела выглядела гораздо мощнее задней, а огромный череп выделялся круто скошенным лбом. Морда была короткой, словно бы резко обрубленной, чем-то сходной с мордой крупного бульдога.

Медведица тихо и постепенно вылезала из пещерной тьмы. Когда она приблизилась к самому входу, то остановилась, начав нюхать воздух. Затем прошла немного, внимательно поглядев по сторонам. Но всюду было тихо, ни одна тень не шевельнулась.

Без долгих размышлений медведица быстро пересекла маленькую площадку перед пещерным входом и скачущим галопом сбежала по склону к ближайшей поросли. Едва добравшись туда, она начала жадно срывать сочные молодые листочки, которые торопливо пожирала прямо вместе с веточками. Ела неразборчиво, не так как обычно; по всему было видно, что она спешит насытиться.

И это действительно оказалось так. Как только медведица немного утолила голод, то сразу же заторопилась снова наверх к пещере и быстро скрылась в ее темноте...

Несколько месяцев тому назад она нашла здесь прибежище. Когда поздней осенью вой первых снежных вьюг огласил приближение зимы, а студёный северный ветер впервые пронёсся над краем, медведица отправилась к пещере. Остановившись на маленькой ровной площадке перед входом, она огляделась. Вид был мрачным. Вершины гор скрывали серые тучи, а в ущелье над рекой клубился холодный туман.

Медведица стояла какое-то время неподвижно и внимательно разглядывала все вокруг. Она прощалась на долгое время с горами, ущельем и дикой рекой, не могла насмотреться на край, в котором уже несколько раз спокойно провела прекрасную весну, тёплое лето и щедрую осень.

А потом она тихим и степенным шагом вошла в пещеру. Но когда сумрак возле входа начал переходить во тьму подземных ходов, медведица вдруг развернулась и резвым бегом опять выскочила наружу. Она подошла к самому краю и широко раскрытыми глазами взирала на сумерки пасмурного осеннего вечера, как бы прощаясь со светлым днём, который надолго заменит темнота пещеры во время единственной долгой ночи зимней спячки.

Когда вечерние сумерки начали уступать напору тьмы приближающейся ночи и ледяной ветер принялся кружить снежинки в дикой пляске, медведица развернулась и снова зашагала к пещерному входу.

Миновав его, она осторожными шагами без устали шагала вперед сквозь тьму. Во влажной почве остались отпечатки могучих лап, которые были отнюдь не единственными. Их имелось тут с избытком, так как многие медведи и медведицы шли тем же путем несколько дней тому назад.

Она огибала огромные валуны, упавшие с потолка пещеры, обходила их и перелезала сверху, взбиралась на крутой склон, на котором ее лапы скользили, а вниз с грохотом катились камни, если она на них случайно наступала.

По склонам идти было еще хуже. Куски известняка выскакивали из-под лап, сыпались вниз, их грохот гулко разносился в темноте просторной пещеры. Иногда медведица поскальзывалась и съезжала вниз на тяжелом задку в лавине камней – так долго, пока не удавалось вцепиться мощной хваткой в какую-нибудь большую глыбу, крепко сидящую в скальной осыпи.

Когда она наконец опять очутилась на ровном дне пещеры, то обозленно зарычала, словно бы ругаясь на тяжелый путь. Но это не заставило ее отказаться от дальнейшего шествия через подземную тьму.

Теперь медведица шла по узкой глинистой тропинке возле стены пещеры. Двигалась она тихо и осторожно, чтобы не удариться головой о какой-нибудь из множества торчащих скальных выступов. Эта часть пути тоже была пройдена благополучно.

Внезапно уши медведицы уловили в пещерной тишине тихое журчание. Она прибавила шагу и вскоре достигла громадной стены из валунов, перегораживающих поперек всю пещеру. Из-за больших трещин, пронизывающих слои известняка, потолок пещеры здесь когда-то обрушился и его обломки перекрыли проход. Сильный ключ чистой ледяной воды бил из одной расселины, он образовал на скальном дне маленький ручеек, быстро исчезающий в стене из валунов.

Медведица взобралась на первую глыбу, с нее – на следующую и так все дальше и выше, пока не долезла до самого верха. Без труда и долгих размышлений она спустилась по валунам на другую сторону и вскоре уже стояла за стеной возле маленького ручейка.

Она была не одна. Здесь уже отдыхали несколько других медведиц – кто в одиночку, кто с маленькими детенышами в возрасте меньше года. Она зашагала к ручейку, напилась и, коротко осмотревшись, остановилась под небольшим скальным выступом. Внимательно изучив место со всех сторон и убедившись, что там достаточно сухо и от него недалеко от воды, она решила провести здесь зиму.

Медведица улеглась на землю, вытянула свои могучие передние лапы, положила на них большую голову и начала дремать. Повсюду царили непроглядная тьма и тоскливая тишина, нарушаемая лишь слабым журчанием ручейка и спокойным урчанием время от времени переворачивающихся с боку на бок медведиц. Иногда слышался тихий и короткий крик маленького медвежонка, если ему слишком живо снилась веселая возня, в которой он много раз летом принимал участие вместе со своими друзьями.

Но прежде чем медведица впала в спячку, случилось еще кое-что. Со стены из огромных валунов осторожно спускался вниз к ручейку крупный, но еще молодой самец. Как только он оказался там, из темноты раздалось злобное рычание медведицы и оно не умолкало, а наоборот, становилось все громче и сердитей. Разозленная медведица поднялась, опасно скаля зубы, а ее глаза зловеще светились в темноте.

Молодой самец остановился и с удивлением наблюдал за ее странным поведением. Когда же и остальные рассерженные самки, чья спячка или дремота была нарушена, встали на ее сторону и поддерживали своим рычанием, то недоумевающий медведь начал отступать и как только уперся в край стены, тут же быстро запрыгнул на нижний валун и, не оглядываясь, скрылся.

А медведицы снова обрели покой и никакой чужак больше не прерывал их мирный сон в закутках за каменной стеной возле ручейка, который издавна принадлежал только им и их маленьким медвежатам.

И вот пещерные медведи впали в глубокую спячку в темных подземных покоех, в то время как снаружи над вершинами гор собирались темные тучи, а деревья беспомощно шатались и гнулись в гуде ветра, их стволы издавали страшный треск под его напором.

Когда ветер стих, из свинцово-серых туч начал падать снег. Тяжелые крупные хлопья тихо и плавно опускались словно белые медленные мотыльки. Сперва редкие, потом – все гуще и гуще, так что все – свет и тьма, небеса и земля – исчезло в завесе из снега.

А он все падал и падал...

Снег собрался в огромные сугробы, искрящиеся солнечным днем или в лунной ночи алмазным светом мелких ледяных кристалликов, грудками облепил ветви деревьев, которые ломались под его весом, занес овраги, ущелья и наконец закрыл вход в пещеру кучей огромного размера.

Повсюду кругом блестело белое снежное покрывало, под ним лишь нечетко угадывались темные контуры заметенного леса. Воздух обжигал морозом, проникающим в каждый уголок гор. Повсюду было тихо, мертво и пусто. Лишь треск сломанных снегом ветвей порой пролетал по печально молчащему лесу и тут же исчезал в его глуши.

Зима захватила власть над краем, суровая и немилосердная ко всем живым тварям.

Но пещерным медведям было хорошо. Снаружи ярились снежные вьюги или свирепствовали трескучие морозы, а в подземных залах держалось тепло и зверям все время приятно спалось. Их не заботили метели и стужа. В своей глубокой спячке медведи грезили о красотах новой весны, о благодати лета и о сытной щедрости осени. Они лежали во тьме пещеры тихо и неподвижно.

Лишь очень редко, когда один бок затекал от лежания на нем, звери переворачивались на другой и мирно продолжали спать.

Чем дольше медведи находились в спячке, тем скорее шла на убыль зима. Снег начал таять и превратился в воду, хлынувшую бесчисленными струями и ручьями. Текущие потоки ломали лед, река уносила с собой острогранные льдины и в тех местах, где натыкалась на препятствия, воздвигала из них высокие барьеры.

Но зима не желала так легко уступать. С вершин высоких, покрытых льдом гор она дышала на сумрачный край студеным холодом, который по вечерам усиливался до жгучего мороза и превращал водянистый снег в сплошной ледовый слой синеватого цвета. Она пригоняла сильными ветрами серые тучи и окутывала ими все небо вместе с пригревающим солнцем. А когда оттуда повалил новый снег, его хлопья, пролетая в воздухе с печальным шелестом, опять быстро покрыли весь край.

Деревья вновь стонали под белой тяжестью. Овраги и расселины опять занесло сугробами. Но как только вьюга все это наметала, так тут

же снова разбрасывала. Вверх возносились высокие столбы снежных хлопьев, вращаемые и закручиваемые сильными вихрями, превращаясь в конце концов в клубы белой пыли. А метель швыряла их на землю и громоздила новые сугробы.

В вихрях разбушевавшейся снежной бури разносился угрожающий рев северного ветра, зима словно бы кичливо ликовала из-за своей временной победы.

Но так мело уже очень недолго. Новые ветры с юга рассеивали тучи, встряхивали их, разгоняли во все стороны и на лазурном небе опять светило солнышко. Оно озаряло своими золотыми лучами заснеженный край, упиралось ими в голые скалы, освещало закутанные в белый покров леса и согревало все кругом.

Побежденная зима уползала в глубокие тенистые овраги и расселины, в узкие ущелья и русла. Она съеживалась там в расползающихся кучах тающего снега, становившихся все меньше и меньше, и как будто бы плакала тысячами ручейков из-за своих поражения и гибели.

Как раз в то самое время, когда зима начала уступать весне, медведица пробудилась из долгой спячки. Она беспокойно вертелась, громко пыхтела, а когда немного погода открыла глаза, то тут же снова их закрыла, ведь сон все еще смеживал ее веки. Но чем больше просыпалось сознание, тем настойчивее оно побуждало спящую медведицу стряхнуть с себя дремоту.

Тем не менее, прошло еще немало времени, прежде чем она очнулась, подняла голову и широко раскрытыми глазами оглядела темноту пещеры. Медведице было хорошо, но вставать не хотелось, она лишь лениво потягивалась и ворочалась. А когда чуть позже опять положила голову на передние лапы и зевнула во весь рот, ей подумалось – а может, опять закрыть глаза, свернуться и еще немного поспать?

Медведица раздумывала и так и эдак, когда вдруг услышала, как одна из ее товарок где-то в темноте жадно лакает воду. Быстро встав на лапы, она потянулась и тоже осторожно направилась к маленькому ручейку. Через несколько шагов медведица наклонила голову к его поверхности и долго пила.

Она уже утолила жажду, но еще вдобавок погрузила в воду раскрытую пасть и дала студеному потоку протекать сквозь нее, он обмывал и очищал нёбо и удалял всякие неприятные запахи.

Холодная ключевая вода приятно освежила медведицу. Она чувствовала себя умиротворенной, когда снова улеглась в сухой уголок под скальным выступом. Улеглась, но не заснула.

Беспокойно ворочаясь с боку на бок, медведица сопела и тяжело переводила дух, но глаза ее не закрывались. Нет, ни в коем случае! И так продолжалось несколько дней. Медведица чуяла, что это неспроста, что

произойдет нечто – нечто удивительное, прекрасное и приятное, нечто такое, из-за чего все ее тело уже пару дней тихонько дрожало. Так терпеливо она и ждала, пока не настал урочный час, когда она стала уже не одна на этом свете.

Миновало еще несколько дней и тогда свершилось то самое необыкновенное чудо. В темной пещере раздалось слабенькое поскуливание. Это два маленьких медвежонка огласили свое появление на свет. Они были слепыми и совсем беспомощными. А какими крошечными! Каждый из них поместился бы на раскрытой ладони. Они были нисколько не больше новорожденных бурых медвежат, хотя взрослые пещерные медведи по мощи и величине превосходили их современных родичей по крайней мере на треть.

Огромная мать с нежностью облизывала обоих своих детенышей длинным языком, избавляя таким образом их хрупкие тельца от всяких нечистот. А когда медвежата начали издавать тихие, но жалобные крики, то медведица, как бы поняв их желание, улеглась на бок и не двигалась. Она быстро почувствовала, как каждый из детенышей захватил маленьким ртом сосок и принялся пить сладкий материнский нектар.

В течение последующих дней медведица почти никуда не отходила от своих малышей. Лишь иногда отбегала к воде, чтобы быстро напиться и таким образом восполняла причиненную кормлением потерю влаги, но и то удалялась лишь на несколько шагов и сразу же возвращалась.

А между тем снаружи, на горах и в долинах, все изменилось до неузнаваемости. Теплый южный ветерок и жаркое солнышко растопили последние остатки мокрого снега на самых затененных холмах и прогнали морозы далеко на север. Все ущелье покрылось свежей живой зеленью травы с золотыми пятнами калужниц и первоцветов, с белым налетом подснежников и белоцветников, с синими ковриками перелесок и с целыми лугами шафрана, цветущих розовым и фиолетовым.

На ивах и лесных орехах висели сережки. Ветер шумел в лесу, словно бы восславлял приход весны и конец зимы, словно бы хотел поприветствовать пробуждающуюся жизнь после долгих месяцев снежных дней и морозных ночей.

В это время медведица впервые оставила своих детенышей и поспешила сквозь пещерную темноту к свету и теплу весеннего дня. Но прежде чем выйти наружу, она остановилась и принюхалась. А потом быстро побежала, направившись к близлежащему ивовому кусту. Она вломилась в него с такой силой, что под ее весом ломались ветки.

Без долгих размышлений и без всякого разбора медведица бросилась к первому же побегу и начала есть. Забота о медвежатах не позволяла ей выбирать одни лишь сладкие и рассыпчатые сережки, а то процесс насыщения после долгого зимнего поста занял бы слишком много времени. Поэтому она поспешно глотала целые веточки и как только немного утолила голод, тут же, полусытая, опять побежала к

пещере и потом по ее темноте – к ручейку за каменным валом, где под скальным выступом ее ждали маленькие медвежата.

Она не обращала внимания на трудный и изнурительный путь, забыла про осторожность в темноте. Медведица без устали быстро мчалась вперед, чтобы поскорее вернуться.

А когда в конце концов, вся запыхавшаяся, она перелезла через каменный вал, то очутилась опять перед скальным выступом. Медведица быстро скользнула под него и довольно ласкала там своих потомков, которые терлись об ее лапы и нежно лънули к ней. Малыши радостным визгом давали понять, как они счастливы, что рядом опять мама – их кормилица и защитница.

И опять прошло время. Медведица несколько раз бегала из пещеры наружу, чтобы немного поесть. Но всегда быстро возвращалась назад, ведь материнская забота была сильнее голода. При этом она делала такие вылазки не всегда в одиночку, а почти каждый раз с какой-нибудь из своих подруг, тоже дождавшейся собственной радости.

Место за каменным валом издавна занимали только медведицы, способные всегда защитить его от любого незваного гостя. Медведи-самцы знали, что путь туда им заказан и предпочитали огибать его и не тревожить покой самок.

А молодые самцы, которые там родились или провели вместе с матерями свою первую зиму, по возвращении в это место бывали неприятно удивлены тем, что самки уже не позволяли им залечь здесь в спячку. Если предупреждающего рычания оказывалось недостаточно, то на нарушителя кидались с разинутой пастью и тот, уразумев серьезность ситуации, хотя и не понимая причины, предпочитал пускаться наутек.

Неопытный молодой самец потом долго блуждал во тьме пещерных лабиринтов, пока не находил какой-нибудь сухой закуток, где можно было переспать зиму. Он долго раздраженно ворочался и не мог уснуть, ведь и в дремоте ему виделись разинутые пасти непонятно чем разозленных медведиц. Но опыт учит мудрости. На следующую зиму он уже издалека огибал то место и, съездившись где-то в просторном коридоре под нависающей стеной, быстро погружался в крепкий сон.

А то, что стало понятно ему, дошло и до всех прочих самцов, ведь медведицы неустанно и бдительно охраняли свое королевство. Ведь для них, косматых мамаш, это было наилучшее и удобнеее место во всей пещере. Могучий каменный вал обещал защиту, а источник чистой воды находился поблизости, так что в первое время для утоления жажды не нужно было далеко уходить от новорожденных детенышей. Потому-то в этом месте и при таких заботах медведи были медведицам только в тягость, а для своих маленьких потомков даже и небезопасны, ведь имелась вероятность того, что пока заботливые мамы выбегали утолить невыносимую жажду или непреодолимый голод, самцы могли как-то

обидеть или даже сожрать малышей. Во избежание подобного самки и защищали от них эту часть пещеры.

Когда медведица предпринимала свои новые вылазки за едой, то лакомилась в молодой поросли неподалеку от входа пещеры тонкими веточками с сочными листочками. Ей казалось, что уже пришло время вывести свое обожаемое потомство из подземной темноты к теплу и свету – крохотные слепые медвежата уже превратились в шустрых непосед, которым не хватало только согревающего солнышка.

А ведь снаружи было уже так красиво и повсюду столько лакомств!

И потому медведица решила завтра же вывести своих детенышей наружу.

Как только все немножко поспали, мать-медведица отправилась в путь. Она спустилась к ручейку, напилась из него и затем загашала к каменному валу. Когда мать убедилась, что медвежата не идут за ней, то вернулась и нашла их съезжившимися под скальным выступом. Медведица ласковым материнским урчанием подозвала их к себе, а потом начала потихоньку подталкивать их вперед своей большой головой. Поведение их матери поначалу показалось медвежатам удивительным и непонятным, но потом они очень обрадовались, когда сообразили, что она хочет, чтобы они пошли следом.

Детеныши маленькими шажками семенили возле медведицы, прижимаясь к ее мохнатым лапам. Однако огромные валуны каменной стены стали самым первым препятствием на их пути. Медведица обошла ее всю, выискивая место, где можно было бы легче и удобнее всего провести малышей. Но всюду из пола пещеры торчали огромные валуны, на которые медвежата не могли вскарабкаться, как бы ни пытались.

Однако мать быстро решила проблему. Она по очереди нежно ухватила детенышей сильными зубами за косматую шубку и перенесла на нижний валун. Потом заскочила на него сама, а когда выяснила, что наверх ведут камни меньшего размера, высматривала самые удобные подъемы между ними. Отыскав их, она подталкивала к ним медвежат, головою и лапами помогала им залезть наверх и когда детеныши оказывались на какой-нибудь маленькой площадке, с которой они не могли свалиться, лишь тогда сама следовала за ними. Вот так мать постоянно помогала им, пока все не перелезли через каменный вал.

Когда они счастливо и без происшествий очутились на другой стороне, то после небольшого отдыха продолжили свой путь, ведущий по узкой глинистой дорожке возле стены. Малыши-медвежата без конца путались у матери под ногами и мешали ее тихим и осторожным шагам. Но медведицу это не волновало. Она радовалась, что оба медвежонка находятся рядом. Ей не нужно было следить, что кто-то из них потеряется в темноте и его потом придется искать.

Хотя медведица с медвежатами шли тихо и весьма осторожно, но ровная глинистая дорожка быстро закончилась. Не успели они опомниться, как оказались перед каменистым склоном, где пролегалась последняя часть их пути к солнцу. Медведица хорошо знала об ожидающих трудностях. При лазании по склону вниз сыпались лавины каменных осколков, утаскивающих с собой и тяжелые медвежьи тела.

Поэтому мать оставила детенышей возле стены пещеры под каменистым склоном, а сама начала искать у его подножия самый легкий проход. Медведица уже прошла его во всю ширь, но подходящее для подъема место так и не нашла. Лишь в конце, у противоположной нависающей стены медведице показалось, что она отыскала нужное. Камень-известняк здесь был сильно перемешан с влажной липкой глиной, которая затвердела и ссохлась. И склон здесь не был таким крутым. Тем не менее, медведица сначала сама решила испытать этот путь, ей еще не доводилось по нему ходить. Не спеша и осторожно она лезла по пологому склону и не успела опомниться, как уже без всяких приключений добралась до самого его верха. Немного постояв там, медведица неспешно перешла на другую сторону.

А медвежата тем временем тихонько дожидались мать. Они были рады этому отдыху, ведь путешествие по каменным откосам и узким глинистым дорожкам их уже порядком утомило. Малыши еще не привыкли к таким долгим странствиям. За каменной стеной, в месте своего рождения, они только бегали по логову медведицы, а когда хотели показать своей мохнатой маме, как хорошо они умеют это делать, какие они смелые и вообще молодцы, то добирались всего лишь до близкого ручейка. Но, едва смочив нем свои нежные лапки, быстро разворачивались и тут же спешили к маме, которая приветствовала их умиротворенным урчанием. А потом они дурачились и возились возле нее, залезали ей на спину и с веселым визгом съезжали как с горки по ее бокам или могучим лапам вниз на землю, боролись друг с другом и дружно играли, так что в конце концов, уставшие, льнули к лежащей медведице и крепко засыпали.

И теперь долгое путешествие так утомило маленьких медвежат, что они были бы рады поспать хотя бы минутку. Но страх превозмогал дремоту. Они были здесь одни, в незнакомом уголке пещеры. Потому медвежата жались друг к дружке возле стены, положив маленькие головки на вытянутые передние лапки и ждали возвращения мамы.

Внезапно во тьме и тишине пещеры раздался треск падающего камня, а сразу вслед за ним – какой-то тихий топот. Медвежата вскочили и напряженно вслушивались. Топот все приближался, становясь чем дальше тем явственней. Неожиданно он смолк и испуганные медвежата увидели неподалеку от себя неясный силуэт какого-то крупного зверя; его глаза с отблеском трусливой жестокости зеленовато светились в темноте.

Медвежата в упор глядели на пещерную гиену и их маленькие сердечки громко стучали от страха и ужаса. Прижавшись друг к другу, они неподвижно ждали, что будет дальше. Детеныши правильно поняли, что внезапно появившийся перед ними зверь не замышляет ничего хорошего, потому что он выглядел совсем иначе чем их мама. Его горящие глаза смотрели не ласково и радостно, а жадно и жестоко. Страх охватил бедняжек так сильно, что им даже не пришла в голову спасительная мысль – позвать мать на помощь!

Но и пещерная гиена стояла без движения и не отваживалась накинуться на маленьких медвежат. Их молодые и нежные тельца пришлось бы ей весьма по вкусу, ведь она после своей зимней спячки где-то в глубинах пещеры изрядно проголодалась, но опыт призывал зверя к осторожности. Старая и хитрая тварь хорошо знала, что такие маленькие медвежата не могут ходить в одиночку, а находятся под охраной и опекой матерей, с которыми шутки плохи. Поэтому гиена начала высматривать взрослую медведицу, но как ни напрягала глаза и уши, нигде в темноте не смогла ее обнаружить. Это было странно, в хищнице начала расти жадность из-за легкой добычи.

Гиена выждала еще чуть-чуть и когда медведица так и не объявилась, то ей пришло в голову, что, возможно, мать медвежат ушла куда-то далеко, оставив детенышей ждать ее здесь. Но опыт сразу же подсказал хищнице, что это глупая идея – где бы ни находилось их логово, медвежата слишком близко к пещерному входу и они уже достаточно большие, чтобы ходить вместе с матерью. Тем не менее, голод вместе с алчностью победили накопленные знания.

Гиена тихими шагами начала приближаться к перепуганным медвежатам. Их полные страха глаза все яснее распознавали жестокое и хищное выражение пятнистой морды твари и широко разинутую жадную пасть, полную крепких желтоватых зубов. И в этой ситуации один из малышей издал испуганный вопль, полный страха и ужаса, разнесшийся далеко по темным подземным просторам.

Он еще не успел затихнуть, а на каменистом склоне уже раздался гневный рев, прозвучавший в подземелье как раскаты грома. И опять послышался грохот падающих камней. Они кучами сыпались со склона, по которому подобно разъяренной фурии мчалась медведица на помощь своим детенышам. Ей не заботило то, что она катится вниз, раздирая о

камни когтистые пальцы, все это было незначительным по сравнению с опасностью, грозящей ее ненаглядным малышам.

Медведица в один миг оказалась наверху склона, двумя скачками преодолела всю его длину и уже неслась к медвежатам. Ее лапы поскользнулись и тяжелое тело быстро съезжало вниз в лавине

падающих камней. Едва встревоженная мать достигла глинистой дорожки, как в несколько прыжков оказалась возле детенышей.

Медвежата радостно визжали, когда увидели рядом свою добрую маму. Они ласкались к ней, терлись о могучие лапы и засеменили маленькими шажками следом, когда разъяренная медведица пустилась в погоню за трусливой гиеной. Но та сразу же умчалась без оглядки, услышав ее первый рев.

Медведица быстро прекратила напрасное преследование. Вернувшись вместе с детьми к каменистому склону, она без всяких хлопот провела их разведанным путем.

А потом они шли дальше навстречу солнцу.

Внезапно далеко впереди из тьмы вынырнула маленькая светлая звездочка. Ее отблеск коснулся глаз медвежат, затрепетал в них и потом уже беспрерывно вел малышей влажным и темным подземельем к новому свету, к свету зелени и солнца...

Медведица остановилась, прежде чем выйти из пещеры, а рядом послушно замерли медвежата. Их мать стояла неподвижно и внимательно разглядывала площадку перед входом. Не заметив ничью мелькнувшую подозрительную тень, она осторожно шагнула вперед, а за ней нетерпеливо затопало ее потомство. Медведица внимательно нюхала воздух, изучала любой след и лишь когда убедилась, что все в порядке и что детям ниоткуда не грозит опасность, нежным урчанием разрешила медвежатам выбежать из пещеры.

Те с радостью ее послушались. Детеныши весело проскочили через вход, а когда оказались на маленькой площадке перед пещерой, оцепенели от изумления при виде окружавшей их со всех сторон красоты. Вытаращенными глазами они глядели на высокие горы, на длинное ущелье с шумливой рекой, на огромные деревья, густые кусты

и зеленый ковер трав с пестрой мозаикой цветущих растений. Малыши не знали, на что им сначала посмотреть, что им сначала понюхать, ведь повсюду вокруг было столько интересных, заманчивых вещей и все они были для них новыми и прекрасными. А над всем этим великолепием светило солнышко и тихо разносился шум дремучих лесов.

Медведица с любовью смотрела на своих детенышей, изумленных красотой и яркостью только что увиденного мира. Она радовалась их удивлению и, возможно, в эти минуты в ее голове возникло воспоминание о временах собственного детства, когда она сама ошарашено таращила глаза, после того как мать вывела ее из сырой тьмы подземелья в мир, полный солнечного тепла и света.

Когда маленькие медвежата опомнились от ошеломления, в которое их повергла красота края, медведица направилась в путь к ущелью. Она начала не спеша слезать со склона горы, а за ней топали детеныши.

Поначалу все шло хорошо. Склон был не особенно крутым и повсюду росли низкие кустики или крепкие пучки трав, за которые всегда можно было крепко ухватиться, если вдруг поскальзывалась одна из лап.

Хуже стало там, когда добрались до места, где начинались голые, дико разбросанные скалы, между ними в глубокой расселине вилась узенькая крутая тропка. Но то был единственный возможный переход через известняковые утесы. На плечи медведицы легла большая забота – она видела, как сильно тропка идет под уклон. О себе она не беспокоилась, потому что ходила здесь уже бесчисленное число раз. Мать боялась за медвежат, как бы с ними на крутом пути не случилось несчастье.

А те, не подозревая о коварстве дорожки, отважно начали спускаться по ней вниз. Но уже через несколько шагов поняли, что тут их ожидает трудное путешествие. На гладких скальных площадках лапки медвежат скользили, широко разъезжались в разные стороны, будто бы недовольные тем местом, куда их ставили, словно отказываясь служить своим хозяевам. Хорошо еще, что тропку покрывали многочисленные мелкие трещины и разломы, малыши цеплялись за них и тем самым удерживались от падения. Но там, где их не было, поминутно кто-нибудь из медвежат срывался и врезался в другого так сильно, что тот валился с ног и прежде чем опять надежно встать на лапы, они сплетались в клубок, толкались и злобно рычали друг на друга.

Так, с маленькими неприятностями и перебранками преодолели больше половины скверной дороги между изломанными скалами. Еще чуть-чуть, и они окажутся в высоком сосновом лесу, где по мху и хвое можно легко спуститься в ущелье, к которому они направлялись.

Медведица была рада, что они прошли без приключений такую большую часть пути по коварной дорожке, но бдительность все равно не

теряла, так как знала, что нужно одолеть по ней еще кусок, а беда никогда не дремлет.

И оказалось, что медведица опасалась не зря!

Сделав несколько шагов, они пришли к месту, где из расселины на поверхность вытекала вода и разливалась по скале. Как только медвежата наступили на мокрый камень, то сразу поскользнулись, не смогли ни за что уцепиться и словно два мохнатых шарика быстро покатались по крутой тропинке вниз, к сосновому лесу.

Не успев опомниться от испуга, малыши врезались в могучие стволы старых деревьев и прежде чем они смогли начать жалобными голосами звать свою маму, как она уже оказалась рядом с ними – медведица мчалась за детенышами длинными скачками, чтобы обогнать их и остановить. Медвежата оторопело смотрели на мать и когда увидели, как та внимательно осматривает их со всех сторон, обнюхивает и облизывает, тут же запоздало разразились громкими воплями, которые поначалу совсем не могли издать из-за страха и потрясения. Но когда медведица убедилась, что ничего плохого с ними не случилось, то успокоено зарычала, не обращая внимания на жалобы деток. Таких историй с синяками и ушибами у непоседливых шалунов будет еще в избытке.

Когда медвежата поняли, что мать не собирается их жалеть и утешать, то перестали хныкать и жаловаться и весело засеменили за ней.

В считанные минуты семейка прошла лесом к цветочному лугу дальше в ущелье. Медведица направилась к реке и когда отыскала низкий и пологий участок берега, начала с жадностью пить. И медвежата тоже смочили в холодной воде свои маленькие мордочки – им просто необходимо было узнать, что же такое вкусное пьет их мама.

Медведица утолила жажду и зашла с детенышами в буковую поросль, где все они кормились мягонькими и сочными листочками. Семейка так наелась, что дружно захотела спать. А поскольку солнышко начало понемногу заходить, медведица привела своих детенышей в лес, где и улеглась в тихом уголке. Малыши прижались к матери, уткнули свои носики в ее мохнатую шерсть и закрыли глазки. А когда высоко над ними засверкали первые звезды, прежде чем из-за вершин гор и невероятных глубин Вселенной большим серебряным цветком выплыла луна, медвежата уже давно спали.

И спали они крепко и долго...

К утру, когда месяц побледнел и звезды исчезли в белой заре восходящего солнца, все трое проснулись. Медвежата зевали и потягивались, но потом шустро вскочили, потому что сильно проголодались и пошли с мамой искать вкусную еду.

Далеко идти им не пришлось. Повсюду кругом хватало лакомств, целый край был праздничным накрытым столом. Тут и там медвежата срывали сочную травинку, иногда с аппетитом съедали мясистую улитку, неосмотрительно оказавшуюся у них на пути, и не обделили вниманием ни один кустик, лакомясь его молодыми зелеными листочками. Выбор был велик.

А какие вкусные, изумительные лакомства обнаруживались под плоским камнем или трухлявым стволом поваленного дерева, которые порой переворачивала мама! Стоило ей чуток приподнять их, как медвежата уже нетерпеливо совали туда головы, пихались и ссорились из-за того, чтобы поскорее схватить всяких больших червей, личинок или прячущихся жуков. Они лезли, толкаясь, под приподнятый ствол или валун – каждый непременно хотел быть первым.

При этом детеныши даже и не думали о том, что колода или валун могут обрушиться на них, придавить к земле и искалечить их тельце, если бы мамина лапа вдруг устала держать тяжелый предмет. Так и шло дальше: стоило медведице чуть отвалить камень или гнилой ствол, как медвежата беззаботно совались за лакомством.

Они вместе шли по лесу, когда вдруг увидели большую странную кучу. Снедаемые любопытством мишки тут же помчались к ней. А когда оказались совсем близко, то их глазки загорелись радостным изумлением.

Повсюду сновали полчища крупных черных муравьев, а сама куча потемнела от них. Ну и ну, эти ребята выглядели по-другому – большими и жирными, не то что те мелкие, тощие муравьишки, которых они находили под камнями и стволами. Без долгих размышлений медвежата набросились на них и начали слизывать насекомых розовыми язычками, чтобы попробовать и убедиться, на самом ли деле они вкуснее.

Однако вскоре малыши поняли, что в их пастях больше иголок, чем муравьев. А вот это им не понравилось, мало того, что сухая хвоя была отвратительна на вкус, так еще и неприятно кололась.

Медведица поглядывала на своих таких еще глупеньких и неопытных медвежат, а потом как бы догадалась, что надо показать им, как нужно правильно делать, чтобы вдоволь полакомиться лесными муравьями, и сама подошла к куче. Усевшись на свой зад, она оторвала верхушку и чуть погодя положила туда свою переднюю лапу, которую вмиг густо облепили разозленные муравьи. Медведица этого и ждала. Когда муравьев на лапе оказалось достаточно, она подняла ее к морде, длинным языком слизала насекомых и разжевала их могучими зубами. И

в пасти у нее оказалась хорошая еда с приятным кислым вкусом, не испорченная ни одной сосновой иголкой.

Этого единственного урока вполне хватило понятливым медвежатам. Они тут же уселись возле матери, били по муравейнику, а когда из его глубины выскочила целая армия защитников, то клали свои лапки на разрушенную кучу и облизывали их по очереди.

Малыши были так заняты этим делом, что даже не обращали друг на друга внимания.

Однако когда муравьев стало меньше, они начали толкаться и ссориться. Случилось так, что один из медвежат слизал у другого с лапы муравьев. Не успел он и глазом моргнуть, как получил за это такую затрещину, что аж голова затряслась. Понятное дело, пострадавшему такое не понравилось и он вцепился зубами в ушко обидчика. Вот так и дошло до драки.

Медвежата встали на задние лапы, крепко обхватили друг друга и каждый старался повалить противника на землю. Слабенькими зубками вцеплялись в густую шерстку, угрожающе скалились, а когда на пике своей борьбы оба упали, то большим косматым клубком стали быстро перекатываться туда и сюда, мечась в разные стороны.

Эта игра им очень понравилась, медвежата даже прекратили потасовку и валялись так долго, что скатились с невысокого, но крутого склона в большую впадину, при этом они так ударились о ее дно, что даже разлетелись в разные стороны. Мишки весело поглядели друг на друга, ощерив маленькие пасти, словно бы смеясь от души, потом быстро полезли наверх. На краю впадины уже стояла медведица, высматривая, куда это так внезапно пропали ее маленькие озорники.

Потом все семейство отправилось к реке – после муравьиного пира их мучила сильная жажда. Когда же они вдоволь напились и немножко побродили в воде, то опять отправились путешествовать вдоль и поперек по краю.

Незаметно наступило лето, а с ним и обилие новой прекрасной еды, самыми наилучшими были земляника и малина. Медвежатам жилось хорошо, они росли и набирались сил. Детеныши стали крепкими и

статными, здоровыми и постоянно готовыми ко всяческому милым проделкам. Медведица охраняла их как зеницу ока и горе было тому зверю, который пусть даже из любопытства отважился встать у них на пути. Она сразу превращалась в яростную фурию, которая без раздумий бросалась с диким ревом на трусливую пещерную гиену, больших кабанов или даже на могучих древних быков.

Но летом медвежьей семье постигло большое несчастье. Это было в один из тех дней, когда все трое опять так объелись, что сделали самый мудрый выбор в этой ситуации – пошли спать. Медведица привела детенышей на склон горы, где они и устроились в тени большого бука. Место это было прямо создано для отдыха после хорошего обеда. Маленькая площадка, заросшая густой травой, находилась перед низкой скалой, которую покрывал толстый слой красноватой глины с густыми пучками трав и низкими кустами между больших камней. Тенистая крона бука защищала от жарких лучей полуденного солнца и медведица с медвежатами сладко спали в приятном холодке.

Так миновал час, потом другой, пока один из детенышей вдруг не начал потягиваться и зевать, ворочаться с боку на бок, но как бы ни крутился, уже не смог опять заснуть. Напрасно он закрывал глаза, напрасно клал голову на передние лапки – дремота все не приходила! Поэтому через некоторое время медвежонок сел и начал играть с маленьким кустиком. Он сгибал веточку, жевал ее и сердито рычал, когда она выскакивала у него из пасти. Когда куст надоел, медвежонок начал приставать к спящему братику. Малыш тыкался в него носиком, тянул за косматую шерсть, похлопывал его лапой, но все впустую – брат спал и мирно посапывал.

Медвежонка одолевала скука. Он ходил вокруг спящих матери и братишки, искал, чем бы позабавиться, но ничего не находил. Так что, в конце концов, он влез на скалу, чтобы поглядеть – нет ли под камнями каких-нибудь муравьев, которых ему вдруг очень сильно захотелось. Детеныш выбежал с площадки на склон горы и, сделав крюк, легко добрался до травянистой верхушки скалы. Там он подошел к самому краю и с любопытством глядел оттуда на отдыхающих маму и брата, который спал с широко раскинутыми лапами и положенной на одну из них головой.

У медвежонка в голове крутилась сотня мыслей о том, как устроить спящему какую-нибудь каверзу, но желание поесть вкусных и кислых муравьев, особенно приятных после сладких лесных плодов, побороло это искушение. Не долго думая, он маленькой лапой попытался приподнять первый же попавшийся камень. Это была большая плоская глыба, лежавшая в траве на самом краю скалы.

Но детенышу сразу не удалось перевернуть его. Камень был довольно тяжелый, а медвежонок – еще весьма неуклюжий, чтобы вот так одним разом поднять его, как это делала мама. Напрягши все силы,

малыш чуточку сдвинул его, подсунул под него голову и понемножку залезал туда, пока наконец глыба не встала набок и, скользя по траве, покатилась вниз с края скалы.

И не успел медвежонок разглядеть, есть ли в этом месте муравьи, как снизу раздался душераздирающий крик.

Камень так сильно рухнул своей острой гранью на вытянутую лапку спящего медвежонка, что поранил ее и перебил одну из костей. Бедный детеныш, внезапно вырванный из сна острой болью, лежал без движения и лишь жалобно вопил.

Медведица, также разбуженная болезненным плачем несчастного детеныша, быстро вскочила, выгнула спину и в ярости осматривалась, пытаясь выяснить, кто нарушил их покой и кто посмел навредить ее малышу. Но повсюду вокруг было тихо, не шелохнулась ни одна тень. Лишь на верхушке скалы стоял другой ее медвежонок и недоуменно таращил глаза на взбешенную маму и кричащего братишку.

Детеныш не знал, что это он нечаянно причинил ему боль.

Так что медведица напрасно искала того, кто навредил ее ненаглядному сыну. Поэтому в конце концов она излила свою злость на упавший камень, который лежал возле лапки медвежонка, забрызганный и испачканный кровью. Мощными когтями медведица подтянула его поближе и так сильно пихнула, что он огромными скачками с грохотом понесся вниз по склону в ущелье.

Но какой в этом был толк? Боль маленького медвежонка не прошла, лучше не стало даже тогда, когда мать своим длинным языком нежно и осторожно начала вылизывать уродливую рану. Он все вопил и вопил и не мог успокоиться.

Лишь спустя долгое время, когда боль чуть поутихла, они отправились в путь к близлежащему ручейку, стекавшему со склона горы к шумной реке в долине. Но стоило им сделать всего шаг, как раненый медвежонок снова ударился в крик, он тихо хромал следом за матерью и братом, оставляя на земле узкую дорожку крови. Когда он хотел опереться на раненую лапку, то сразу же с болезненным воплем поджимал ее и ковылял дальше на остальных трех.

Короткий путь до ручейка занял очень много времени и был печальным как никогда. Здоровый медвежонок тоже выглядел понурым и каким-то обескураженным, так что ему даже в голову не пришло пошалить.

Когда наконец добрались до ручейка, изувеченный детеныш опустил свою раненую лапку в чистый поток, который ее сначала приятно охладил, а потом усмирил, притупил боль. Но долго так продолжаться не могло, ведь вода была ключевой и очень скоро начала нестерпимо морозить. Да и голод дал о себе знать. Так что медвежонок вылез

из ручейка и ковылял по берегу, выискивая сочные травинки, сладкие корешки и мясистые клубни, а на солнечных местах – сладкие ягоды и кислых на вкус муравьев. Едва утолив невыносимый голод, он опять погрузил лапку в холодную воду, ведь в кровавой ране начали оживать тысячи болезненно колющих острых игл. А когда спустя время он вышел из ручья, то прижался к старой медведице, положив голову на ее большие лапы с тихим повизгиванием и скоро заснул.

День проходил за днем, неделя за неделей. Боль медвежонка утихала по мере того, как постепенно заживала рана и срасталась сломанная кость. А когда в конце концов лапка полностью исцелилась, то детеныш снова стал тем же веселым непоседой что и раньше, но по сравнению с братом был не таким упитанным и слегка прихрамывал.

Лето понемногу подходило к концу и горная страна приготовила медвежьей семье новые угощения. На больших скальных площадках созрели сладкие черника с ежевикой, первая особенно понравилась маленьким медвежатам. Медведица знала много мест, где они росли и старательно водила туда своих проказливых непосед. Когда они оказывались там, то садились между невысокими кустиками, тщательно – ягодка за ягодкой – обирали их и за этим сладким пиршеством забывали про шалости и вообще обо всем на свете...

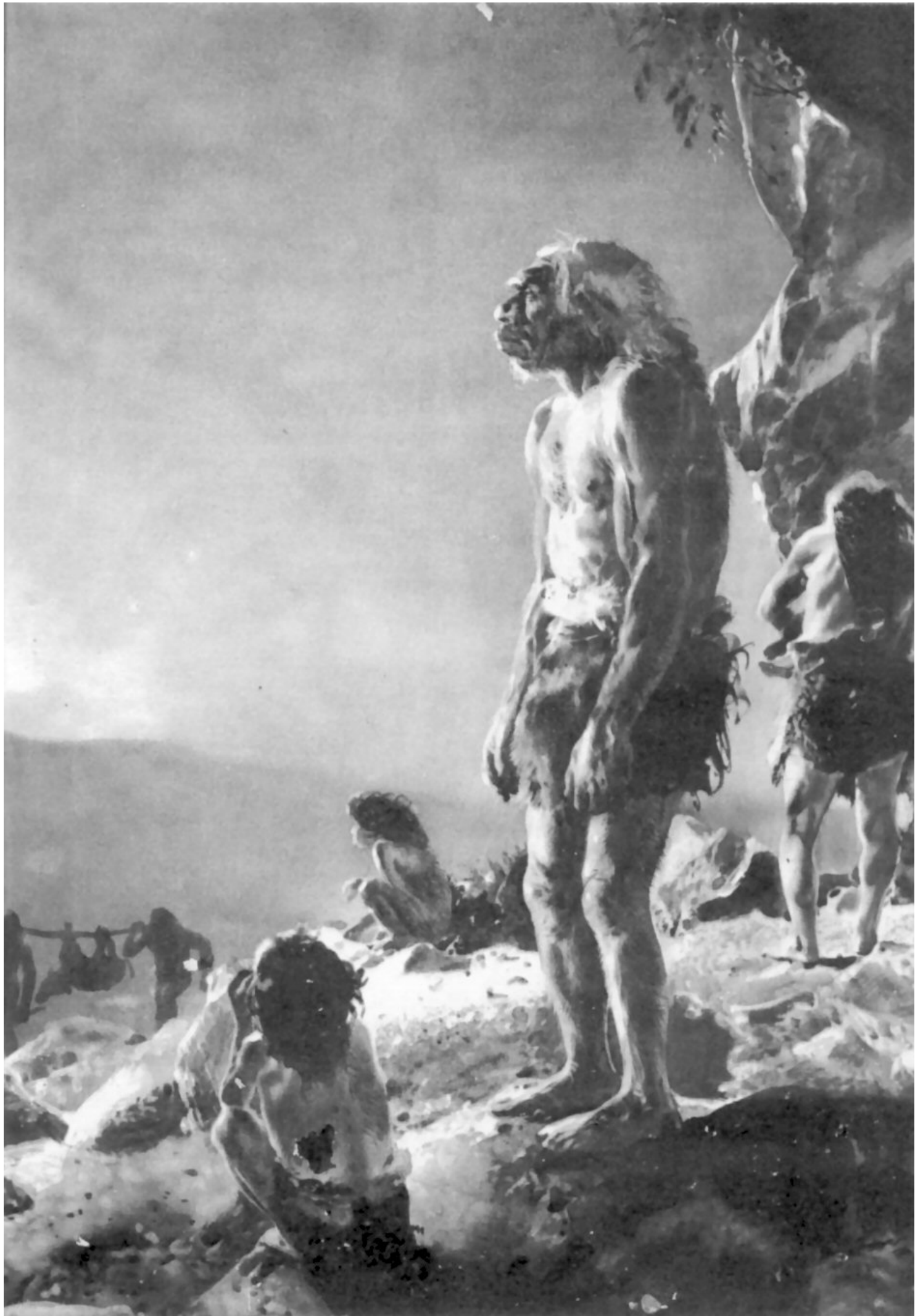
Где-то далеко по течению реки в известняковой скале темнел вход низкой пещеры. Из ущелья к нему вела узкая тропинка, извилисто и круто петлявшая среди валунов.

Вдруг из пещеры на четвереньках вылез мужчина. Это был неандерталец. Он выпрямился и долго оглядывался по сторонам.

Был это уже старик, не очень высокого роста, но зато с могучим и сильным телом, которое скорее раздавалось в ширину, чем в высоту. Его фигура выглядела чуть наклоненной вперед, словно согнутой – не из-за старости, а потому, что форма позвоночника не позволяла распрямиться сильнее. Лицо было грубым, с отчасти звериными чертами. В широком рту, чуть выступающем вперед наподобие пасти, находились крупные зубы, растущие из сильных челюстей. Кости черепа тоже были

мощными, к ним крепились не в меру развитые жевательные мышцы. На нижней, подобной обезьяньей челюсти отсутствовал подбородок; потому он не мог обладать членораздельной речью, ведь эта часть у современных людей соединяется с языковыми мышцами. Лоб выглядел сильно скошенным назад, крышка черепа была низкой, длинной и узкой.

Размеры черепной коробки свидетельствовали о том, что мозг, ее содержимое, имел внушительный размер и был хорошо развит. Его строение являлось еще совсем примитивным, он располагался в нижней и задней части черепа, а для развития передних долей не хватало места под низким лбом. Над мясистыми губами выдающегося вперед рта находился приплюснутый широкий нос, который разделял глубоко сидевшие под мощными надбровными дугами глаза.

Неандерталец приложил руку козырьком и пристально вглядывался в одну сторону. Тихий ветерок ерошил его седые волосы и длинный мех на медвежьей шкуре, которой он был опоясан. Старик ждал возвращения двух молодых охотников, но все никак не мог дожждаться. Он уселся на низкий валун и начал обтесывать кремниевый голыш, принесенный вчера из гравийных наносов реки. После нескольких ударов по нему другим камнем старик оставил нудную работу, отложил оба орудия в сторону и долго сидел неподвижно.

Он хмуро глядел перед собой и на старческом морщинистом лице читалась великая забота об охотниках.

Неандертальцы не так давно перебрались в этот край. Раньше их дом был гораздо севернее, возле великой реки, протекавшей по степям и лесам. Они спокойно жили там, устраивая стойбища. Повсюду было достаточно животных. В сезонное время они собирали лесные орехи, плоды бука и даже желуди, землянику, малину и ежевику, разные сочные почки и мясистые корни. Ели птичьи яйца и молодых птиц, умели ловить рыбу, степных и лесных зверей, которых убивали дубинками или камнями. Часто во время своих охотничьих странствий им попадались крупные раненные животные. Их добивали, избавляясь на несколько дней от заботы о пропитании. Не брезговали и найденным мертвым животным, пусть даже полусгнившим – они радовались и такой добыче. В том приветливом краю неандертальцы прожили несколько десятков лет.

Однако им пришлось переселяться оттуда, что они и сделали без всякого желания. Жизнь в тех местах ухудшалась с каждым годом. Зима становилась все длиннее, а лето – все короче, потому что с севера постепенно, но неумолимо снова начал надвигаться огромный ледник. Перед этим он уже трижды покрывал на целую геологическую эпоху внутриконтинентальным льдом весь край далеко к югу, но потом снова отступал.

Хотя неандертальцы и не ведали о том, что северный ледник начал опять наступать, но зима и голод гнали их, а звери уходили на юг.

Старик поначалу не собирался переселяться по этой причине. Он до сих пор хорошо помнил, как совсем еще крохотным мальчуганом долго путешествовал со своим племенем на юг, пока они не очутились у реки, где он потом провел свое детство и юность. Позже, когда он вырос, прожил весь свой мужской век в племени, кочуя с места на место.

А теперь, будучи уже совсем ветхим стариком, нашел со своими сородичами новый дом еще дальше к югу.

Солнце постепенно склонялось к западу, показалось из-за кроны высокой рябины и бросило несколько лучей цвета червонного золота на лицо старого неандертальца. Но оно не прояснилось, оставалось постоянно хмурым. Он хорошо знал, что солнечный свет обманчив и согревает только в безоблачные дни.

Ночью же солнце скрывается неведомо где и возвращается поздним утром.

Когда старик только пришел сюда с племенем, они устроили стойбище под нависшей скалой рядом с рекой. Но уже спустя несколько ночей все перебрались в пещеру, которую случайно обнаружили, ведь ни огонь, ни шкуры ничем бы не помогли им осенними ночами под открытым небом. Холод пробирал аж до костей, а самые маленькие дети, посинев от зимних морозов, захлебывались плачем.

Свет склонявшегося к западу солнца проник и в пещеру. Едва лишь там затрепетали его лучи, как внутри раздались громкие выкрики и наружу выскочили несколько голых, опаленных солнцем до бронзового цвета детей. За ними вылезли две женщины с отвислыми грудями. Их длинные растрепанные волосы доходили до самых оленьих шкур, прикрывающих могучие бедра. Одна из них несла на руках завернутого в заячью шкурку младенца. Оттуда выглядывал наружу лишь широкий носик маленького древнего человечка.

В этот момент вдали слышались громкие крики.

Старый неандерталец быстро встал и огляделся вокруг. Дети перестали играть и настороженно наблюдали за возвращением молодых охотников. Одна из женщин зашла в пещеру, положила в сухой угол возле тлеющего костра спящего ребенка и подбросила в огонь несколько веток, чтобы тот ярче горел и освещал место предстоящего пиршества.

Но прежде чем пламя запылало, голодные дети криками приветствовали перед входом охотников – двух парней в возрасте шестнадцати и семнадцати лет. Они несли с собой части молодого кабанчика, которого выслеживали и загоняли почти целый день, прежде чем поймали. Но прежде чем войти в пещеру, парни начали короткими и отрывистыми звуками хвалиться своей охотничьей ловкостью. В их хвастливую болтовню вплетались издаваемые стариком лающие звуки, так он выражал полнейшее удовлетворение способностями молодых охотников.

Спустя время все сидели рядом друг с другом вокруг огня и держали в грязных руках куски мяса, которые плотоядно обнюхивали, прежде чем вгрызться в них и разжевать сильными челюстями. Неандертальцы ни на что не обращали внимания, знай себе кормились сырым или наполовину пропеченным мясом, а их лица выражали полную умиротворенность.

Низкую пещеру заполняла тишина, нарушаемая лишь громким чавканьем да треском полыхающего огня.

Когда они наелись, то загородили вход огромной глыбой, с древних времен находившейся внутри. Подбросили в костер еще немного хвороста, чтобы он не слишком быстро угасал; он согревал и, как и камень у входа, охранял от разных хищников, выходивших в ночной темноте на разбой.

А потом первобытные люди улеглись – кто на шкуры, кто на большие охапки сухой травы и мха, и уснули крепким здоровым сном.

Роскошная осень причудливо разрисовала желтым и красным лиственные леса и бесчисленные кустарники.

Край изобиловал красотой, но медвежата были унылыми, а их мать снова окружили заботы. Еще в конце лета оба детеныша почувствовали странный зуд в своих маленьких пастях; чем дальше, тем невыносимей он становился, так что наконец зубки начали болеть, угрожающе шататься, а потом и вовсе выпадать. Медвежата равнодушно обходили всякие лакомства, терпя голод из-за неприятной боли.

И потому ели лишь столько, чтобы не умереть.

А это было большой ошибкой. Как раз сейчас им требовалось усиленное питание, ведь требовалось приготовиться как можно более лучше к долгой зиме. Смена зубов, наступавшая в конце лета и начале осени, надолго лишила медвежат всех радостей жизни и разнообразных вкусных вещей, но прежде всего – слоя жира, который они нагуляли летом при избытке пищи, а теперь весь его истратили. Только лишь когда у них выросли новые зубки, они поспешили наверстать упущенное и старались вознаградить себя за потерянное время. Но многим другим медвежатам это не удалось. Поэтому первая зима для некоторых слабых детенышей была весьма небезопасной – уснув в темной пещере, они уже никогда не просыпались. Зато те медвежата, которые проводили здоровыми первую зимнюю спячку, одерживали великую победу в борьбе за выживание. Они имели уже постоянные зубы, могли хорошо себя прокормить и если не гибли из-за несчастного случая, то становились могучими медведями и медведицами.

Когда в разных местах зарумянились рябины, наши медвежата уже были в полном порядке. А поскольку эти ягоды очень понравились мишкам, они решили вознаградить ими себя за недавнюю голодовку.

Сперва они поели плодов, которые сами упали на землю или были сорваны ветром. А потом мама встала на задние лапы, сшибала висящие в самом низу грозди кровавого цвета или же ломала усыпанную ими ветку. И медвежата дрались из-за них, словно в лесу не нашлось ничего лучше и вкуснее. Но, может, это и вправду было так? Сладковатые ягодки имели приятный, немного кислый привкус, грозди наполнились ими, поэтому каждому из детенышей нашлось что объедать.

И как же они радовались, когда в первый раз сумели залезть на дерево и самостоятельно притянули лапой ветку с рябиновыми гроздьями! Ух, ничего слаще и вкуснее им еще не доводилось пробовать!

И потом уже медвежата не хотели есть никакие другие ягоды кроме тех, которые они сами выискивали на дереве. Детеныши карабкались за ними высоко, до самой кроны, где уже было небезопасно, лезли на

хрустящие под их весом ветви, но не обращали на это внимания, как и на предупреждающее и угрожающее рычание медведицы внизу.

Но щедрая осень угощала и другими лакомствами. У реки, возле которой часто приходилось ходить, мишки никогда не забывали осмотреть кусты лещины и полакомиться сладкими орешками, которых в том году уродилось много, как и буковых; детенышам они пришлись по вкусу и было их повсюду полным-полно.

Медвежата пользовались дарами осени в полной мере. Они набивали живот везде, куда бы ни приходили, неудивительно, что оба начали толстеть. Медвежонок со сломанной в начале лета лапкой выглядел слабее и прежде чем он сумел поправиться, наступила смена зубов, а с ней и новый голод. Эти два события неприятно повлияли на его юную жизнь, что было видно по нему. Хоть медвежонок и казался коренастым и пухленьким, но у него отсутствовал жировой горб, который уже заметно поднимался из спины над плечами его братишки.

В том месте, где неандертальцы устроили стойбище в пещере, горы были низкими, а ущелье, где протекала река – широким. Здесь заканчивались их отроги, а река устремлялась вдаль по травянистой равнине с маленькими холмами и небольшими лощинами, поросшими кустарником или лесочками и рощами.

Солнце только что скрылось за горизонтом, еще некоторое время алевшим закатом. Неожиданно на травянистой лужайке, чуть в стороне от жилища первобытных людей появился статный древний олень *Cervus megaceros*. Стройные мускулистые ноги несли его тяжелое, но красивое тело, а на могучей шее сидела гордая голова, отяжеленная самыми огромными рогами, которые когда-либо украшали представителей рода этих величественных животных. Они были массивными, лопатообразно расширяющимися на концах, с многочисленными отростками.

Олень некоторое время стоял тихо. Потом он вдруг сделал еще несколько шагов вперед, вытянул шею и издал протяжный рев. Пока в вечерней тиши разносился сильный голос, полный страстного желания и готовности к бою, за его спиной появилось несколько оленей. Это были его самки, самец согнал их в стадо и зорко охранял.

Олень снова протяжно и вызывающе заревел.

И тут издали отозвался другой самец – с той же страстью и необычайной дерзостью.

Олень резко тряхнул головой, оглянулся на своих самок и ответил новым протяжным ревом, выражая так перед ними свою силу и доблесть. Но уже с гораздо более близкого расстояния донесся все тот же бесстрашный ответ.

Пока самцы дразнили друг друга аж до неукротимой ярости, оленехи тихо стояли возле низких кустов, окаймлявших подножие

холма, а из пещеры выше по склону вылез старый неандерталец с юными охотниками, чтобы поглядеть на брачный бой.

Спустя короткое время на травяную лужайку примчался другой разгоряченный олень. Он был таким же статным и сильным как и первый, однако моложе и не столь опытным.

Гонимый инстинктивной страстью и безрассудством молодости, молодой олень бросился на своего соперника, чтобы начать с ним дуэль из-за самок. Но тот не поддался, оборонялся и атаковал и в воздухе над тихо засыпающим краем разнесся громкий треск рогов, которыми противники бились и наносили друг другу болезненные раны.

Оленихи с любопытством приблизились к месту состязания, наблюдая за ожесточенным боем. С не меньшим интересом смотрели на соперничающих оленей и неандертальцы, чьи согнутые тела черными силуэтами вырисовывались на скальном уступе перед пещерой.

Молодой олень бешено атаковал. Всего его существо было проникнуто неприязнью к противнику, которого он хотел победить и уничтожить. Но безуспешно. Старый олень всякий раз осторожно избегал как его сильных выпадов, так и ран от его рогов.

В горячке безрезультатного боя молодой самец не заметил, как начал понемногу уставать. И хотя он все еще атаковал, выпады его стали менее быстрыми, а удары менее сильными.

Это не ускользнуло от старшего опытного соперника. Он позволил молодому самцу и дальше нападать, чтобы тот еще больше обессилел. Но потом, когда старый олень решил, что настало подходящее время, то бешено завращал покрасневшими глазами и кинулся в атаку.

Младший противник, не успев защититься, получил сильную рану – острые концы отростков вонзились ему глубоко в бок и в пах. Боль пронзила его тело и возбудила в нем приглушенное чувство азарта. Но прежде чем он успел опомниться, как получил серию новых многочисленных ран, принуждавших молодого оленя к отступлению.

Как только соперник начал пятиться, старый самец набросился на него с удвоенной силой, словно желая сразить насмерть за дерзость и отвагу, с которыми тот вступил с ним в схватку.

Молодой олень перестал нападать и теперь уже только защищался. У него не осталось сил для борьбы и боль от кровавых ран лишила его всякой смелости. Но прежде чем он успел пуститься наутек, старый самец неожиданно напал на него сбоку и вонзил в живот острый конец одного из рогов, тот рассек кожу словно длинный нож, войдя глубоко в плоть. Атакованный олень высоко вздыбился на задних ногах, огромным прыжком отскочил в сторону и, роняя кровь из многочисленных ран, помчался по берегу против течения реки подальше от места своего поражения.

Схватка была закончена. Сильный встретился с сильным, но выиграл сильнейший.

Олень повернул голову к самкам — те стояли тихо и глядели на победителя, а у того в глазах вновь пылали неукротимая готовность к бою, властолюбие и непреклонная решимость защищать свое стадо от любого соперника.

А вот неандертальцев победа старого оленя совсем не волновала. Все их помыслы и все внимание были направлены на побежденного самца, который, весь покрытый ранами, умчался против течения реки куда-то в горы. В серебряном свете лунной ночи древние люди могли некоторое время наблюдать, как тяжело и с трудом он бежал. Они хотели бы пуститься за ним в погоню, затравить и потом добить, но ночь таила в себе коварство и опасность. Можно было запросто расстаться с жизнью в когтях и в зубах пещерного льва. Потому мужчины поскорее вернулись в свое жилище, обменявшись несколькими криками и жестами, означавшими, что завтра с утра они пойдут по следам оленя так долго, пока не настигнут его.

Возбужденные и нетерпеливые, охотники все никак не могли заснуть. Они беспокойно ворочались с боку на бок, лежали то на спине, то на животе, но все напрасно.

Лишь к утру они ненадолго задремали, но сон их был тревожным и прерывистым, полным диких видений.

Едва рассвело, старый неандерталец встал, разгреб костер и подкинул в горячие угли немного сухого мха и хвороста. Потом он опустился на колени, приблизил лицо к огню и сильно подул на него несколько раз. Угли разгорелись, а на тлеющем мху заиграли маленькие язычки пламени; они жадно набросились на сухие веточки, которые скручивались от жара как маленькие змейки, а потом с треском распадались, превращаясь в горячий пепел.

Светло-желтый огонь слабо озарял пещеру и напрасно пытался прогнать тьму из всех ее уголков. Тем не менее, ото сна пробудились и оба юных неандертальца. Когда они увидели, что старый охотник уже на ногах, то быстро надели свои шкуры и затянули их жилами, чтобы те не падали. Один взял в руку тяжелую суковатую дубину, другой – острый каменный клин, который он перед этим старательно вытесал из кремниевого валуна, и без долгих промедлений собрались вылезти из пещеры.

Их остановил хриплый звук, изданный старым неандертальцем. Когда оба оглянулись, то увидели, что тот подает каждому по куску мяса, оставшемуся от вчерашней добычи. Сам он тоже жевал свой скудный завтрак. Молодые охотники жадно схватили мясо и с удовольствием закусили им.

После этого уже ничто не удерживало их в пещере.

На четвереньках они выбрались в прохладу осеннего утра, а следом – и старый охотник, также вооруженный тяжелой суковатой палкой. Но едва выпрямившись, он тут же сразу полез обратно в пещеру – в его еще примитивном мозгу родилась мысль о том, что было бы хорошо тоже взять на охоту каменный клин вместо дубины, которую и так можно где-нибудь найти.

Старик отбросил оружие в угол и из ямки, заботливо прикрытой плоским валуном, вытащил самый большой и самый острый каменный клин, который он крепко стиснул в кулаке. Потом снова аккуратно накрыл углубление, хранившее единственное их имущество – каменное оружие, называемое в наши дни рубилами или ручными топорами. А потом быстро выбрался из пещеры, не обращая ни малейшего внимания на жалобные крики проснувшегося младенца.

А маленький пухлый древний человечек плакал уже некоторое время, его разбудил хриплый зов старого неандертальца, прозвучавший вслед выходящим наружу молодым охотникам. Младенец ударился в крик, но не из-за того, что печалился о покидающих пещеру сородичах, нет, он заявлял о том, что проснулся и проголодался. Плач ребенка

разбудил его маму, к которой он прижимался и которая его согревала, беспокойные ножки пихали, а ручки отталкивали заячью шкурку, в которую его хорошо завернули на ночь. Он не переставал кричать и тянуть к своей заспанной матери пухлые грязные ручонки, покуда та не взяла его на руки и не начала кормить его сладким молоком.

И маленький грязный голыш пил и пил его, пока впалый животик не надулся как резиновый мяч, после чего изнуренный младенец опять заснул. Мать положила его на шкуры, где маленький обжора еще некоторое время выпячивал губки и тихонько причмокивал язычком, словно все время чем-то угощаясь. Он затих лишь провалившись в крепкий сон без сновидений и его спокойное дыхание слилось с тоненьким похрапыванием остальных детей.

Когда покинувшие теплую пещеру охотники-неандертальцы стояли сырым осенним утром на скальном выступе, то сильный холод, проникнув до самого тела, заставил их дрожать. Над рекой протянулась белая стена тумана и весь край был смочен густой, неприятно студеной росой.

Было еще очень раннее утро на склоне осени. Время начала охоты пока не наступило. Но жажда хорошей добычи, которую можно было назвать лишь чистой удачей и которая обещала на время сладостное благополучие и приятную беззаботность, погнала древних охотников в такую рань навстречу жалящему холоду. Их конечности мерзли, но изнутри согревало знание – по окончании ловли раненого и ослабленного оленя последует время таких богатых и щедрых пиршеств, что они быстро позабудут про все тяготы и мучения. Мяса получится столько, что его не надо будет делить, внутренностей – столько, что и не снилось, но главное, они добудут кучу жирного костного мозга и большой головной – два лакомства, лучше которых ничего нет.

Неандертальские охотники быстро спустились от пещеры в ущелье по крутой дорожке и направились к месту, где вчера вечером в серебряном лунном свете произошла яростная брачная битва двух оленей.

Не успели они дойти, как внезапный радостный крик одного из молодых мужчин нарушил тишину утра. Он голосил оттого, что обнаружил кровавые следы побежденного оленя. На лицах всех троих неандертальцев появились счастливые усмешки. В их глазах, еще без блеска искрящегося разума появившихся позже людей, вспыхнул маленький огонек радости, засиял, но тут же снова угас.

Неандертальцы шли по найденному следу словно хищные волки.

Они оставили позади травянистые равнины возле реки, перепрыгивали через маленькие ручьи, бродили по потокам, стекающим с крутых склонов резко понижающихся гор, продирались через низкие заросли и кусты, где – быстрее, где – помедленнее, в зависимости от того, насколько хорошо был замечен след.

Мужчины насквозь промокли от росы и озябли от холода, но не замечали этого – в борьбе за выживание они стали выносливыми, упорными и отважными.

Неандертальцы уже долго шли против течения реки, но так и не заметили оленя. Охотники шагали потихоньку и осмотрительно, ведь чем дальше, тем менее различимым делался кровавый след, поэтому нужно было проявлять внимание и осторожность.

Тем не менее неандертальцы упорно продвигались вперед. Когда солнце прижало к земле утренний туман, оно озарило их наклоненные вперед тела, приятно согревало, высушивало росу и волшебными золотыми отблесками играло на разноцветной листве деревьев и кустов.

Вдруг первобытные охотники замерли в радостном изумлении. Чуть впереди из-за стены ореховых кустов показался преследуемый ими олень и скрылся длинными скачками. Он высоко держал голову, а могучие рога покачивались над верхушками низких лещин как две большие зубчатые лопаты. Но бег благородного зверя уже не был столь легким как прежде. Он двигался с явным трудом, ведь открытые раны болели, а большая потеря крови его ослабила.

Охотники увлеченно кричали и гнались за уходящим оленем. Однако вскоре они потеряли зверя из глаз и остались далеко позади.

Только спустя долгое время неандертальцы опять вспугнули оленя и без остановки гнали его перед собой, усталого и обессиленного. Подбирались к нему, догоняли, оббегали и кружились возле него, наконец, один из молодых охотников заскочил в густые заросли на склоне гор и торопливо начал пробираться вперед, тревожно следя за тем, чтобы олень его не заметил. Опередив животное, он выбрался из кустов и спрятался за мощным стволом старого бука. Когда бедный загнанный олень, шатаясь, проходил мимо, неандерталец выскочил из укрытия и обрушил сильный удар подобранной по пути суковатой дубины ему на голову, почти оглушив зверя. Олень зашатался, его стройные высокие ноги подломились, могучее тело тяжело упало на колени и повалилось на землю.

Неандерталец издал дикий гортанный крик удовлетворения и потом, будто взбесившись, лупил оленя по голове своей дубиной.

Тот уже не шевелился, когда к счастливому охотнику подбежали его спутники. Старый неандерталец довольно посмотрел на большую добычу и вдруг, будто испугавшись, что она еще может уйти, принялся так сильно колотить каменным клином по небольшой узкой голове

убитого оленя, что раздробил его затылочную кость и запачкал наконечник каменного оружия беловатыми кусочками мозга.

Вид пойманного животного, подобного которому удастся добыть, скорее всего, очень нескоро, возбудил в охотниках желание съесть кусок теплого мяса. Они опустились вокруг него и острогранными клиньями разрезали крепкую кожу. Стянули ее с тела и как только обнажили брюхо, то большим разрезом вспороли его и вытащили внутренности. Кишки охотники выбросили в близлежащие заросли – сегодня они пренебрегли ими. Но зато, разделив между собой сердце, легкие и печень, со вкусом принялись за них. Съев внутренности, каждый из них отрезал себе острым каменным клином кусок от туши и спокойно жевал сырое мясо.

Отдых и пища восстановили силы тяжело уставших и измученных долгой травлей первобытных охотников. Умиротворение от богатой добычи оттеснило воспоминания о пережитых невзгодах. Мужчины уже не ели так алчно и жадно, как делали это с первыми кусками. Пир временами прерывался отрывистыми и рывкающими звуками кого-то из них, когда говорящий хотел сообщить остальным, о чем он сейчас думает. Те отвечали ему такими же звуками и, наконец, все шумно расхохотались в дикой радости.

Наевшись и отдохнув, неандертальцы снова встали на колени возле пойманного оленя и пока молодые охотники все время стягивали с него шкуру, старик трудился, стараясь отделить голову от тела. Это был

долгий и утомительный труд, невыполнимый без помощи острогранного рубила. Когда старому охотнику наконец удалось это сделать, он снова начал разбивать каменным клином оленью голову. Выбирал и отбрасывал обломки растрескавшейся кости, чтобы расширить отверстие, из которого он хотел достать мозг. Потом старик засунул в пробитую дыру свои грязные пальцы и вытаскивал оттуда куски, которые жадно поедал с шумным чавканьем. Когда он отбросил череп, молодые охотники кинулись к нему и длинными тонкими веточками выскребали остатки чудного лакомства.

А потом все снова принялись за работу. Они разрезали и раздирали тушу на меньшие куски, которые хотели взять с собой в пещеру. Дело было уже почти закончено, когда старый неандерталец поднялся от освежеванного и разрезанного оленя, выпрямился и мускулистою рукой вытер со лба крупные капли пота.

Проделав это, он неожиданно заметил чернеющее высоко на склоне горы отверстие. Это был вход в пещеру, где медведица перезимовала и родила своих ненаглядных медвежат. Конечно же, это было не только ее убежище, в ней пережидали зиму пещерные медведи и медведицы со всей округи, они также часто укрывались там в непогоду, если случайно оказывались поблизости.

Старый неандерталец долго не мог оторвать свой взгляд от пещерного входа. Он задумчиво смотрел на него, потеряв интерес ко всему остальному.

Потом старик обратился к молодым охотникам, как раз заканчивающим разделывать оленью тушу, издав хриплый крик. Те подняли головы, а когда посмотрели на старшего сородича, то увидели, что он указывает на высокую гору, на чьем склоне среди известняковых скал чернел вход в пещеру.

Молодые неандертальцы проворно вскочили и их глаза уставились туда с радостным удивлением. Но вскоре эта радость угасла, когда они разглядели, что повсюду кругом высокие горы, а пещера находится на крутом склоне далеко от реки. Потому они отвели взгляд и ухватились за оленью шкуру, с которой соскабливали кусочки мяса, чистили и разглаживали ее.

Но старый неандерталец все никак не мог оторвать глаз от пещеры. Он не разглядывал ее с праздной и бездумной невнимательностью. Глубоко в его памяти начали понемногу и неспешно оживать неясные воспоминания. Сначала они были беспорядочными и несвязными, но при беспрестанном воздействии на мозг они активировали его деятельность, побуждая к размышлениям.

Старый охотник неподвижно застыл, глубоко погруженный в свои воспоминания и думы, которые постепенно обретали смысл. Вдруг в глубокой тьме тяжких размышлений вспыхнула искорка, которая осветила его память, так раскаленный излучающий свет метеор изгоняет

ночной мрак. Потом мысли старика все быстрее и без всякого напряжения стали наполнять образы, которые ему с великим усилием удалось вызвать из самых потайных уголков своего примитивного мозга.

В его воспоминаниях появился край, подобный тому, в котором он находился сейчас. Над глубоким ущельем с текущим потоком поднимались высокие горы, чьи вершины покрывали белые шапки снега, как это всегда было в весеннюю пору. По ущелью шли несколько наклонившихся вперед фигур с тяжелыми дубинами или каменным оружием в руках, а вместе с ними шагал и молодой юноша, чье сердце переполняли радость и гордость, ведь ему разрешили сопровождать старших и опытных мужчин во время их опасной охоты.

Отряд первобытных людей вел старик. Он шел без опаски вперед, не глядя ни направо, ни налево, все время двигался вперед как человек, знающий правильный путь к намеченной цели. Они долго путешествовали по берегу разлившейся от весеннего таяния снега реки и наконец остановились под высокой горой. После короткого отдыха с большим трудом начали залезать на ее крутой склон. Бесконечное число раз охотники вновь съезжали вниз, если вдруг какой-то камень выскальзывал из-под ног или не выдерживал сырой дерн. Изнуренные и перепачканные, они наконец очутились перед входом большой пещеры. Отряд вошел в подземелье и сразу же устроил себе стоянку для отдыха недалеко от входа.

Тут в мыслях старого неандертальца возник образ – он, тогда совсем еще зеленый юнец, долго собирал вокруг пещеры сухие ветки, заносил их внутрь, пока не натащил огромную кучу. Старый вождь откладывал самые толстые и смолистые из них в сторону, а остальные бросал в огонь, который весело пылал, распространяя по сырой холодной пещере приятное тепло.

А потом в воспоминаниях возникла новая сцена. Они все были глубоко в пещере. Ее тьму освещало несколько горящих лучин. Когда все собрались, старый охотник расставил некоторых мужчин по определенным местам, другим поручил дико вопить и швырять в темные пещерные проходы горящие ветки. Они тлели там, а сквозняк далеко разносил едкий дым по лабиринту подземных ходов.

И тут же другая сцена затмила предыдущую. Из тьмы отдаленных углов подземелья мчались страшно перепуганные пещерные медведи, старые и молодые, злобно рычавшие. И тогда охотники, прятаясь за большими глыбами или прижавшиеся к стенам, убивали дубинками и каменными рубилами молодых животных. Их полные боли крики оглашали ужасом пещеру. Старик также вспомнил, как он тогда подошел к одному из валунов и сидел там неподвижно; и как его юное сердце колотилось от страха, когда вдруг рядом раздался страшный крик одного из охотников, которому раненый медведь разорвал плечевой сустав своими мощными челюстями.

Но новое воспоминание стерло ужасный образ. Все мужчины уже сидели у высокого полыхающего костра и ели куски медвежьего мяса в мире и покое, ведь священные обряды, которые всегда следовало выполнять после такой охоты, были давно завершены. К несвязным крикам, возгласам и звукам, которыми охотники общались между собой, веселились и бахвалились своим мужеством и отвагой, примешивался тихий стон и тяжелое дыхание раненого, мечущегося то в ознобе, то в горячке.

Когда старый охотник перебрал в голове все воспоминания о тех печальных событиях, то содрогнулся и провел рукою по низкому, скошенному назад лбу, словно бы желая изгнать из головы это впечатление начала своей жизни.

Он понемногу отвел взгляд от пещеры и поглядел на молодых сородичей, которые все еще занимались добытым оленем. Он смотрел на их крепкие тела, думал об их хитрости и мужестве, припоминал их упорство и стойкость, а потом – будто бы решение внезапно пронзило его мысли – начал что-то втолковывать им хриплыми звуками, долго и увлеченно. Его длинная мускулистая рука при этом несколько раз указала на пещерный вход, темнеющий в белых известняковых скалах прямо посреди склона горы, высоко поднимавшейся над дном долины. Глаза старика возбужденно горели. Заросшее редкими седыми волосами лицо покраснелось и покрылось глубокими морщинами из-за принятия некоего гениального решения.

Молодые первобытные охотники внимательно слушали. Они старались как можно лучше уразуметь резкие выкрики и жесты старика, который с необычайным усердием излагал свою внезапную идею о великом деянии, требующем безмерной отваги и мужества, хладнокровия и охотничьего опыта. Нечленораздельная и бессвязная речь, сплошь состоящая из небольшого количества коротких звуков, поведала им о его замысле – осмотреть пещеру и весной отправиться туда охотиться на медведей.

В мыслях молодых охотников, старательно прислушивающихся к бормотанию старика, забрезжил огонек понимания. На их лицах появилось радостное изумление, а в сердцах тлело острое желание совершить столь доблестный поступок.

Когда старый неандерталец увидел, что его пусть не совсем, но хотя бы отчасти поняли, начал собираться вместе с молодыми на осмотр пещеры.

Но сперва они растянули оленью шкуру на зеленой траве, положили на нее куски мяса (кроме тех, которые собирались взять с собой) и отнесли все это в небольшую яму, затененную густым орешником. Потом натащали со всей округи камней – сначала плоские, потом и острогранные глыбы и покрыли ими завернутое в шкуру мясо,

чтобы сохранить его до своего возвращения от разных хищников, в первую очередь – от мерзких пещерных гиен, вылезающих в сумерках из своих нор и обследующих повсюду каждый закуток.

Как только охотники управились с этим делом, тут же тронулись в путь.

Они миновали травянистое дно долины и заросли, окружавшие подножие горы, понемногу поднимаясь по склону через высокий лес, пока, наконец, не достигли узенькой тропы, круто извивающейся в глубокой расселине меж дико разбросанных скал. Тут неандертальцам пришлось довольно трудно. Их ноги соскальзывали с гладких влажных камней, так что они временами съезжали на приличное расстояние вниз, вместо того чтобы подниматься. Охотники попробовали было лезть на четвереньках. Это получалось хорошо, но не совсем, потому что взятое с собой оружие мешало двигать руками.

Однако им удалось преодолеть и этот худший участок пути, спустя недолгое время они стояли прямо перед пещерой.

Как когда-то давно делал это старик, так и теперь оба молодых несли внутрь сухие ветки. Они натаскали целую охапку хорошо просушенного хвороста, которого было полно вокруг. Его скармливали маленькому пламени, разгоревшемуся из высеченной стариком искры. Она словно горящая стрела влетела в приготовленную кучку из сухой травы, мха и лишайника, и подожгла ее. А поскольку первобытные охотники усердно подкладывали хворост, то спустя время на краю пещеры запылал большой костер. Старик засунул в него обломки смолистых сучьев, которые должны были освещать путь в пещерной тьме.

Управившись со всем этим, охотники в тусклом свете чадающих факелов зашагали тем же путем, которым ходила медведица.

Они миновали каменистый склон, прошли по узкой глинистой дорожке возле пещерной стены – один за другим, тихо и осторожно.

Впереди шагал старый охотник. В слабом свете факела он внимательно осматривал дорожку, по которой они шли. Долгое время он молчал, но вдруг радостно вскрикнул. Старик обернулся к молодым охотникам и со счастливой усмешкой на широком лице указал им рукой на многочисленные медвежьи следы, отпечатавшиеся на влажной глине.

Следы пересекались, одни вели в пещеру, другие, как было видно, направлялись наружу. Они имели разную величину. Среди больших, явно принадлежащих старым медведям и медведицам, были и средние и даже совсем маленькие, от лапок самых молодых медвежат. Следов тут виднелось в избытке, ведь каждый мохнатый обитатель пещеры оставлял за собой в глине целую их вереницу. Из маленькой расселины в куполе постоянно капала вода, которая делала глину влажной и в нее глубоко погружались тяжелые медвежьи лапы.

Наличие следов успокоило древних охотников, их сердца трепетали от первого предчувствия великой битвы. В их мыслях переплелись фантастические сны и домыслы, вытеснившие из памяти все остальное. В те минуты неандертальцы забыли об изнурительной охоте на оленя, о своем стойбище, о великолепии восходящего и заходящего солнца, о красоте солнечных дней, о бледном свете луны и звезд, обо всем на свете.

Из состояния сильной эйфории первым вышел старый охотник. Он несколько раз сильно взмахнул угасающим факелом, а когда тот опять вспыхнул ярким пламенем, то продолжил путь. Тень старика на бугристой пещерной тропинке комично повторяла его движения. Она то уменьшалась, то вытягивалась до великанской длины, пряталась под скальными выступами или исчезала в темноте просторных ходов, но тут же снова появлялась и устремлялась вперед, словно боялась поглощавшего ее без следа мрака или же опасаясь быть настигнутой двумя другими тенями, которые без устали следовали за ней по пятам. Тень трепетала и убегала, но внезапно замерла неподвижно.

Старый охотник остановился и глядел на небольшую стену из валунов. Дорожка заканчивалась двумя громадными глыбами, а на другой стороне быстро терялась на возвышенном глинистом полу пещеры, делавшейся в том месте очень узкой. Прежде выющаяся близко к стене, там она пробегала по короткой узкой теснине, словно бы созданной для прохода медведей.

В голове старого охотника мелькнула мысль, что этот угол пещеры станет будущей весной местом великой охоты.

Но для этого требовалось как следует его осмотреть. Пока старик лез вверх по стене валунов, молодые охотники изучали узкую теснину. Они оценили ее ширину и высоту, залезли на огромные глыбы и примеривались, насколько глубоко можно ударить с них дубинами. После этого исследования неандертальцы осмотрели и стену пещеры и на лицах их отразилось умиротворение – они заметили прямо за проходом неглубокую нишу, в которой мог укрыться готовый к внезапному и неожиданному нападению охотник.

И старик детально изучил все возле ущельища, лицо его также хранило спокойное выражение. Потом все трое проскользнули через теснину и поспешили дальше по дорожке в темные глубины пещеры.

Через некоторое время охотники остановились, напряженно прислушиваясь. На их лицах появилось беспокойство, а глаза загорелись странным блеском. Из темной дали доносились тихий шум и журчание, чью причину они не могли объяснить. Неандертальцы глядели друг на друга, размышляя – идти ли дальше или же отступить, потому что они от природы были осторожны и недоверчивы ко всему незнакомому и чужому. Это свойство, передаваемое из поколения в поколение, уберегло многих охотников от болезненной гибели. Но однообразное тихое

журчание постепенно успокоило взбудораженные мысли мужчин, так что чуть погодя они снова продолжили путь.

Шли, как и раньше, с осмотрительностью и были готовы в любой момент пуститься наутек, если это понадобится.

Чем громче и отчетливее становились таинственные звуки, тем больше успокаивались первобытные охотники, уже различив шум и журчание воды. Спустя недолгое время они достигли каменного вала, а за ним простиралась неприкосновенная территория пещерных медведей с их маленькими медвежатами.

Без долгих размышлений неандертальцы забрались на самый верх. В неярком свете факелов увидели внизу перед собой маленький ручеек, который вытекал из одной стены, образовывал коротенькое русло на пещерном полу, а потом исчезал в стене напротив. По обоим его сторонам валялись несколько полуразвалившихся скелетиков маленьких медвежат возрастом не больше года. В одном месте, прямо под ними у подножия каменного вала они увидели кучку маленьких косточек – останки медвежонка, погибшего спустя несколько дней после своего рождения и так и не увидевшего солнышко, горы и леса.

Охотники оглядели кости безо всякого интереса и эмоций, а спустя время по знаку старика полезли обратно. Они прошли было еще часть одного из больших просторных ходов, но быстро вернулись – их последние факелы уже догорали.

Быстрым шагом неандертальцы возвратились назад к пещерному входу. Когда они достигли его, то увидели, что снаружи уже наступила звездная ночь. Поэтому они разгребли кострище, собрали горячий пепел в кучу и, подбросив туда немного сухой травы со мхом, запалили новый огонь. А тот своими бесчисленными красными языками быстро пожирал ветки, которые клали в него охотники.

Чуть спустя в пещере недалеко от входа весело пылал большой костер, распространяя вокруг себя яркий свет и приятное тепло.

Древние охотники тихо сидели у огня. Они оцепенело глядели на пламя и в их мыслях, перемешавшихся из-за стольких событий и впечатлений, начали рождаться выдуманные образы высочайшей доблести, величайшей отваги и поразительной силы – мечты, которые со временем должны были превратиться в подвиги невиданного великолепия и неслыханной храбрости.

А снаружи над спящим краем тихо висела ночь...

Рано утром охотники покинули пещеру и отправились в обратный путь. Спустившись в ущелье, они убрали наваленные на оленье мясо камни, достали его и, разделив между собой ношу, поспешили вдоль реки к пещере-стойбищу, где их уже нетерпеливо дожидались. Когда наконец-то спустя долгое время мужчины добрались до ее низкого входа, их приветствовали радостными криками женщины и голодные дети...

Осень подходила к концу и собиралась передать власть зиме. Дни становились короче, ночи – все длиннее и резкие заморозки уже много раз покрывали к утру весь край сверкающим инеем. Ледяные ветры срывали с деревьев и кустов пестро окрашенные листья, заключали их в свои широкие объятия и уносили с собой. Бешеные вихри кружили их высоко в воздухе, чтобы наконец безжалостно швырнуть на землю и покрыть ими увядшую траву.

Ущелье затягивали густые клочья тумана, окутывая шумную реку белой непроницаемой завесой. Серые тучи надолго застилали голубизну неба, а из их хмурой пелены все чаще и упорней сыпал морозящий дождь, наполнявший влажным холодом весь опечаленный край. А когда он сменился сильным ливнем, то казалось, будто природа оплакивала нежную красу утерянной весны, сладкий покой минувшего лета и буйную пестроту умирающей осени.

Медведица со своими детенышами вот уже несколько дней бродила всегда неподалеку от пещеры, из которой они вышли еще весной. Старая самка была толстой и на спине над передними лапами у нее торчал мощный жировой горб – богатая кладовая питательных веществ для долгой зимней спячки. Оба мишки тоже выглядели толстенькими и упитанными, но горбик жира виднелся на спине только у одного из них. Тот детеныш, чья лапка летом была сломана, уже не успел его накопить.

Пасмурные дождливые дни поздней осени сказались и на жизни медвежат. Холодными днями их веселость и шаловливость пропала, шерстка перепачкалась и они грустно топали вслед за мамой.

Но зато они нисколько не мерзли. Еще долгое время назад, когда ненастной погоды и в помине не было, их длинную редкую шерсть заполнили тонкие, словно шелковистые ворсинки, хранившие медведицу и медвежат от холода и сырости. Зимняя шуба защищала их от осенней непогоды.

Медведица беспокоилась. Она постоянно бродила вокруг пещеры, несколько раз останавливалась перед входом, подолгу глядя на него, настораживалась и принюхивалась, потом опять уходила прочь. Но с каждым разом удалялась на более близкое расстояние, как будто знала, что однажды все-таки придется туда войти, найти какой-нибудь теплый угол далеко от входа и переждать там с медвежатами в глубокой спячке то время, когда все снаружи будет покрыто снегом и наполнено ледяным дыханием зимы.

С каждым днем мир вокруг становился все ненастнее и неприветливей.

Как-то раз налетевший из-за гор ледяной северный ветер принес с собой громады седых туч, из которых полил сильный и холодный дождь. Медвежата укрылись под нависшей скалой, прижались друг к другу и спрятали свои маленькие любопытные носики между мохнатых лапок. Оттуда они уныло глядели на однообразие серого ненастного дня, а

потом вдруг веки детенышей опустились – монотонный шелест дождя их убаюкал.

Медведица стояла в сторонке, озабоченно покачивая своей большой головой. Она чуяла, что уже близко то время, когда придется надолго уйти с детьми в пещеру. Но перед этим нужно было кое-что еще сделать. Как только дождь перестал, она растолкала своих медвежат и тем с неохотой пришлось покинуть тихое укрытие. Они должны были следовать за матерью, которая вела их на находившийся неподалеку луг. Когда семья добралась туда сквозь ветер и неприятную изморось, медведица выкопала из земли клубни и корни каких-то растений, которые потом пожирала, предлагая медвежатам сделать то же самое. Те было набросились с радостью на еду, но едва лишь попробовав, тут же ее выплюнули – настолько противной и горькой она оказалась на вкус.

Но медведицу не волновало их фыркание. Она без устали принуждала детенышей съесть эту гадость. Когда мишки заупрямились, мать разозлилась и все-таки заставила одного за другим взять в пасть невкусные корешки, которые нужно было проглотить. Медведица никак не реагировала на их отчаянные вопли. И когда детеныши с отвращением сжевали противные растения, для нее этот час стал великим благословением, ведь с опорожненным кишечником зимняя спячка была приятной и здоровой.

Потом они еще день или два блуждали по краю, а когда в порывах ветра затрепетали первые снежинки, медведица направилась к пещере, вошла туда с медвежатами и спустя время они исчезли в темных подземельях.

Они опять шли тем же путем, что и весной. Но на глинистой дорожке медведица на минуту остановилась, внимательно обнюхивая странные следы. Они имели невероятно резкий запах, который ее неприятно раздражал и беспокоил. Это были отпечатки ступней неандертальских охотников, которые недавно посетили пещеру. Их следы остались тогда в мягкой влажной глине и ощутимый запах людских тел из них еще не выветрился.

Медведица вытянула шею вместе с головой и долго принюхивалась. Но слабый сквозняк пещеры не приносил с собой никаких подозрительных запахов. Поэтому после некоторых раздумий она продолжила путь, готовая напасть, если потребуется.

Но ничего не произошло и неприятный запах потихоньку улетучивался. А когда медведица с медвежатами перелезла через каменный вал и добралась до самого ручейка, запах совсем исчез. Это ее успокоило больше чем присутствие нескольких самок, пришедших сюда раньше.

Медведица нашла свое старое логово под скальным выступом и улеглась там. К ней прильнули ее медвежата и вскоре все заснули долгим крепким сном...

Снаружи между тем становилось все хуже и хуже. Ледяные ветры веяли над краем, метели укутали снегом горы, леса и ущелья. Веселая и яркая жизнь была надолго погребена под белым покрывалом холодной снежной пыли.

Печально и тяжело жилось в это время неандертальцам. Голод был их частым гостем и маленькому костру не удавалось выгнать зиму из пещеры.

Охотники выходили в морозную мглу и вихри стужи только хорошо замотавшись в мохнатые теплые шкуры.

Они тяжело пробирались по снегу в степь или в лес, где с невероятным трудом преследовали зверя. Они спотыкались и больно ранились об занесенные пни, об вывороченные стволы или валуны и проваливались в ставшие невидимыми ямы.

Страдания охотников усилились вдвое, когда один раз их застигла снежная метель. Напрягая до предела все силы, они хоть понемногу и с трудом, но все безостановочно шли, ведь в такой ситуации даже короткий отдых мог стоить жизни. Гонимый ветром снег колот кожу будто острыми иглами и ложился на их одежду неприятно холодящими толстыми слоями. Длинные редкие усы мужчин покрылись белым инеем из-за тяжело переводимого дыхания и резко выделялись на смуглой коже их лиц.

Часто случалось так, что все эти тяготы оказывались напрасными. После целого дня мытарств охотникам приходилось возвращаться назад – до смерти уставшими, с кровавыми воспаленными глазами и притом с пустыми руками. В таких случаях все ложились спать голодными и надеялись лишь на то, что завтра им выпадет больше счастья и удачная охота сможет прогнать голод из пещеры.

Вот так неандертальцы и проводили потихоньку зимние месяцы, по большей части голодая и терпя лишения. Когда мужчины не были на охоте, то молча сидели вокруг костра, а в их мыслях волшебными видениями проносились образы теплых солнечных дней, буйной зелени края и обилие зверей. В воспоминаниях всплывали времена благополучия и сладкого бездельничанья после удачной охоты. Из этой щемящей сердце задумчивости их вырывали лишь болезненно урчащие желудки и вопли голодных детей.

Но наконец-то с юга повеяли теплые ветры. Под их влажным дуновением таяли снега, превращаясь в потоки шумящей воды. И солнышко светило веселей, помогая согревающими лучами растопить белый покров всего края.

Зима, как всегда, защищалась. Возвращалась с сильными вьюгами и снегопадами, но вся ее ярость была напрасной – весна уже огласила свой приход. Капель следовала за капелью, метели сменились слякотью, а морозы уже не свирепствовали так сильно и мокрая земля больше не

затвердевала как камень. На склонах и лесных опушках расцветали шафран, белоцветники, подснежники, перелески, а вдоль ручейка, окруженного орешником с его бесчисленными, сеющими пыльцу желтыми сережками, готовились распуститься калужницы, чистяки и первоцветы.

В красоте и тепле наступающей весны неандертальцы быстро позабыли о всех мучениях зимних дней и ночей. Их охота стала уже не такой трудной и обессилевающей и вскоре мужчины уже никогда не возвращались без добычи. Кожа детей, побледневшая за долгое время пребывания в пещере, опять начала принимать здоровый цвет и они уже целый день весело резвились перед ее входом.

Лишь старый охотник оставался спокоен и волнение его возрастало с каждым весенним днем. Он постоянно глядел на вершины далеких гор, а когда с них исчезла последняя снежная шапка, был готов пойти навстречу великому приключению.

Тем вечером старик резкими звуками долго разговаривал с двумя молодыми мужчинами. Он объяснял им, что нужно как можно раньше идти к горам, чтобы охота на пещерных медведей удалась. Молодые неандертальцы согласно кивали головами, их глаза горели нетерпением и жадой такой великолепной добычи.

Они решили отправляться сразу же на следующее утро.

Солнце приятно согревало охотников, когда они пустились в путь. Но они шли не одни – в этот раз их сопровождали все члены группы.

Во главе маленького отряда шагал старый охотник, сжимавший в кулаке каменное рубило. За ним шли женщины и дети, несущие скудные запасы пищи, а замыкали шествие два молодых неандертальца, вооруженные крепкими суковатыми дубинами.

Отряд без спешки двигался по цветущему ущелью против течения реки, приходилось часто делать передышки, ведь женщины и дети очень быстро уставали. Поэтому вечером устроились на ночлег у подножия горного хребта под нависшей скалой, не пройдя еще и половины пути.

К горе с медвежьей пещерой неандертальцы пришли только лишь во второй половине следующего дня. Они доели остатки своих запасов. Пока женщины с детьми отдыхали, охотники отошли к берегу реки и искали там в слоях гравия продолговатые кремниевые валуны, которые откладывали в сторону кучкой. Когда таких набралось достаточно, они уселись там и заботливо осматривали камни. Выбрав самые подходящие, охотники разделили их между собой. Они поделились ими и с детьми, а потом по знаку старика все тронулись в путь к медвежьей пещере.

Уже наступил вечер, когда группа добралась до ее входа. Все сильно измучилось, однако отдыхать прямо сейчас было нельзя. Ребятишки вместе с молодыми охотниками разбежались вокруг пещеры в поисках сухого хвороста, мха и листьев. Старый неандерталец разжег костер и когда тот высоко запылал, дети с женщинами легли спать. От

усталости они быстро заснули, но сон их был беспокойным. Спящие постоянно возились и ворочались на куче сухих листьев и мха. Молодые охотники спустя время тоже провалились в тревожное забытие, потому что их юные тела уже не могли больше сопротивляться сильной усталости. Лишь один старый неандерталец в задумчивости сидел у огня, охраняя покой и безопасность своих соплеменников...

Утренние сумерки несмело проникли в пещеру и коснулись век спящих. Женщины и молодые охотники проснулись, а дети продолжали спать, съезжившись и прижавшись друг к другу.

Но и они спустя время пробудились и выбежали из пещеры, чтобы какими-нибудь сладкими и сочными почками унять непреодолимо заявляющий о себе голод. Когда дети, чуть-чуть поев, вернулись назад, первобытные охотники уже приготовились к походу в дальние подземные глубины.

В слабом свете дымных факелов отряд тихо и осторожно продвигался сквозь тьму. Они спустились с каменистого склона, ступили на глинистую тропинку и один за другим зашагали по ней к узкому проходу.

Здесь старый охотник остановился, сошел с тропинки и направился вдоль каменной гряды к противоположной стене пещеры, перед которой находилась широкая глинистая площадка.

Оказавшись там, неандерталец воткнул в трещину в камне горящую смолистую ветку и начал носить на облюбованное место плоские камни для будущего кострища. Женщины помогали ему, в то время как молодые охотники вместе с детьми вернулись к пещерному входу, чтобы принести еще сухих веток и остатки кремниевых валунов.

Когда они вернулись назад, на сложенном из камней кострище уже пылал огонь. Из него торчало несколько толстых веток и старый охотник положил туда еще пару новых. Огонь взметнулся вверх, испуская далеко вокруг себя свет и тепло.

Настал тот час, когда после всех приготовлений можно было начать охоту.

Один из молодых неандертальцев, вооруженный дубиной и рубилом, встал на огромную глыбу возле прохода. Другой, только лишь с каменным клином, сжался в неглубокой нише в пещерной стене с другой стороны. Старый охотник, с суковатой палкой в одной руке и горящим факелом в другой, встал наверху каменной гряды неподалеку от кострища и из его горла вырвался сильный резкий крик, жуткими отзвуками разлетевшийся во тьме подземелья. Потом мощным взмахом мускулистой руки он швырнул горящую ветвь далеко перед собой и, соскочив к огню, бросил в пламя несколько горстей сырого мха, так что мгновенно оттуда повалил удушливый дым, разносимый сквозняком далеко по темным ходам. После этого старик вынул из костра другую пылающую ветку и с новым жутким воплем кинул ее вперед.

К его диким крикам присоединились такие же безумные вопли молодых охотников, визг женщин и верещание детей. По пещерным проходам разнесся ужасный рев, беспрестанно порождавший эхо, которое многократно его усиливало. Стоило ему умолкнуть, как тут же звучали новые выкрики, сливавшиеся в новый многоголосый вой, угрожающе разлетающийся по подземелью...

Непривычный гам вырвал пещерных медведей из дремоты, ведь они уже не находились в глубокой спячке как в середине зимы.

Они раздраженно вскочили со своих лежек и нерешительно стояли на месте, не ведая о том, что нарушило их покой.

В одном из меньших боковых ходов от шума проснулся старый огромный медведь. Он злобно зарычал и беспокойно топтался. Когда вопли не прекратились и его ноздри учуяли едкий чад, то зверь решил покинуть пещеру. Он осторожно шагал через непроглядную тьму, все более обеспокоенный криками и острейшим запахом дыма.

Когда в конце концов медведь дошел до места, где боковой ход соединялся с главным, он в испуге устоял перед представившейся перед ним странную картину. У стены пещеры полыхал большой огонь. Возле него визжали жены и верещали дети. Поодаль, на верху каменной городьбы стоял мужчина с горящей веткой в руке. Он резко взмахнул ею, а потом сильным броском швырнул ее в ошеломленного медведя. Горящая ветка глухо стукнулась о стену пещеры поодаль от зверя, а светлые искры обжигающим роем брызнули на влажную глину.

Медведь отскочил и с угрожающим ревом устремился к противоположной стене. Когда он добежал до глинистой дорожки, то направился по ней к проходу. Старик издал предостерегающий вопль, который должен был предупредить укрывшихся там молодых охотников, чтобы те дали пробежать медведю и не трогали его, потому что старый громадный зверь, который был ко всему еще испуган и разгорячен, означал для напавшего на него тяжкий бой и верную смерть.

Молодые неандертальцы послушались предостережения. Они позволили зверю беспрепятственно миновать теснину и скрыться в пещере.

Еще несколько больших медведей и медведиц без вреда для себя проскользнули через этот смертельный проход.

Молодой охотник, который укрывался за гигантским валуном, вскочил на него, лег там и, подобравшись, наблюдал за бегущими животными. Вдруг он увидел, как из черной темноты одного из ходов выскочил молодой, еще не очень большой медведь.

Старый охотник весело крикнул и бросил в него горящую ветку, едва не попавшую прямо в животное. Медведь испуганно взвизгнул, некоторое время беспомощно топтался на месте, но потом быстро припустил к проходу.

Молодой охотник ловко соскользнул с валуна на землю, сжал в кулаке свое оружие, размахнулся и как раз в тот момент, когда медведь выбежал, раздался свистящий звук. Тут же на лоб зверя с такой силой обрушилась дубина, что он сразу потерял сознание.

Охотник бил каменным рубилом упавшее на землю животное так долго, пока в нем не угасла последняя искорка жизни. Потом вместе с сородичем они оттащили убитого медведя с дорожки, бросили его в сторону и опять спрятались в засаде. Грудь их раздувалась от гордости из-за первой ценной добычи. Рты парней растянулись в широкой усмешке и далеко в пещерных глубинах отозвался эхом их победный и гордый клич.

Прошло не так много времени и новый вопль старика достиг их ушей. Те приготовились к приходу еще одного молодого медведя и эта жертва коварного нападения спустя время умирала под бешеными ударами их оружия.

Им удалось тем же способом убить еще одного зверя, а потом случилось несчастье.

Как только по пещере разнеслись первые крики первобытных людей, медведиц за каменной стеной охватило великое смятение. Испуганные воплями, раздраженные дымом и чадом, они потревоженно бежали с места на место, угрожающе рыча. Спустя время некоторые из них влезли на каменный вал. Когда же они разглядели вдалеке перед собой пылающий огонь, а возле него – нескольких шумящих древних людей с горящими ветками в руках, то оторопело застыли. Широко раскрытыми глазами животные смотрели на яркое пламя и на черные тени, скачущие возле него в тусклом свете.

Из оцепенения их вывел крик старого охотника, предупреждавшего младших сородичей о приближении огромного старого медведя – испуганного и разъяренного, первым пустившегося в бегство из пещеры. Когда медведицы увидели, что его побег удался, как и другим их сородичам, мчавшихся следом, то тоже начали пробираться к выходу. Некоторые бежали в одиночку, другие – с маленькими медвежатами, которых родили год тому назад.

Всем им благополучно удалось уйти. За стеной остались только те медведицы, у которых совсем недавно появились детеныши. Те решили быть рядом со своими малышами и защищать их во что бы то ни стало.

Среди них оказалась и та медведица, которая вместе с двумя шаловливыми детенышами провела зиму под скальным выступом недалеко от ручейка. Она не хотела оставаться – тоже решила убежать, но никак не могла пробудить из спячки одного из своих медвежат. Напрасно мать тормозила его с тихим урчанием, напрасно нежно трогала лапой – медвежонок не шелохнулся и спал как убитый.

Уже разозленная медведица нетерпеливо топталась над маленьким соней и теребила его все сильнее и немилосердней. Когда же все это не

помогло, мать внезапно нагнулась к медвежонку, собираясь головой вытолкать его из логова.

Но после того, как она коснулась мордой его тела, в мозгу медведицы вспыхнула суровая правда, пронзившая ее сердце тысячей игл. Медвежонок оказался холодным и окоченевшим. Он лежал, свернувшись клубочком, но не спал, а был мертв.

Во всяком случае, он принял легкую, безболезненную смерть. Во время долгой спячки он постепенно погибал от потери сил, ведь жировой прослойки под мохнатой шубкой не хватило на то, чтобы всю зиму поддерживать жизнь в его теле. Детеныш не нарастил горб на спине как мама и брат, сломанная лапка и смена зубов дважды помешали ему как следует отъестся и накопить достаточный запас жира. Поэтому его жизнь во время зимы понемножку угасала.

Когда медведица поняла, что уже ничем не сможет помочь мертвому детенышу, то решила хотя бы спасти оставшегося в живых. Она быстро перелезла с ним через каменную стену и помчалась по дорожке возле стены к опасному проходу, а медвежонок бежал чуть впереди.

Удирающего медвежонка первой увидела одна из женщин. Она завопила, тем самым предупреждая охотников о приближающейся добыче. Потом женщина с силой швырнула в медвежонка поднятый с земли камень, тот ударился о скалу и с шумом упал на пол пещеры. Дети подняли гвалт, визжали, кричали и брошенные ими камни засвистели в воздухе. Гомон, огласивший пещеру, полностью заглушил другой предупреждающий выкрик неандерталки, когда та увидела, что за убегающим медвежонком следует огромная медведица.

Когда раздался первый женский вопль, молодые охотники снова вернулись на свои места и с нетерпением поджидали жертву. В этот раз рядом с одним из них находился и старик, который слез с каменной гряды и в неярком свете горящей смолистой ветки разглядывал добытых медведей, брошенных возле дорожки за проходом. В ходе дальнейших событий, быстро последовавших одно за другим, это оказалось очень важным и стало большим счастьем для первобытного охотника.

Как только раздался топот бегущего медвежонка, один из молодых неандертальцев размахнулся и сильно ударил его покрытой сучками дубиной.

Но он промахнулся!

Парень рассчитывал на более крупного медведя и потому его удар пришелся мимо и без полной силы. Он лишь немного задел бок маленького медвежонка. Тот жалобно завизжал – скорее от страха, чем от боли – и быстро помчался прочь.

Другой молодой неандерталец, увидев маленького медвежонка, выскочил из ниши в стене пещеры и собирался преследовать его. Но окаменел от страха, едва сделав шаг.

В узком проходе между каменной грядой и стеной пещеры появилась могучая расвирипевшая медведица и с диким ревом набросилась на охотника. Ее сильные челюсти зарылись бедняге в грудь и разодрали ее глубокою раной.

Зверская боль, сотрясая тело молодого охотника, вывела его из ступора. Размахнувшись острым каменным рубилом, он ударил медведицу в голову, нанеся сильную рану прямо над глазом. Кость хрустнула и глаз вмиг залило красной кровью. Отпрыгнувшая медведица завывала от боли, а потом в ярости поднялась на задние лапы, распростерла передние и снова обрушилась на охотника, чтобы раздавить его в своих смертельных объятиях. Но прежде чем она успела сделать это, парень без сознания упал на землю.

Ошеломленная медведица бешено заревела, поднятая передняя часть ее тела с глухим грохотом опять опустилась – она собиралась кинуться на рухнувшего охотника и растерзать его.

И тогда, в момент наибольшей опасности, к разъяренной медведице подскочил старый неандерталец и горячей палкой с силой ударил ее по голове. Когда удар достиг цели, вокруг разлетелись тысячи пылающих искр. Много их попало на мохнатую шубу и в кровавую рану над глазом, непереносимо опаливая ее. Шерсть на медвежьей голове обгорела, кожа была опалена.

Неожиданное нападение так сильно застало медведицу врасплох, что она оставила лежащего в беспамятстве парня и обернулась к новому врагу. Но прежде чем она успела на него броситься, на ее голову обрушился целый шквал ударов, все они были очень болезненными, сжигали шерсть и опаливали кожу.

Ярость медведицы сменилась диким страхом. Она видела, как на нее без устали набрасывается какая-то огненная змея и оставляет на ее голове тяжелые раны. Огня медведица всегда боялась, а потому и сейчас начала отступать и спустя время обратилась в неистовое бегство. Она бешено неслась вперед и уже совсем перед выходом из пещеры догнала медвежонка. Тот радостно лкнул к матери, успокоенно повизгивал и весело бегал вокруг нее. Но она ничего этого не замечала, лишь помчалась прочь из пещеры, дав тихим урчанием знак медвежонку, чтобы тот следовал за ней.

Они быстро миновали выход, а когда неслись по склону к вершине горы, их лапы топтали синие колокольчики низеньких горечавок. И вскоре оба исчезли в глубине леса...

Дела в пещере были плохи.

Как только старый охотник отогнал горячей веткой разъяренную медведицу, то тут же бросился к раненому юноше. Он воткнул в трещину в пещерной стене факел, который заставил снова запылать, крутанув его в воздухе сильным движением. Потом старик склонился над бессильно лежащим сородичем, разглядывая открытую рану на груди, из которой лилась кровь, собравшаяся на земле в большую красную лужу. Лицо молодого охотника было смертельно бледным, веки глубоко запали, глаза закрыты, губы посинели. В руке он судорожно сжимал каменный клин, чье острие было покрыто медвежьей кровью.

Старый охотник кивнул другому парню. Они вдвоем ухватили сородича – один за ноги, другой под мышками – и осторожно отнесли к костру. Тяжелораненый был все еще в глубоком беспамятстве, которое, однако, являлось для него великим милосердием, потому что притупляло чувства и избавляло его от боли.

Охотники положили его в стороне от костра, возле стены пещеры, а одна из женщин подсунула ему под голову несколько горстей сухого мха.

Дети, перепуганные яростным боем, с любопытством собрались вокруг получившего увечье юноши и недоумевающе глядели на него. Хотя они видели огромную кровавую рану на груди, но не могли уразуметь, почему он лежит так без движения, почему не ревет от боли, почему не дергается и не трясется в жару, как они это уже несколько раз наблюдали, если кто-то возвращался с охоты с болезненным ранением.

Старый охотник отогнал детей и долгим, полным заботы взглядом окинул лежащего сородича. Он был встревожен, но ни один мускул на его лице не шевельнулся из-за этого. Лишь глубоко внутри трепетала боль, мелкими ударами сокрушая его сердце.

И молодой неандерталец тоже печально стоял возле своего приятеля и товарища по охоте. Но и он ничем не выдал того, что его сердце терзает тяжелое как валун горе. Он был уже мужчиной, закаленным охотником и потому никогда не смел показывать свои чувства.

Вдруг старик опустился на колени рядом с раненым, собираясь вынуть у него из руки рубило. Но юноша так крепко и судорожно его сжимал, что пришлось бы сломать ему пальцы, чтобы забрать каменный клин. Тогда старый неандерталец оставил ему оружие, но взгляд на его острие, красное от крови медведицы, напомнил ему об убитых зверях. Его глаза запылали дикой радостью, лицо просияло из-за богатой добычи, а внутри разлилась волна спокойствия после успешной охоты. Человек снова стал диким и безжалостным хищником, суровым к себе и к другим.

Старик отошел от раненого и направился к кучке кремниевых валунов, которые принесли сюда из ущелья. Отбивая края, он придавал

им клиновидную или миндалевидную форму, заботясь о том, чтобы острие было хорошо обработано и чтобы грани получились достаточно острыми. Спустя время напротив него уселся и молодой охотник и в пещерной тишине разносился однообразный стук и грохот. Каждый удар знаменовал превращение обычного валуна в полезный инструмент.

Землю возле первобытных охотников покрыло множество каменных осколков. Из них они выбрали самые большие и самые подходящие и тончайшей обработкой изготавливали из них разные ножи, наконечники, сверла и скребки. Мужчины работали торопливо, а потому создаваемые инструменты по форме и свойствам получались менее совершенными, чем если бы довелось изготавливать их в другое время и из другого материала.

Когда сделали их достаточно и в нужном количестве, то отошли от костра к убитым медведям. Каждый ухватил тушу за одну из передних лап и ее поволокли по пещерному полу обратно к огню. Потом возвратились за вторым медведем. Когда же очередь дошла до третьего, то охотники увидели, что его уже тащат женщины и им помогают дети. Мужчины предоставили им заниматься этим, ведь их самих ожидало еще много иной работы.

Молодой охотник подошел к кучке изготовленных инструментов и выбрал некоторые из них. Потом он опустился возле одного из убитых медведей, собираясь снять с него шкуру.

Тут раздались односложные выкрики старого охотника. Парень поглядел на него, стараясь понять звуки, с которыми тот к нему обращался. Старый неандерталец помогал себе жестами, чтобы сделать свою речь более вразумительной.

И парень быстро понял, чего желает старик.

Он подошел к медвежьей голове и кропотливо начал отделять ее от тела. Острыми ножами он вспарывал кожу, разрезал пучки мышечных волокон, перерезал сосуды и тугие сухожилия, а когда его инструменты наткнулись на костяной позвоночник, ножи пришлось отложить и заменить их мощными остриями и клиньями. Молодой охотник вонзил их между третьим и четвертым позвонками и ломал их так долго, пока они с треском не отделились друг от друга. А потом он снова орудовал острыми ножами и лезвиеподобными скребками, преодолевая все тяготы работы с помощью силы и сноровки. Наконец медвежья голова отделилась от тела, щеря оскаленные зубы на голову своего сородича – старый охотник как раз проделал с ним ту же работу.

Пока юноша обезглавливал третьего, последнего медведя, старик отрезал от туш могучие лапы. Он вынимал из них плечевые и бедренные кости, которые освобождал от мяса и складывал в кучу к головам. Хотя молодой охотник тоже работал и прилежно помогал ему, прошло немало времени, прежде чем они вынули кости из всех лап.

Управившись в конце концов с этим, они стянули кожу с медвежьих конечностей и на раскаленные камни, окружавшие костер, положили куски чистого мяса, туда же отправились и более мелкие части с костями.

Аромат жареной медвежатины распространялся вокруг огня и возбуждал аппетит голодных детей. Один из старших мальчиков приблизился к костру, вытащил оттуда кусок, отошел к стене пещеры и начал с жадностью его есть. Но не успел он и глазом моргнуть, как другой мальчишка грязной рукой вырвал у него мясо и сам впился в него голодной хваткой. Обокраденный прыгнул на него и старался вырвать ворованную еду.

Завязалась дикая потасовка. Ребята начали драться, кусались и царапались, вцеплялись сопернику руками в грубые растрепанные волосы и немилосердно рвали их, тянули друг дружку за уши и больно щипались. А когда в ожесточенной борьбе сшибли друг друга с ног, то не прекращали схватку и на земле, катаясь туда и сюда. Пока они так дрались, на плоском камне поодаль сидела девочка с всклокоченными волосами и потихоньку доедала кусок мяса, за который бились мальчишки.

Кто знает, сколько бы это еще продолжалось, если бы решительно не вмешалась одна из женщин. Склонившись над борющимися мальчиками, она оторвала одного от другого, а потом, наградив каждого изрядным подзатыльником, оттолкнула драчунов в разные стороны. Те скалились, грозили друг дружке издали и угрожающе друг на друга покрикивали, тем не менее, схватка из-за энергичного вмешательства женщины была уже закончена.

Но гнев их быстро улетучился. Чуть позже оба опять дружно сидели рядом и каждый обгрызал кость, которой его оделили женщины. Вокруг них уселись и остальные дети, все с аппетитом закусывали полусырой медвежатиной.

Аромат жареного мяса и громкое чавканье пирующих детей и женщин дразнили обоих охотников так, что те не удержались, чтобы тоже его не попробовать. Они уселись к костру и каждый ухватил рукою полусырой кусок. Крепкими зубами мужчины-неандертальцы отрывали мясо от кости и жадно проглатывали, даже толком не прожевав. На их лицах воцарилось спокойное выражение, а приятный вкус кровавой медвежатины, который ощущался во рту на языке, способствовал тому, что и они шумно и со вкусом зачавкали.

Молодой охотник держал в руке кость, которую все время поворачивал и отрывал с нее мясо. Внезапно он отбросил ее, хотя там оставалось еще чего погрызть. В иные времена парень бы так не поступил, он обглодал бы кость до светлой белизны. Но сейчас мяса имелось в досталь и не нужно было его беречь. Поэтому он выбрал новый

кусочек чистого сочного мяса, а полуобъеденную кость опять пренебрежительно выбросил.

Кость отлетела от стены пещеры и упала прямо к ногам маленькой девочки. Та схватила ее покрытыми грязью ручонками и внимательно осмотрела со всех сторон. Когда же она увидела, что на кости еще полно мяса, глазки девочки загорелись и она с аппетитом впилась в него. Оторвала зубками кусочек, но когда почувствовала его вкус на языке, ее аппетит прошел. Девочка долго мяла мясо в ротике, измельчала его зубками, но, в конце концов, выплюнула. Иными словами, глазки еще ели, но животик уже не мог.

Малышка еще некоторое время играла с костью и вдруг, словно озаренная внезапной мыслью, вскочила на ножки и побежала к раненому охотнику. В ее маленьком неразвитом мозгу мелькнула мысль о том, что только он один еще ничего не ел и поэтому он голоден.

Девочка встала возле раненого, подавала ему кость и тоненьким щебетом, полным детской нежности, предлагала забрать ее и поесть мяса, которое там еще оставалось. Но охотник лежал неподвижно и не ответил ребенку ни единым звуком.

Девочка некоторое время недоумевающе и растерянno таращилась на него, а потом ей вдруг подумалось, что он, наверное, спит. И она присела к нему и тихонько потрясла за тяжелую мускулистую руку. Раненый лишь захрипел, слабо и болезненно застонал, но глаз не открыл. Тогда девочка взяла кость, прислонила ее к руке лежащего охотника и умчалась с радостным знанием того, что он сразу же найдет еду, как только пробудится от крепкого сна.

Она бежала обратно к костру и остальным детям и в ее глазках еще горели светлые звездочки примитивного сострадания. Это было чувство, зародившееся уже многие тысячи лет тому назад в самом дальнем уголке сердца неандертальского проточеловека и выраставшее в нем как скромный и невзрачный цветок, которому в те времена не суждено было распуститься в полную силу и обрести возвышенную чувственность современных людей.

Оба охотника быстро закончили с едой и отступили от костра. Молодой начал снимать шкуры с медвежьих тел, а старый ходил вдоль стены пещеры и собирал плоские известняковые камни. Он положил их друг на друга и получилось что-то вроде ящика. Выстроив камни таким образом, он установил на них медвежьи головы, обложив их плечевыми и бедренными костями.

Потом старик окликнул соплеменников. Когда все они собрались возле него, он повернулся лицом к каменному ящику с медвежьими головами и костями, широко расправил руки и из горла его полились странные напевные звуки. Сначала старый охотник хрипло распевал в одиночку, но потом к нему присоединились и остальные. В тишине и темноте пещерных ходов разносился странный монотонный хорал, так

неандертальцы почитали неведомые сверхъестественные силы. Напевными криками они благодарили своих богов за удачный исход дела и просили их, чтобы и будущие охоты принесли богатую добычу.

Вдруг старый охотник дико вскрикнул, воздел руки высоко над головой и, упав на колени, низко наклонился. Он лежал без движения перед каменным ящиком, касаясь лбом земли и вытянув далеко вперед руки. А за ним упали на колени и все остальные. В уголках пещеры затихали последние отзвуки странной песни. Когда они совсем умолкли, тяжелая тишина наполнила все подземелье. Ее ничто не нарушало, лишь порой были слышны болезненные вздохи раненого охотника или плеск капли, упавшей из скальной трещины на пол пещеры.

Старый неандерталец встал первым и степенными шагами прошествовал к гряде из валунов. Здесь он выбрал большую плоскую плиту и заложил ей каменный ящик словно крышкой. Потом снова низко поклонился и вернулся назад к костру. За ним шли и остальные.

Обряд был окончен. Богам воздали честь и смиренно поделились с ними добычей: они получили медвежьи головы и длинные кости, полные вкусного мозга.

Старый охотник уселся возле костра и его мысли вернулись к воспоминанию о медвежьем обряде, в котором он годы назад, еще зеленым юнцом принимал участие вместе с мужчинами своего племени в той пещере, где они тогда обитали. Он обдумывал, все ли было выполнено так, как в тот раз. Спокойствие разлилось в душе старика, когда тот осознал, что его обряд – самый торжественный и сложный из всех, на которых он когда-либо присутствовал.

Спустя какое-то время к костру пришел молодой охотник, женщины и дети и все снова начали пиршество.

Сытость наполняла их тела благодным ощущением умиротворенности и сладкой усталости. Глаза начали слипаться сперва у детей, потом у женщин и охотников. Вскоре все улеглись вокруг костра и заснули.

И лишь старый неандерталец, прежде чем закрыть глаза, бросил долгий взгляд на тяжело раненого юношу, все время лежащего в глубоком беспамятстве. Тень заботы появилась на его лице и не исчезла даже после того, как он забылся беспокойным старческим сном.

Костер горел высоким пламенем и приятно согревал лежащих вокруг него. Когда огонь пожрал все сухие ветки, он погас и в непроглядной тьме светились лишь раскаленные угли...

Проснувшиеся немного спустя неандертальцы снова развели костер и съели много медвежьего мяса. Потом оба охотника опять принялись свежевать туши. Стянув с одной из них шкуру, они швыряли ее женщинам и детям, а те убирали с нее остатки жира и мяса различными скребками, терками и даже небольшими ножами, которые мужчины изготовили из тонких осколков кремниевых валунов.

Полностью ушедших в работу неандертальцев вдруг потревожил жалобный крик. Он раздался так внезапно и был наполнен такой болью, что заставил всех вздрогнуть.

Все подняли головы и обратили взгляды к раненому охотнику. Тот метался в сильном жару, порой громко кричал и выл от боли, порой слабо стонал. Неожиданно приподнявшись, он широко распахнул глядящие в никуда, пылающие свирепым диким блеском глаза. Потом несколько раз сильно вздохнул и опять повалился на спину.

Юноша был мертв.

Первым подошел к нему старый охотник. Он долго глядел на умершего в тихой печали. Но ни один звук не вырвался из горла старика и ни один вздох не коснулся его губ. Он стоял словно окаменев, но в душе его бушевали боль и гнев. Из хаоса этого временного воспламенения чувств чем дальше, тем больше в мыслях старого неандертальца рождалась твердая уверенность в том, что они потеряли хорошего охотника, который много значил для благополучия племени. Лицо старика прорезали глубокие морщины, а его окаменевшее выражение сменилось отчаянной озабоченностью.

Молодой охотник тоже внутренне сокрушался от боли и сожаления. Его мысли возвращались к воспоминаниям проведенного вместе детства, веселью их мальчишеских лет, совместным охотам и верной взаимной дружбе. Но и его крепко сжатый рот не испустил ни единого вдоха.

Зато женщины и дети громко вопили, издавая неприятные крики и визгливые звуки, страшно разносившиеся по подземелью и замирающие в его глубинах. Мертвый охотник лежал как будто во сне. Болезненное выражение исчезло с его лица, тяжелое дыхание стихло и наполненные стонами вздохи умолкли. Голова умершего покоилась на кучке сухого мха, а возле вытянутой правой руки лежали каменное рубило и наполовину обглоданная кость.

Спустя время старый охотник отошел от мертвого юноши, сел по другую сторону костра и внимательно оглядел глинистый пол пещеры. Подом подошел к огню, бросил туда охапку сухого хвороста, и когда пламя высоко взлетело и стало ярче, он подозвал хриплым криком младшего сородича, дал ему длинный остроконечный камень и знаками показал, чтобы тот помог ему выкопать могилу.

Оба мужчины опустились к полу и длинными каменными орудиями вырыли широкую неглубокую яму.

Закончив эту печальную работу, они отнесли мертвеца к месту погребения. Охотники медленно уложили его на бок, притянули ноги к телу, а голову положили на правую, откинутую назад руку. Мертвый юноша выглядел так, словно спал. Каменное рубило, сопровождавшее

его на всех охотах и так крепко сжимаемое в смертельной агонии, положили рядом с ним, добавив еще несколько самых лучших кусков мяса.

А пока голову умершего обкладывали плоскими камнями, к раскрытой могиле подбежала девочка и добавила к куче мяса и полуобъеденную кость, которую ему уже предлагала.

Завершив погребение и немного утопав набросанную сверху глину, неандертальцы быстро закончили работу с убитыми медведями. Они разделали их туши, распределили между собой снятые шкуры и куски мяса и тут же покинули дурное место. Они брели в тусклом свете горящих веток в пещерной темноте к выходу, а достигнув его, слезли по крутому склону к реке в долине.

После короткого отдыха и утоления жажды холодной речной водой неандертальцы снова отправились в путь и постепенно исчезли вдаль,

отягощенные множеством мяса и столь желанных шкур, но лишившиеся молодого члена племени и хорошего охотника.

С высокой отвесной скалы за уходом неандертальцев испуганно наблюдала огромная пещерная медведица с большой сочащейся раной на голове. Она не спускала с них глаз, пока те не скрылись за склоном отдаленного холма.

Когда отряд исчез из вида, медведица легла на землю и положила свою раненую голову на мощные передние лапы.

Тут к матери прибежал молодой медвежонок. Он жался к ней, перелезал через могучее тело, тянул за лапы и уши, а потом вдруг подскочил к ее голове и розовым язычком начал вылизывать рану над глазом.

Это нежное растирание облегчало боль и наполняло медведицу сладостным чувством. Она зажмурила глаза, забыв в этот момент про погибшего детеныша, пережитый в пещере ужас, болезненную рану и неандертальцев, да и вообще обо всех горестях опасного мира, ощущая лишь то, что она не одна, что рядом хотя бы один из ее медвежат.

Она чувствовала себя так, словно кто-то легонько гладил ее сердце...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Дорогой читатель, если ты добрался до этой страницы книги, знай, что истории, которые были тебе рассказаны – не вымышленные. Я обобщил здесь научные открытия в некоторых областях, собранные за долгое время палеонтологами всей Земли, и в виде рассказов поведал тебе о них.

Знай также, что создания, о чьей счастливой или же печальной участи ты прочитал, существовали на самом деле. Они действительно выглядели так, как были мной описаны и на самом деле обитали в той среде, где происходили эти истории.

Поэтому, дорогой читатель, не сравнивай эту книгу с похожими на нее, которые ты уже знаешь. В них правда и действительность теряются словно крохотная песчинка на просторах разгулявшейся фантазии и пустых сенсаций. По сравнению с теми книгами мои истории, возможно, выглядят гораздо проще. Но именно из-за их простоты они максимально близки к правде.

Каждая из историй описывает происшествие, случившееся в определенную геологическую эпоху в каком-то уголке тогдашнего мира. Поэтому они охватывают лишь малую часть животного мира древних континентов и морей той или иной геологической эпохи.

Действие рассказа *Двойная смерть* произошло в Северной Америке, в верхнем юрском периоде мезозойской эры, где-то на территории современных штатов Монтана и Нью-Мексико.

В чудесной тропической стране тогда находилось царство самых огромных и самых ужасных ящеров (*Brontosaurus*, *Diplodocus*,

Brachiosaurus, Stegosaurus, Ceratosaurus, Allosaurus и др.), уродливых крокодилов (*Goniopholis, Diplosaurus, Coelosuchus*) и других рептилий.

Среди тогдашней растительности впервые в мире возникли пионеры современных растений – первые представители покрытосеменных.

И точно также как эти первые покрытосеменные демонстрировали несмелое начало развития совершенных типов растений, так и среди чудовищных рептилий появились многочисленные мелкие млекопитающие (*Priacodon, Tinodon, Menacodon, Laodon, Dicrocynodon* и др.). По сравнению с громадами из мяса и костей они выглядели настоящими карликами, но зато их мозг был гораздо лучше развит и в их жилах всегда текла теплая кровь. Это были родоначальники класса зверей, еще не совсем настоящие, но весьма способные быстро эволюционировать в более совершенных существ. Происходило это около 150 миллионов лет тому назад.

Действие рассказа *Зов одиночества* могло произойти в нижнем меловом периоде мезозойской эры на территории современной Бельгии возле Берниссара где-то 130 миллионов лет тому назад. История эта обязана своим появлением находке общего могильника с костями 23 огромных ящеров; из них 21 скелет относится к виду *Iguanodon bernissartensis*, а еще два – к виду их меньших сородичей *Iguanodon mantelli*. Знаменательное обнаружение этих динозавров из нижнего мела мезозоя состоялось в 1877 году в так называемой веалденской глине. Для их громадного скопления есть два объяснения:

1. Веалденские глины в Берниссаре залегают в глубоком ущелье у подножия гор каменноугольного периода палеозойской эры. Его дно покрыто острогранными обломками и валунами, которые появились в результате происходившего выветривания со склонов первоначального каменноугольного оврага. Так как осыпавшиеся камни не сглажены, есть законная гипотеза, что там не протекал никакой водный поток.

Вероятно, это был сухой овраг, доходивший до неких каменноугольных рек под незначительным уклоном. При наводнениях и паводках – во время сильных продолжительных ливней – река уносила с собой множество животных и растительных останков, приносимых туда мутными потоками дождевой воды. В тех местах, где находились входы боковых ущелий и оврагов, и там, где возникала стоячая вода, перемещение органических остатков уменьшалось или вообще полностью прекращалось. Когда-то они плавали по поверхности, но потом, когда перестали выделяться гнилостные газы, они опустились на дно и покрылись наносами. Новый паводок приносил новые останки, которые точно также оставались в таких стоячих водах.

Скелеты берниссарских игуанодонов лежали в самых нижних слоях глины прямо над острогранной осыпью, покрывающей дно

тогдашнего безводного оврага; только во время паводков он бывал затоплен и потому стал общей могилой для стольких ящеров одного вида.

2. Интересную гипотезу высказал австрийский профессор Отенио Абель. Согласно ей тела игуанодонов не принесла вода, он считает берниссарский овраг тем местом, которое престарелые ящеры сами разыскивали перед смертью, чтобы спокойно скончаться там.

По этой самой альтернативной теории в рассказе описана кончина старого игуанодона. Я создал окружение, в котором он жил, а его останки присоединились к скелетам его сородичей. Лишь один хищный *Megalosaurus* был взят вблизи по соседству, а именно из ганноверских слоев верхнего мела, где нашли многочисленные отпечатки его следов; кроме того этот ящер был известен из всех европейских слоев указанной эпохи.

Действие истории *Погребенная жизнь* разворачивалось около 100 миллионов лет назад на территории современной Монгольской народной республики в округе Шабарак-Усу. Первыми, кто осознал важность исследования Монголии, были российские ученые. Действительно, можно сказать, что главное место в изучении тех земель принадлежит русским исследователям, ведь в истории научных исследований Монголии в течение последних ста лет можно назвать такие известные имена как Пржевальский, Потанин, Козлов, Обручев, Чернов и др.

Если мы хотим обратить внимание только на палеонтологические экспедиции, то смело можно сказать, что русские специалисты начали их уже в 1892 году. Тогда именно В. А. Обручев нашел на границе Внутренней и Внешней Монголии зуб носорога из третичного периода. Член Академии наук А. А. Борисяк, основатель и первый директор Палеонтологического института в Москве, заявил еще в 1915 году, что третичные слои Казахстана очень схожи своим палеонтологическим содержанием со старыми отложениями в Монголии того же периода. Однако все эти научные исследования проводились в те времена от случая к случаю. Лишь при советской власти наступили перемены, и как еще будет упомянуто дальше, палеонтологические изыскания в Монголии начали проводить регулярно.

Раньше советских ученых до Монголии после первой мировой войны добрались американцы. Результаты известной палеонтологической экспедиции, высланной нью-йоркским музеем естественной истории в Монголию и Китай, стали материалом для нашей истории. Это исследование было предпринято по инициативе покойного ныне директора упомянутого музея Генри Ф. Осборна, одного из известнейших североамериканских палеонтологов. Именно он считал, что внутренние территории Азии – это области, бывшие колыбелью многих отрядов млекопитающих, в том числе и самого человека. Он не

являлся единственным приверженцем своей теории, ведь уже давно известно, что равнины Монголии – самые древние на всей Земле.

Край этот не всегда был таким негостеприимным, как сейчас. Мы знаем, что были времена, когда вместо сегодняшних степей и пустынь там простирались бесконечные первобытные леса и зеленые поля, по которым протекали многочисленные реки и ручьи. В те времена, когда здесь не было пустынь, этот край действительно мог стать тем местом, где при самых подходящих условиях осуществилось возникновение и первичное развитие некоторых отрядов животных. Поиски доказательств этой теории были главной задачей экспедиции, длившейся восемь лет (1922 - 1930).

Руководителем экспедиции был музейный палеонтолог Рой Чепмен Эндрюс. Научные результаты тех исследований необычайно интересны и можно сказать, что гипотеза Осборна во многих отношениях подтвердилась. Некоторые находки вызвали настоящую шумиху. Для журналистики и широких кругов общественности таковыми стали яйца динозавров, для научного мира – шесть маленьких черепов млекопитающих. И то и другое экспедиция отыскала в верхнемеловых слоях в Шабарак-Усу.

Члены экспедиции также обнаружили динозавра, который откладывал яйца. Это был *Protoceratops andrewsi*, известный на основании 70 черепов и скелетов, во всех возрастных стадиях – от едва вылупившегося детеныша до престарелой особи. Песчаные слои, содержащие окаменевшие яйца динозавров, достигают толщины в 200 футов (60, 96 метров).

Между откладкой яиц, найденных в самых нижних и в самых верхних слоях, миновали сотни тысяч лет. Для ученых эта находка имела огромное значение: впервые было установлено, что динозавры размножались яйцами и не были (по крайней мере, не все) сплошь живородящими, как думали многие в то время.

Над одним из гнезд с яйцами протоцератопса был найден скелет меньшего по размеру, бегающего на задних лапах динозавра. Осборн выдвинул компетентную гипотезу о том, что этот мелкий беззубый ящер разорял гнезда с яйцами протоцератопсов, а потому и назвал его *Oviraptor*, что в переводе означает «похититель яиц».

Все интересные факты, связанные с находками той геологической, палеонтологической и палеобиологической экспедиции и относящиеся к мезозойской среде обитания протоцератопсов и овираторов, я изложил в рассказе.

Первая советская палеонтологическая экспедиция в Монголию планировалась в 1941 году. Вторая мировая война сделала это невозможным. Но уже в 1946-м, год спустя после окончания войны, в Монголию послали небольшую экспедицию, чьей задачей было осмотреть уже знакомые места и узнать о дальнейших возможностях

палеонтологических исследований и раскопок. Руководителем ее был назначен Иван Антонович Ефремов, выдающийся эксперт в области ископаемых земноводных и рептилий, а также замечательный исследователь с большим экспедиционным опытом. Экспедиция работала на местности всего два месяца, в южной и восточной части пустыни Гоби. Возле Нэмэгэта она обнаружила гигантский могильник динозавров. Но приступить к раскопкам не смогли, потому что для этого не было ни достаточного количества подсобных рабочих, ни времени. Тем не менее эта находка оказалась лишь одним из многих успехов той маленькой экспедиции.

При действенной помощи и поддержке советской власти в 1947 году была организована новая экспедиция, на этот раз большая и современно оборудованная. Ее руководителем снова стал И. А. Ефремов. Научные результаты тех исследований, законченных в сентябре 1949 года, оказались огромными. Первым делом были изучены южные, восточные и западные области пустыни Гоби, были снова посещены уже знакомые места раскопок и обнаружено множество новых, до сих пор неизвестных, в результате экспедиция собрала 460 ящиков с палеонтологическими материалами общим весом более 120 тонн. Все эти материалы находились в прекрасном состоянии. Некоторые новые места раскопок ошеломили своим богатством.

Так, скажем, в одной лишь области Татал-Гол было найдено более трех тысяч костей и черепов самых разнообразных млекопитающих древнего третичного периода (олигоценовая эпоха). В областях Наран-Булак и Улан-Булак было собрано много костей и черепов древних копытных диноцератов, в области Эргиль-Обо были найдены двенадцать черепов вымерших носорогов, три огромных черепа древних бронтотериев и многочисленные кости других третичных млекопитающих, в области Алтан-Тээли две дюжины черепов третичных носорогов, жирафов и трехпалых лошадей (гиппарионов). Весьма достойными внимания и значительными были также находки костей и скелетов динозавров в меловых мезозойских пластах.

Эта большая экспедиция, организованная Палеонтологическим институтом Академии наук СССР, добилась больших научных успехов. Она не только вернулась с богатым материалом костных останков, ей также удалось установить и определить общую последовательную структуру животного мира Средней Азии – от второй половины мезозоя до самого четвертичного периода, действующую и для соседних территорий. Некоторые находки прояснили или же уточнили и наши суждения о возникновении и развитии многих групп животных. Но даже после этой большой экспедиции исследования советских палеонтологов в Монголии еще не закончились.

История *Драконьей скалы* разворачивалась на североамериканской земле, в современном штате Канзас. Там, где сегодня расстилаются необозримые прерии, доходящие до Колорадо, Небраски, Вайоминга и Южной Дакоты, в верхнем меловом периоде мезозойской эры поблескивала гладь великого моря. Оно было домом странных зубастых птиц, многочисленных рептилий и бесчисленных рыб.

В первую очередь из зубастых птиц можно назвать крупного *Hesperornis regalis*, неспособного летать, и хорошего летуна *Ichthyornis victor*, который по сравнению с первым был небольшого размера. Судя по массовым находкам их скелетов можно сделать весьма правдоподобный вывод, что они обитали большими стаями на берегах того исчезнувшего моря. Конечно, там жили и другие птицы (*Baptornis*, *Gravulus*), но их останки редки и незначительны.

Из тех рептилий, что носились по морским волнам, всем остальным созданиям внушали наибольший ужас ящеры рода мозазавров – огромные восьмиметровые *Tylosaurus dyspelor* и *Tylosaurus proriger*, затем меньший по размеру пятиметровый *Platecarpus coryphaeus* и громадный длинношей *Elasmosaurus platyurus* из рода плезиозавров. Разные большие черепахи (*Protostega copei*, *Toxochelys bauri*) обитали в открытом море и вносили в стаи бесчисленных рыб панику и смерть. Из них самыми крупными были двухметровые представители хищного рода *Portheus*.

Воздух над морем бороздили огромные летающие ящеры вида *Pteranodon ingens*, самые крупные летуны тогдашних времен. Они должны были жить большими стаями, ведь их останки необычайно многочисленны. Один только музей Пибоди в Нью-Хейвене хранит в своих коллекциях более 5460 останков этих ящеров, размах длинных узких крыльев которых превышал восемь метров. На скелете птеранодона весьма заметно собственно тело, так как оно сравнительно мало, с чем связана незначительная величина грудной клетки, крестца и таза.

С малым тазом согласуется правильность теории о том, что самки птеранодонов должны были откладывать совсем маленькие яйца. Живородящность у летающих ящеров предположить тяжело, ведь в те времена, когда самки должны были откладывать яйца, они оставляли открытое море и потом осматривали равнину точно так же, как это делают современные альбатросы.

В последнее время некоторые палеонтологи высказывались и выдвигали гипотезу о том, что птеранодоны, как и некоторые сегодняшние морские птицы, подыскивали для кладки яиц определенные острова или скалы и что они хотя бы короткое время заботились о вылупившихся беспомощных детенышах. На основании этих новых теорий я описал жизнь самок-птеранодонов у одинокой скалы в заливе

канзасского моря в верхнем меловом периоде мезозойской эры, примерно 100 миллионов лет тому назад.

Повествование *Буйство стихии* опять приводит нас в Северную Америку, в область современных штатов Небраска и Южная Дакота.

Здесь в олигоценовую эпоху третичного периода расстилались широкие травянистые равнины с многочисленными озерцами и прудами, со множеством лесов и с участками сухой степи. Они являлись домом для различнейших созданий, прежде всего древних млекопитающих, которые в те времена почти взрывоподобно развивались и образовывали несчетное количество видов. Некоторые из них продолжали эволюционировать, другие к этому больше не были способны.

И над тем краем местами вздымались высоко к облакам конусовидные вулканы. В те дни, когда они пробуждались на короткое время, то становились погибелью для всего живого поблизости от них; они отнимали жизнь или же на время делали ее чрезвычайно тяжелой. С момента катастрофы, которую пережили бронтотерии, минуло по крайней мере 40 миллионов лет.

Действие *Смертельной бури* имеет отношение к опатовской находке *Deinotheria*. А именно: случилось так, что в 1863 году на железнодорожной линии Брно – Ческа-Тршебова у Опатова обвалилась стена тоннеля и обнажились кости огромного дейнотерия. Расторопный путевой обходчик Штепанек быстро сделал весьма удачный набросок скелета в том положении, в котором он был найден.

На место обнаружения находки были вызваны профессор пражского университета Юлиус Сакс и Антонин Фрич, тогда еще младший ассистент пражского музея, который позже стал университетским профессором и нашим известным зоологом и палеонтологом. Перед ними лежал скелет дейнотерия в третичной миоценовой глине, а возле него находился большой ствол хвойного дерева. Вот так и вышло, что профессор Фрич выдвинул гипотезу, будто опатовский дейнотерий не умер естественной смертью, а был повален и задавлен тем стволом. Но это оказалось заблуждением.

Мой дорогой учитель, профессор университета доктор Ярослав Пернер нашел в своем архиве нечто, что не только опровергло неверное суждение о трагической кончине опатовского дейнотерия, но и объяснило причину неверной информации, переписанной из одного документа в другой. Речь идет об упомянутом оригинальном наброске найденного скелета, который сделал путевой обходчик Штепанек.

Благодаря этому сохранившемуся рисунку я недавно смог доказать в одной научной статье, что опатовский дейнотерий не погиб в результате несчастного случая, т.е. из-за падения могучего дерева, потому что тогда Штепанек нарисовал бы и лежащий на скелете ствол.

Его набросок удивительно детальный и для любителя выполнен очень правдоподобно и точно.

И хотя сегодня не стоит принимать во внимание предположение о трагической гибели древнего слона, тем не менее я очень признателен за этот материал для моей истории, пусть здесь и не тот случай, но такое событие вполне могло произойти когда-то и где-то. Опатовский дейнотерий погиб примерно десять миллионов лет тому назад.

Данная находка имела для палеонтологии большое и решающее значение. До этого времени в научном мире не было порядка с найденными останками дейнотерия. Натуралист Рене Антуан Фершо де Реомюр, впервые упомянувший в 1715 году о его бивнях, заявил, что не знает, какому зверю они могли принадлежать. В 1798 году знаменитый французский зоолог и палеонтолог Жорж Кювье после осмотра нескольких зубов дейнотерия предположил, что имеет дело с останками неких огромных тапиров, которые жили в одно время с мамонтами и мастодонтами.

Когда в 1829 году в Эппельсхайме (Германия) была впервые найдена половина левой челюсти с зубами, Иоганн Кауп сделал вывод, что по всей вероятности это останки вымершего бегемота. В 1835 году там же нашли целый череп, но специалисты из-за этого лишь еще больше разошлись во мнениях, какому же животному он принадлежал. Одни считали, что представителю китообразных, другие делали заключение, что это останки сирены, третьи опять твердили о некоем странном водяном звере, являющимся переходным звеном между толстокожими и китами. И лишь опатовская находка целого скелета дейнотерия привела к тому, что наши ученые (Я. Сакс, А. Фрич и А. Э. Ройсс) установили, что это – зверь из отряда хоботных.

Где произошли события, описанные в истории *Пылающая степь*, ты, дорогой читатель, уже сам знаешь из конца повествования. Я добавлю к этому еще только то, что красные глины в глубоком русле ручья Мегалоревма являются неисчерпаемым источником останков млекопитающих из нижнего плиоцена третичного периода.

Самые лучшие из них были открыты возле общины Пикерми, порой на глубине нескольких метров. Количество найденных костей на тех раскопках составляет уже многие тысячи. Разрозненные останки располагаются в отдельных слоях (горизонтах) в толще глины на расстоянии 30 см и нагромождены неправильно; хорошо сохранившиеся лежат рядом с разбитыми и потрескавшимися. Кости примерно равной величины и формы образуют отдельные группы, так что кажется, как будто они грубо рассортированы. Полные скелеты в этих местах – большая редкость.

Чаще всего там встречаются останки трехпалых лошадей (*Hipparion mediterraneum* и *Hipparion minus*), также нередко кости

разных антилоп и газелей, гиен, местами – свиней, носорогов и др. Гораздо реже можно встретить останки хоботных (*Mastodon pentelici*, *Deinotherium*) и хищников. Также достойны внимания находки обезьян (*Mesopithecus pentelicus*), местами даже нередкие; так, скажем, Жан Годри демонстрировал большой кусок глины объемом 1 м³ с восемью обезьяньими черепами внутри.

О причинах столь массовой гибели этих зверей разные палеонтологи высказывали различные мнения. В своем повествовании я придерживался теории, что смерти животных способствовал большой пожар, возникший после долгой засухи из-за удара молнии.

Пожары часто свирепствовали по всей степи тогдашней великой эгейской равнины, которая только в ледниковые времена четвертичного периода распалась на отдельные глыбы из-за мощных, глубоко проникающих тектонических разрушений, а позже оказалась по большей части покрыта сегодняшним Эгейским морем. Пожар, охвативший степь, гнал перед собой в дикой панике всех животных, без размышлений бросающихся в глубокое русло потока. Обезьяны и другие мелкие животные, жившие на прибрежных скалах или зацепившиеся за них при падении, скрылись от огня в скальных расселинах и полостях.

По-видимому, пожар погасил сильный ливень, сопровождавший бурю. Со всех сторон стекали быстрые потоки грязной воды, русло ручья не могло ни вместить, ни отвести их. Вода поднималась и уносила с собой разбитые тела сорвавшихся вниз зверей. Из-за наводнения утонуло много обезьян и мелких животных, укрывшихся в скальных трещинах берегов. Когда вода спала, останки животных лежали в самых спокойных местах реки, где их покрыли красные наносы. И такие катастрофы происходили в тех местах много раз, о чем свидетельствуют несколько слоев (горизонтов) с костями.

Действие рассказа *Озеро смерти* ведет нас на американский континент – в Калифорнию, к Ранчо Ла-Брея возле Лос-Анджелеса. В плейстоцене четвертичного периода, примерно 600 тысяч лет тому назад, здесь был водопой и возле него встречались всякие животные. Но на этих берегах на поверхность выступал асфальт, который стал истинной гибелью для бесчисленного числа зверей. Спустя долгие годы здесь накопилось несметное множество самых разных костей.

По данным Мерриама и Миллера из мелких зверей тут были найдены мыши, белки, кролики, из крупных – волки (*Canis dirus*), медведи, «саблезубые тигры» (*Smilodon californicus*), львы (*Felix atrox*), бизоны (*Bison antiquus*), слоны (*Archidiscodon imperator*, *Elephas columbi*), лошади (*Equus pacificus*), огромные ленивцы (*Mylodon*, *Megalodon*, *Megalonyx*, *Nothrotherium*) и другие. Из птиц здесь прежде всего были найдены многочисленные скелеты орлов (*Aquila chrysaetos*),

журавлей (*Ardea herodias*), американских воронов (*Corvus corax*), канадских гусей (*Branta canadensis*) и других.

Редко находимые останки хищников принадлежат молодым особям. Это объясняется тем, что увязшие в асфальте животные или их трупы привлекали лишь юных неопытных плотоядных, которые еще не знали о том, что эта легко достижимая добыча опасна для их жизни.

Действие последней истории *Охотники на пещерных медведей* произошло на европейской земле в четвертичном периоде, в конце третьего (рисс-вюрмского) межледникового периода, где-то 70 тысяч лет тому назад.

Жизнь пещерных медведей я изобразил на основании исследований членов Венского университета (в первую очередь профессоров Абеля и Эренберга) в штирийской «Драконьей пещере» («Drachenhöhle»), находящейся рядом с местечком Миксниц неподалеку от Граца.

О происшествии со сломанной лапкой одного из медвежат я поведал из-за находки академика Радима Кеттнера (1891 – 1967), профессора геологии Пражского университета; он нашел в отложениях пещеры Домица возле Плешивца в Словакии сломанную, но хорошо сохранившуюся лучевую кость маленького пещерного медвежонка в возрасте не старше одного года.

Гигантский олень четвертичного периода (*Cervus megaceros*) изображен согласно исследованиям Адольфа Бахофена фон Эхта.

Внешний вид и жизнь неандертальцев, древних людей из времен мустьерской культуры, изображены согласно новым данным разных исследователей. Их охоту на пещерных медведей я описал на основании исследований в упомянутой выше пещере в Штирии, а их обряды после охоты – по находкам в швейцарской пещере «Драконья нора» («Drachenloch»). Погребение молодого охотника изображено на основании находки скелета неандертальского юноши в Ле Мустьер во Франции.

Описание быта древних людей является результатом бесчисленных остеологических, палеобиологических, геологических и палеоклиматологических научных исследований. Из-за их масштабности и на сегодняшний день уже доскональной изученности нельзя добавить к этим данным какие-то отдельные подробности. Так что прошу, дорогой читатель – не сомневайся в том, что было здесь рассказано.

Возможно, дорогой читатель, тебе покажется ненужным то, что я оставил всем животным их латинские названия. Знай же тогда, что для всех них в нашей обиходной речи нет имен. А почему так, ты легко догадаешься.

Для тех зверей, которых можно назвать красивыми чешскими словами (напр. пещерный медведь, мамонт, большерогий олень), я всегда

их использую. Но мне совсем не нравится переделывать международные научные названия в какие-то вымышленные чешские и придумывать всяких там «кривогубцев», «странноящеров», «великоящеров», «острокожцев», «вихребыстрых ящеров», «ногачей», «трехрогов» и «кривоклювцев», как это пытались некоторые делать раньше. Такие слова все равно ни о чем не говорят и лишь оскверняют красоту нашего языка.

Если ты когда-нибудь захочешь узнать побольше о каком-то животном из специальных книг, то поверь мне – там ты никогда не найдешь упоминания о «странноящере» или «кривоклювце», но много прочитаешь об аллозавре и рамфоринхе.

Когда в смене геологических эр происходила эволюция животного мира, точно так же изменялась и развивалась растительность.

Некоторые типы растений, в определенные геологические эпохи бывшие весьма распространенными и потому игравшие в те времена очень важную роль, уже давно вымерли, так что в современной флоре от них не осталось и следа. Это касается, например, древовидных хвощей (*Calamites*) и плаунов (*Lepidodendron* и *Sigillaria*). Точно так же исчезли и кордаиты (*Cordaites*). Это были голосеменные деревья, высокие и стройные, с неровно ветвящимися кронами и длинными кожистыми листьями, собранными в плотные спирали на концах ветвей. Возможно, дорогой читатель, тебя заинтересует то, что эти вымершие растения получили свое название в честь ботаника и палеонтолога, который был заведующим бывшего Музея чешского королевства (сегодня Народный музей) в Праге. Август Йозеф Корда (1809 – 1849) погиб при крушении судна «Виктория» во время бури где-то в Атлантическом океане по возвращении домой после исследовательского путешествия в Америку.

Известны также растения, которые были весьма редкими в том геологическом периоде, когда впервые проявились, а позже необычайно развились или же географически широко распространились, хотя в наше время они произрастают лишь в определенных местах как слабое напоминание о своем прежнем расцвете. Таковы, например, первые хвойные деревья *Walchia* (родов *Lebachia* и *Ernestiodendron*), которые относятся к араукариевым растениям (*Araucariaceae*), они впервые появились в нижних слоях пермского периода палеозойской эры. Но уже в конце этого же геологического периода полностью вымерли, однако в начале мезозоя возникли похожие и близкородственные им араукарии (*Araucaria*). Еще в третичном периоде араукарии росли в Европе, сегодня же – исключительно в южном полушарии Земли. Тебе, дорогой читатель, они наверняка знакомы: один вид (*Araucaria excelsa* — араукария стройная) часто растет возле пригородных домов или в декоративных садах.

Точно также и кипарисовые (*Cupressaceae*) были распространены в Европе в третичном периоде гораздо шире чем сегодня. Из представителей этих древовидных или кустовидных растений в средней и северной Европе можно встретить в диком состоянии лишь можжевельник (*Juniperus*), а в Средиземноморье – кипарис вечнозеленый (*Cupressus sempervirens*), который отличается пирамидальной кроной. У нас также часто сажают и туи (*Thuja*), в основном в парках и на кладбищах, а ведь когда-то они были весьма многочисленны в наших местах.

Редкое сегодня дерево секвойя (вид *Sequoia gigantea* известен как североамериканское мамонтово дерево) было в меловом периоде мезозоя и в третичном периоде настолько распространено, что его отпечатки и обломки находят даже в меловых слоях полярного края. Это свидетельствует о том, что в геологическом прошлом климат в Заполярье не был столь негостеприимным как сейчас.

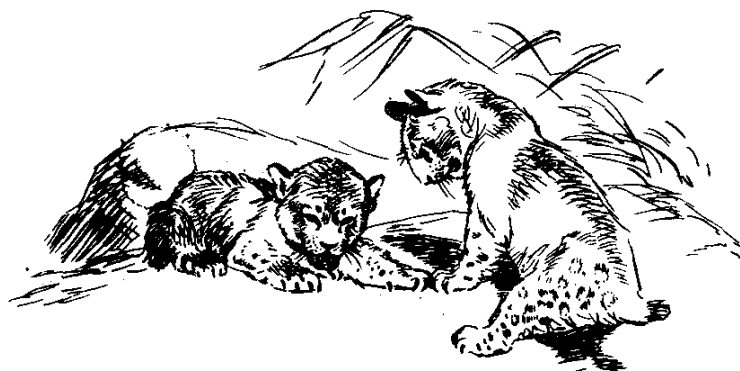
В разных пластах каменноугольного и пермского периодов палеозоя встречаются останки удивительных хвойных деревьев, чьим единственным сегодняшним представителем является гинкго (*Ginkgo biloba*). Первые представители гинкговых появились еще в карбоне и перми (*Psytgtophyllum*). Собственно род *Ginkgo* был очень богат видами, широко распространившимися в юрском периоде мезозойской эры, но уже в меловом периоде мезозоя и в третичном периоде число этих растений начало убывать. Вообще-то гинкго – это хвойное дерево, однако же имеющее вместо иголок широкие двухлопастные листья с веерообразными неветвящимися жилками. Зимой его листья опадают. Сейчас этот реликт в основном растет в Китае и Японии. У нас его тоже иногда высаживают, чаще всего в парках как декоративное дерево.

Равным образом и цикадовые (*Cycadaceae*) давным-давно пережили времена своего распространения и расцвета. Эти древние голосеменные растения древообразной либо низкой формы с цилиндрическим или шарообразным стволиком. Их первые представители росли уже в конце палеозоя; например, пермский род *Pterophyllum* известен и из наших моравских пластов нижней перми. В мезозое цикадовые достигли великого развития и относились к одним из самых известных растений тех времен. Древовидные формы (*Cycas* и другие роды) внешне очень напоминают пальмы своими длинными перистыми листьями, состоящими из весьма жестких сегментов. Сухие и препарированные листья саговника японского (*Cycas revoluta*) используют для похоронных венков и обычно неправильно называют пальмовыми листьями. Цикадовые у нас, как и в других местах Европы, выращивают в оранжереях. В дикой природе они произрастают только в тропиках и субтропиках.

Книгу иллюстрировал мой друг, художник-академик Зденек Буриан. Все иллюстрации он сделал под моим руководством после проработки огромного количества костных останков вымерших животных. Они соответствуют современным научным знаниям и не являются фантастическими рисунками или копиями старых, сегодня уже неправильных реконструкций.

Точно так же, как автор и художник стремились как можно более увлекательней и наглядней передать тебе, дорогой читатель, несколько образов из жизни в стародавних исчезнувших мирах, так и целью издательства было вручить тебе хорошую, интересную книгу. Получилось ли это у нас – судить тебе!

Если ты остался доволен, то нас будет радовать мысль, что мы не зря проделали свою работу.

Edice Knihnice všeobecného vzdělání mládeže

UNIV. PROF. RNDr. JOSEF AUGUSTA, DrSc, NOSITEL ŘÁDU PRÁCE A
VYZNAMENÁNÍ ZA ZÁSLUHY O VÝSTAVBU

ZAVÁTÝ ŽIVOT

Ilustroval, předsádku a obálku navrhl

ZDENĚK BURIAN, NOSITEL VYZNAMENÁNÍ ZA VYNIKAJÍCÍ PRÁCI

Vydání 7. (v SPN 3.) — Praha 1976 — Počet stran 176 a 8 příloh — Odpovědný redaktor:
Rudolf Turek — Výtvarná redaktorka: Marie Tůmová — Technický redaktor: Miloš Jirsa
— Z nové sazby písmem Digi-Antiqua a s 39 obrázky v textu vytiskla Severogra-
fia, n. p., Liberec — Formát papíru 70 cm x 100 cm - AA 14,08 (11, 04 textu, 1,70 grafiky, 1,34
příloh) — VA 15, 24 — Náklad 100 000 výtisků — Tematická skupina a podskupina
14/76 - Cena vázaného výtisku Kčs 21,00 — 510/22, 857 - Vydalo Státní pedagogické
nakladatelství, n. p., v Praze jako svou publikaci č. 56-19-19

14-659-76 Kčs 21, -